

ISSN 2500-039X

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия
Филология, педагогика,
психология

№1

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета
им. Иммануила Канта
2022

Редакционная коллегия

- И. Н. Симаева*, д-р психол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (главный редактор);
С. С. Ваулина, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
В. К. Пельменев, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта (зам. главного редактора);
О. В. Александрова, д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;
Н. Г. Бабенко, д-р филол. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
Л. В. Байбородова, д-р пед. наук, проф., ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
В. П. Бездухов, д-р пед. наук, чл.-кор. РАО, проф., СГСПУ;
Л. М. Бондарева, канд. д-р филол. наук, доц., проф., БФУ им. И. Канта;
А. О. Бударина, д-р пед. наук, доц., БФУ им. И. Канта;
И. В. Вачков, д-р психол. наук, проф., РАНХиГС;
А. А. Горелов, д-р пед. наук, проф., Научно-исследовательский центр
 по физической подготовке Вооруженных сил РФ, ВИФК;
У. Гравитис, д-р пед. наук, проф., Латвийская академия спортивной педагогики;
С. П. Евсеев, д-р пед. наук, проф., НГУ им. П. Ф. Лесгафта;
В. И. Заботкина, д-р филол. наук, проф., РГГУ;
Г. В. Залевский, д-р психол. наук, чл.-кор. РАО, проф., БФУ им. И. Канта;
И. Ю. Иеронова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
М. Е. Кобринский, д-р пед. наук, проф., БГУ ФК;
А. В. Кузнецова, д-р филол. наук, проф., ЮФУ;
Л. В. Куликов, д-р психол. наук, СПбГУ;
А. А. Насырова, канд. пед. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный секретарь);
А. М. Поликарпов, д-р филол. наук, проф., САФУ им. М. В. Ломоносова;
А. А. Реан, д-р пед. наук, акад. РАО, проф., НИУ ВШЭ;
Н. В. Самсонова, д-р пед. наук, проф., БФУ им. И. Канта;
С. В. Свиридов, канд. филол. наук, доц., БФУ им. И. Канта (ответственный редактор);
С. С. Филиппов, д-р пед. наук, проф., НГУ им. П. Ф. Лесгафта;
Н. С. Цветова, д-р филол. наук, проф., СПбГУ;
Т. А. Шарыпина, д-р филол. наук, проф., НГУ им. Н. И. Лобачевского

Учредитель

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта

Редакция

236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Издатель

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Типография

236001, Россия, Калининград, ул. Гайдара, 6

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-68537 от 31 января 2017 г.

Тираж 300 экз.

Дата выхода в свет 28.04.2022 г.

© БФУ им. И. Канта, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

<i>Жигулин Д. П., Бондарева Л. М.</i> Особенности использования языковых средств агональности в американском политическом дискурсе (на материале текстов предвыборных речей Д. Трампа и Дж. Байдена за 2020 год)	5
<i>Заварзина В. А.</i> О системной классификации терминологической лексики современного образования	13
<i>Коковина Л. В., Гераськова М. М.</i> Способы выражения субъективно-модальных значений уверенности-неуверенности в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и ее англоязычном переводе	24
<i>Ваулина С. С., Ван В.</i> Потому что или Потому, что? (Модально-коммуникативная специфика союза)	32
<i>Ревуцкая Е. А.</i> Теория концептуальной интеграции как метод исследования поэтического дискурса (на материале «Пярнуских элегий» Давида Самойлова)	40
<i>Будник А. А. О.</i> О влиянии языка модных журналов на моду речевого употребления	51

Литературоведение

<i>Липке Ш.</i> Образы автора и отечества в произведениях Н. В. Гоголя, Г. Гейне и Х. Рисаля	56
<i>Алексеева М. Г., Фролова В. А.</i> Актуализация диалектического единства «своей-чужой» в идеологических установках романа Г. Радтке «Татуированные»	74
<i>Дубаков Л. В.</i> Транскультурное обрусение буддийской составляющей в религиозно-культурной утопии цикла «Евразийская симфония» И. А. Алимова и В. М. Рыбакова	85

Педагогика и психология

<i>Рудинский И. Д., Пугачева Н. С.</i> Реинжиниринг процесса подготовки учебно-методической документации	95
<i>Бударина А. О., Симеева И. Н., Чуприс А. С., Шатохина В. А.</i> Особенности профессиональной подготовки педагогов: опыт Сингапура	104

CONTENTS

Linguistics

Zhigulin D., Bondareva L. Peculiarities of the use of agonality in American political discourse (on the texts of election speeches of D. Trump and J. Biden in 2020)	5
Zavarzina V. On the system classification of terminological vocabulary of modern education	13
Kokovina L., Geraskova M. The ways of expressing subjective-modal meanings of certainty and uncertainty in the comedy "Woe from Wit" by A. S. Griboedov and its English translation	24
Vaulina S., Wang W. Because or because of ["Potomu chto" or "potomu, chto"]? (Modal-communicative specifics of the conjunction)	32
Revutskaya A. Conceptual blending theory in poetry discourse analysis: the case study of <i>Pärnu Elegies</i> (1981) by David Samoylov	40
Budnik A. A. The impact of fashion magazines language onto the trends in speech	51

Literary studies

Lipke S. The image of the author and his country in works by N. V. Gogol, H. Heine and J. Rizal	56
Alexeeva M., Frolova V. Actualization of the dialectical unity of "Friend-foe" in the ideological attitudes of G. Radtke's novel "Die Tätowierten"	74
Dubakov L. Transcultural russification of the Buddhist component in the religious and cultural utopia of the cycle "Eurasian Symphony" by I. A. Alimov and V. M. Rybakov	85

Pedagogy and psychology

Rudinskiy I., Pugacheva N. Reengineering the process of the development of educational and methodological documentation	95
Budarina A., Simaeva I., Chupris A., Shatohina V. Features of professional teacher training: Singapore experience	104

Д. П. Жигулин, Л. М. Бондарева

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ АГОНАЛЬНОСТИ
В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПРЕДВЫБОРНЫХ РЕЧЕЙ
ДЖ. БАЙДЕНА И Д. ТРАМПА ЗА 2020 ГОД)

5

Поступила в редакцию 22.12.2021 г.

Рецензия от 30.12.2021 г.

Осуществлен сравнительно-сопоставительный анализ языковой специфики предвыборных речей Дж. Байдена и Д. Трампа за 2020 год. Особое внимание уделено языковым средствам агональности, функционирующим в данных текстах. Под агональностью понимается вид коммуникации противоборствующих сторон, пытающихся добиться превосходства в политическом состязании.

В процессе исследования установлено, что средства агональности, использующиеся в предвыборных речах претендентов на президентский пост, способствуют понижению авторитета оппонента в результате применения речедеятелями соответствующих стратегий и тактик, релевантных в семантическом пространстве политического дискурса.

The article provides a comparative and collation analysis of the linguistic specificity of election speeches of J. Biden and D. Trump in 2020. Particular attention is paid to the linguistic means of agonality functioning in the texts. This study views agonality as a type of communication of the opposing parties when trying to achieve superiority in a political contest.

The results of the study show that the means of agonality used in the election speeches of the presidential candidates contribute to the decrease of the opponent's authority, as a result of the use of appropriate strategies and inherent tactics relevant within the political discourse semantics.

Ключевые слова: агональность, политический дискурс, предвыборные речи, стратегия на понижение, речевые тактики

Keywords: agonality, political discourse, campaign speeches, decreasing strategies, speech tactics

Феномен агональности является актуальным объектом современных лингвистических исследований, хотя до сих пор не существует единой трактовки данного понятия. Большинство исследователей рассматривают его в узком смысле, то есть только в контексте политического дискурса, в то время как другие ученые подразумевают под агональностью определенный способ коммуникации в целом.

Основоположник культурологической теории игр Й. Хейзинга трактовал понятие агональности в более широком смысле, рассматривая его как бытийное выражение игровой культуры, и доказывал, что антитетическое начало и есть субстанциональность самой игры: уже начиная с архаических ритуальных организаций культуры в духовности человека обнаруживается перманентное стремление к борьбе [6, с. 80].

Отечественный лингвист В. И. Карасик противопоставляет агональный (сопоставительный) дискурс этикетному, так как коммуниканты намеренно обостряют обстановку, оскорбляя и высмеивая друг друга или присутствующих [3, с. 83]. В таком понимании агональный дискурс фактически приравнивается к конфликтному.

6

В свою очередь, О. Л. Михалёва рассматривает интерпретируемое понятие в рамках политического дискурса как «игру на зрителя», так как для агональной коммуникации характерно воздействие на адресата-наблюдателя с целью вовлечь его в дискуссию. Именно по этой причине говорящий стремится сделать процесс общения более зрелищным, что должно вызвать эмоциональный отклик у слушателя. Подобное воздействие осуществляется при помощи театральных приемов, нередко носящих намеренно эпатажный и агрессивный характер [5, с. 44].

Мы полагаем, что достаточно убедительным в данном контексте может служить мнение Е. И. Шейгал: агональность подразумевает модус общения противоборствующих сторон, которые при помощи определенных стратегий и тактик добиваются цели — победы на президентских выборах [8, с. 147].

Для более подробного рассмотрения феномена агональности необходимо предварительно обратиться к понятию политического дискурса, для которого характерны манипулятивность и зрелищность, а также факт превалирования формы над содержанием. Как известно, политический дискурс является разновидностью убеждающего (персуазивного) дискурса, имеющего своей целью воздействие на адресата для внесения изменений в его когнитивную картину мира и, как следствие, подталкивания к нужным адресанту действиям [5, с. 41].

В политическом дискурсе используются разнообразные коммуникативные стратегии, исследованием которых занимались такие ученые, как В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, О. Л. Михалёва, В. П. Конецкая, В. Е. Чернявская, Е. И. Шейгал и др. [1; 2; 4; 5; 7; 8]. С точки зрения целей нашей статьи особого внимания заслуживает классификация, предложенная О. Л. Михалёвой, где рассматриваются стратегии, используемые коммуникантами в политическом дискурсе, в частности стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности [5, с. 41].

Вполне понятно, что именно подобные стратегии служат средством реализации фактора агональности, являющегося одной из базовых характеристик политического дискурса, который референциально соотносится с борьбой политических оппонентов за власть.

Как показали исследования текстов предвыборных речей, с которыми претенденты на пост американского президента Дж. Байден и Д. Трамп выступили в 2020 год, наиболее показательна в этом плане стратегия на понижение, направленная на дискредитацию оппонента. Согласно О. Л. Михалёвой, для нее характерно использование тактик, эксплицит-

но или имплицитно выражающих отрицательное отношение к политическому противнику либо к его программе. К числу таких тактик относятся актуальные в контексте нашего исследования тактики (прямого) обвинения, безличного обвинения, обличения, угрозы, «анализ-минус» и оскорбления [5, с. 46–51].

Обратимся к рассмотрению средств языковой репрезентации тактик обвинения и безличного обвинения, наиболее активно используемых в анализируемых речах.

Известно, что одной из главных тем предвыборных речей Байдена и Трампа стала пандемия коронавируса, отношение к которой кандидатов на президентский пост во многом повлияло на итоги выборов.

В качестве примера использования агональной риторики Байденем служит критика оппонента за недостаточно эффективные меры по борьбе с вирусом: «*the first step in **beating** the virus is **beating** Donald Trump*» [13]. Прием языкового параллелизма способствует усилению прагматического эффекта данного высказывания, так как Байден не только применяет тактику обвинения политического соперника, ставя знак равенства между победой над Трампом и победой над коронавирусом, но и прокламирует политическое «уничтожение» Трампа в качестве главного условия избавления общества от коварного вируса.

Еще одна важная тема в речах Байдена — влияние пандемии и политики Трампа на экономику США. Прочитаем следующий текстовый пример: «*There is urgent work in front of all of us. **Getting** this pandemic under control to **getting** the nation vaccinated against this virus. **Delivering** immediate economic help so badly needed by so many Americans who are **hurting** today — and then **building** our economy back better than it ever was*» [14]. Употребление глагольного словосочетания *to get something under control*, содержащего герундий, служит для доказательства необходимости возвращения ситуации под контроль, что является выражением тактики безличного обвинения, при которой виновники прямо не указаны, однако последствия их действий расценены как негативные. Синтаксический параллелизм, дословный и варьированный повтор конструкций с герундием акцентируют срочность решения поставленных задач. Очередным маркером использования тактики безличного обвинения является выражение *building our economy back*, подразумевающее необходимость «заново отстроить» американскую экономику после разрушений, учиненных администрацией Трампа.

Применение тактики безличного обвинения позволяет Байдену акцентировать факт большого количества жертв пандемии коронавируса в стране и возложить ответственность за это на персону, именуемую им *anyone* («тот, кто...» / «некто»): «*Anyone who's **responsible** for that many deaths **should not remain as president** of United States of America*» [14]. Однако корреляция данной номинации со словосочетанием *remain as president*, сопровождающимся отрицанием, достаточно ясно указывает на Трампа как действующего на тот момент президента.

Применяя тактику (открытого) обвинения, Байден прямо говорит о неспособности своего оппонента управлять ситуацией в стране: «*He [Trump] **has no plan** for healthcare. **He** sends out wishful thinking, **he** has executive orders that have no power, **he** hasn't lowered drug costs for anybody, **he's** been*

promising a health care plan since he got elected. He has none. Like almost everything else he talks about, he does not have a plan. He doesn't have a plan. And the fact is, this man doesn't know what he's talking about» [12].

В данном случае тактика обвинения реализуется посредством анафоры — многократного повторения местоимения *he* в начальной позиции синтаксических структур разного объема. Для усиления прагматического воздействия своего высказывания Байден использует варьированный повтор фразы *he has no plan ... / he has none / he does not have a plan / he doesn't have a plan*, способствующий фокусировке слушателей на непростительной для главы государства черте — отсутствию планомерности и системности в собственных действиях.

8

Еще одним примером актуализации подразумеваемой тактики может служить употребляемая Байденом метафора, в основе которой лежит сравнение периода правления Трампа с «мрачной зимой» (*dark winter*), зимой, полной опасностей (*winter of peril*), что характеризует, по его мнению, бедственное положение американского общества на данный момент: «*This is the same fellow told you this is going to end by Easter last time. This is the same fellow who told you that, don't worry, we're going to end this by the summer. We're about to go into a dark winter, a dark winter, and he has no clear plan» [16].*

Очевидно, что в этом фрагменте речи Байден также применяет тактику прямого обвинения посредством использования повторяющегося словосочетания просторечного характера *the same fellow*, содержащего определенный артикль, в результате чего создается эффект непринужденного общения. Это обусловлено тем фактом, что речь была произнесена во время телевизионных дебатов, когда оппоненты находились лицом к лицу.

Однако в целом следует отметить, что Байден достаточно сдержан в своих речах в плане использования стилистических средств, в частности эпитетов, ярких эмоционально-оценочных высказываний и пр.

Что касается Дональда Трампа, то действовавший на тот момент президент США изначально практически не реагировал на проблему пандемии, игнорировал степень ее актуальности и не упускал возможности высмеять Байдена за чрезмерную, по его мнению, озабоченность соблюдением ограничительных мер. Для этой цели Трамп также использует тактику обвинения, прибегая к гиперболе (*the biggest mask*), о чем свидетельствует следующий текстовый фрагмент: «*I don't wear a mask like him, every time you see him he's got a mask. He could be speaking two hundred feet away from me and he shows up with the biggest mask I have ever seen» [11].* Дословное повторение существительного *mask* служит для дополнительной гиперболизации образа «маскирующегося» Байдена, который боится, как подчеркивает Трамп, показать электорату свое подлинное лицо в отличие от него самого.

Политический конкурент Байдена прибегает и к тактике обличения: «*Look, his own person chief of staff, said 'It was catastrophic, it was horrible, we didn't know what we were doing.' Now Biden comes up and he tells us how to do this. Also everything that he said about the way — every single move that he said we should make — that's what we've done, we've done all of it, but he was way behind us» [9].* Повтор синонимичных прилагательных (*catastrophic, horrible*) слу-

жит вновь для гиперболизации ошибок оппонента, хотя Трамп в данном случае цитирует одного из сотрудников Байдена (*his own chief of staff*) в качестве доказательства неспособности оппонента руководить собственной командой. Этот эффект усиливается указанием сотрудника на слова самого Байдена (*he said we should make*).

Больше внимания Трамп уделяет вопросу необходимости восстановления экономики в стране в период пандемии. В цитируемом ниже примере он использует как тактику обвинения, намекая на то, что экономика пострадает в случае победы Байдена вследствие депрессии, так и тактику угрозы, ставя электорат перед очевидным, по мнению Трампа, выбором посредством союза *or*: «*This election is a choice between a Trump super-recovery or a Biden depression*» [15].

Также для понижения авторитета оппонента Трамп использует тактику «анализ-минус», противопоставляя себя оппоненту и выделяя собственные заслуги посредством прилагательного *super*.

Характерно, что Трамп не оставляет без ответа произнесенную ранее в его адрес фразу Байдена о «долгой темной зиме» и прибегает к иронии: это будет просто великолепно, это будет то, что необходимо американцам — долгая темная зима и политический лидер (в данном случае Байден), который ее обещает: «*He [Biden] is promising a long, dark, painful winter, that's great, that's wonderful, that's what our country needs, a long dark winter and a leader that talks about it*» [10].

Далее следует вновь обратить внимание на тактику обличения, активно применяемую Трампом в ходе предвыборной борьбы. Рассмотрим следующий фрагмент из его речи, где высмеивается низкий, по его личному мнению, уровень поддержки Байдена электоратом, поскольку на митинги последнего практически никто не приходит: «*I'm watching these Biden rallies. It's like there's nobody. Of course, he says that they want to do it that way on purpose. The problem is nobody shows up[...]At least he's doing a rally. He got out of the basement so that's good*» [10].

Чтобы подчеркнуть факт малого количества участников митингов в поддержку конкурента, Трамп использует сравнение *it's like there is nobody*. При этом кандидат от Республиканской партии обвиняет Байдена в чрезмерной заботе о собственной безопасности, вследствие чего тот не способен выполнять обязанности президента и постоянно находится в своего рода «подвале», скрываясь от выборщиков: «*He got out of his basement, so that's good*» [12].

Сочетание тактики прямого обвинения и тактики «анализ-минус» наблюдается в одном из высказываний Трампа, где он дает оценку действиям администрации Барака Обамы, в которой его оппонент, Джозеф Байден, занимал должность вице-президента: «*And remember this, I only ran because of Biden and Obama. If they did a good job, I wouldn't have run. And I guess I wouldn't have won either, but I wouldn't have run. They did a lousy job. I watched them now. "I'm going to do this. I'm going to do that." What the hell didn't he do it? Why didn't he do it?*» [10].

Средствами реализации тактики «анализ-минус» являются в данном случае формы сослагательного наклонения (*If...*), что подразумевает вынужденный для Трампа характер его президентской кампании 2016 года — это было обусловлено исключительно его желанием бороться с последствиями неудачных решений правительства Обамы.

Следует отметить, что часто используемая Трампом тактика обвинения политического соперника маркируется в его речах, помимо вышеупомянутых языковых средств, лексикой, относящейся к стилистически низкому регистру (*What the hell didn't he do it?*). Такой способ коммуникации, как известно, не является нарушением норм приличий в публичной риторике и ведет, в свою очередь, к усилению прагматического воздействия высказывания на публику вследствие открыто декларируемого эмоционального накала.

Еще один пример использования Трампом тактики обвинения — фрагмент речи, произнесенной им в штате Джорджия. Здесь он, используя прием синтаксического параллелизма, демонстрирует способность своего оппонента решить проблемы страны, что, в случае победы Байдена, может иметь крайне негативные последствия как для Джорджии, так и для США в целом: «*Joe Biden would **terminate** our recovery, **delay** the vaccine, **prolong** the pandemic, and **annihilate** Georgia's economy*» [9].

Наконец, к характерным чертам агональной риторики Трампа относится применение тактики оскорбления: он неоднократно называет оппонента *sleepy Joe* («сонный Джо»), высмеивая тем самым возраст Байдена и намекая на его физическую и умственную неспособность исполнять обязанности президента. Также Трамп активно применяет эпитеты с негативной коннотацией (*lawless demonstrators; anti-American radical*) и по отношению к сторонникам своего оппонента: «*If Biden wins, the lawless demonstrators in our streets... will be all over every street*», «*...the people of Michigan must stop these anti-American radical by issuing Joe Biden and his group a **thundering** defeat at the ballot box*» [9]. Таким образом, он вновь использует тактику угрозы, однако не в адрес своего политического конкурента, а в отношении электората, которому предрекается разгул преступности в случае победы Байдена.

В итоге представляется возможным констатировать, что средства агональности, применяемые Байденем и Трампом в рамках политического дискурса как разновидности персуазивного дискурса, позволяют понизить авторитет оппонента в глазах избирателей. Такой результат достигается во многом благодаря применению стратегии на понижение и реализующих ее тактик. В ситуации президентских выборов 2020 года в США именно данная стратегия наиболее активно использовалась в речах обоих оппонентов.

При этом необходимо подчеркнуть, что бывший президент США Дональд Трамп более агрессивен в своей риторике, прибегая не только к традиционной тактике обвинения (прямого и косвенного), но и к тактикам обличения, угрозы, «анализ-минус» и оскорбления. Джозеф Байден более сдержан в собственных высказываниях и придерживается главным образом тактики безличного обвинения, критикуя не личность своего оппонента, а, в первую очередь, его непосредственные действия.

Вполне очевидно, что феномен агональности и способы его языковой реализации нуждаются в более тщательном изучении, так как применяемые в агональном дискурсе стратегии и тактики имеют ярко выраженное персуазивное воздействие на слушателей. Анализ специфики коммуникативного процесса подобного рода может способствовать про-

гнозированию реакции реципиентов на речевую деятельность отправителей информации, что имеет принципиальное значение в условиях непрекращающейся политической борьбы.

Список литературы

1. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. №3. С. 32–43.
2. Желтухина М. Р. Специфика масс-медиа дискурса // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы : тез. докл. междунар. конф. Москва, 23–25 окт. 2001 г. М., 2001. С. 156–159.
3. Карасик В. И. Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. 2007. №5. С. 78–86.
4. Конецкая В. П. Социология коммуникации. М., 1997.
5. Михалёва О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М., 2009.
6. Хёйзинга Й. Homo ludens. М., 2007.
7. Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. №49. С. 135–148.
8. Шейгал Е. И., Дешевова В. В. Агональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №34. С. 145–148.
9. Donald Trump Macon, Georgia Rally Speech Transcript October 16 // Rev.com: Convert Audio & Video To Text. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-macon-georgia-rally-speech-transcript-october-16> (дата обращения: 02.09.2021).
10. Donald Trump Rally Speech Transcript Waterford Township, Michigan October 30 // Rev.com: Convert Audio & Video To Text. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-rally-speech-transcript-waterford-township-michigan-october-30> (дата обращения: 10.11.2021).
11. Donald Trump Speech Transcript Wisconsin August 17 // Rev.com: Convert Audio & Video To Text. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-transcript-wisconsin-august-17> (дата обращения: 02.09.2021).
12. Joe Biden Campaign Speech Transcript Manitowoc, Wisconsin September 21 // Rev.com: Convert Audio & Video To Text. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/joe-biden-campaign-speech-transcript-manitowoc-wisconsin-september-21> (дата обращения: 03.09.2021).
13. Joe Biden campaigns in Bucks County // Buckscountycouriertimes.com. URL: <https://www.buckscountycouriertimes.com/story/news/2020/10/24/joe-biden-rally-bucks-county-president-election/6011977002/> (дата обращения: 02.09.2021).
14. President Joe Biden's Inaugural Address // The White House. URL: <https://whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (дата обращения: 02.09.2021).
15. Trump slams Biden for listening to scientists as COVID-19 hospitalizations rise // CBS News. URL: <https://www.cbsnews.com/video/trump-slams-biden-for-listening-to-scientists-as-covid-19-hospitalizations-rise/#x> (дата обращения: 10.11.2021).

16. *Trump vs. Biden: Quotes from the final presidential debate* // Reuters.com.
URL: <https://www.reuters.com/article/usa-election-debate-quotes-factbox-idINK-BN278065> (дата обращения: 08.11.2021).

Об авторах

Людмила Михайловна Бондарева – д-р филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Денис Павлович Жигулин – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: DZHigulin1@kantiana.ru

12

The authors

Prof. Ludmila M. Bondareva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

Denis P. Zhigulin, Postgraduate, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: DZHigulin1@kantiana.ru

В. А. Заварзина**О СИСТЕМНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Поступила в редакцию 14.02.2022 г.

Рецензия от 24.02.2022 г.

13

В настоящее время появляется большое количество лингвистических работ, посвященных образовательному дискурсу, однако большинство из них фокусирует внимание на анализе отдельных его аспектов, оставляя за пределами научных изысканий описание динамично развивающейся в новейший период терминологической системы российского образования. Цель статьи состоит в построении системной классификации терминологической лексики современного образования, включающей в свой состав терминоединицы разных типов. Основные методы исследования – лексикографический, описательный и контекстуальный анализ, а также приемы моделирования и количественного анализа. Показано, что терминологические единицы в составе указанной терминосистемы гетерогенны и различаются по степени терминологизации (собственно термины, предтермины, терминоиды, номены, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы), формальной структуре (отдельные лексемы и словосочетания), хронологическому статусу (устаревшие, современные и новые терминоединицы), частеречной отнесенности (имена существительные, прилагательные, глаголы и наречия), семантическим особенностям (моноксемные и полилексемные единицы), уровню мотивированности (полностью / частично мотивированные и немотивированные термины) и освоенности (освоенные и неосвоенные знаки) в системе русского языка. Установлено, что терминология российского образования в современную эпоху активно пополняется терминами из не связанных ранее с исследуемой тематической областью сфер (компьютерной, экономической, научно-технической, медицинской и др.). Анализ новейших специальных лексикографических источников показал, что некоторые новые термины образования могут получать в словарных статьях неоднозначные толкования, демонстрируя незавершенность процесса формирования изучаемой подсистемы. Сделан вывод об обусловленности терминологической системы современного российского образования спецификой предметно-тематической области, быстрым темпом ее развития, а также открытостью ее границ для элементов других терминосистем.

This article examines the typological features of the modern Russian education terminology. Currently, there is a large number of linguistic research works on educational discourse, but most of them focus on the analysis of its individual aspects, thereby leaving out the description of the terminological system of Russian education that is dynamically developing in the recent period. The purpose of this study is to build a systemic classification of the ter-

minological vocabulary of modern education, which includes terminological units of different types. The research relies on modeling techniques, as well as descriptive and contextual analyses. The paper shows that the terminological units in the studied terminological system are heterogeneous and differ in the level of terminology (actually terms, pre-terms, terminoids, nomens, professionalisms and professional jargon), formal structure (individual lexemes and phrases), chronological status (outdated, modern and new term units), part-of-speech attribution (nouns, adjectives, verbs and adverbs), semantic features (mono-lexeme and poly-lexeme units), the level of motivation (fully / partially motivated and unmotivated terms) and mastery (mastered and undeveloped signs) in the system of the Russian language. It was noticed that the terminology of Russian education in the modern era is actively replenished with terms from the areas not previously associated with the studied thematic area (computer, economic, scientific and technical, medical, etc.). Analysis of the latest special lexicographic sources revealed that some new terms of education can receive ambiguous interpretations in dictionary entries, demonstrating the incompleteness of the process of forming the subsystem in question. The author comes to some certain conclusion about the conditionality of the terminological system of modern Russian education by the specifics of the subject-thematic area, the rapid pace of its development, as well as the openness of its borders to elements of other terminological systems.

Ключевые слова: терминология, образование, термин, терминологизация, предтермин, терминоид, номен, профессионализм, профессиональный жаргонизм

Keywords: terminology, education, term, terminologization, pre-term, terminoid, nomen, professionalism, professional jargon

Введение

Вопрос об определении понятия терминологической лексики и ее системной организации относится к весьма дискуссионным в сфере теоретического терминоведения. В современной отечественной терминоведческой науке общепризнан факт разнородности элементов, входящих в состав профессионального языка, однако проблемы классификации единиц в составе терминологии до сих пор остаются нерешенными. Научная задача, связанная с построением системной классификации терминологической лексики современного российского образования, претерпевающей значительные изменения, обусловленные ее активным реформированием в соответствии с требованиями Болонского процесса и повсеместным внедрением новых информационно-коммуникационных технологий, представляется весьма актуальной и требует проведения качественного исследования не только в силу новизны предмета исследования и непредставленности его в новейших лексикографических источниках, но и по причине отсутствия комплексного исследования терминологии современного российского образования.

До сих пор в научной лингвистической литературе освещались лишь отдельные аспекты лексики и терминологии российского образования. В частности, они рассматривались с точки зрения а) представленности

в ней универсального и национально-специфического [21; 34], б) способов образования [28], в) актуализации / дезактуализации [14], г) изменений в семантике [15], д) новообразований [10; 11; 23]. Т. И. Ивашкович разработала и представила модель описания лексико-семантического поля «Знание. Компетентность» в современном русском языке [16]; Е. А. Тулусина описала лексические средства вербализации концепта «учеба» [33]; Т. В. Леонтьева изучила особенности семантической организации лексического поля «Обучение» в русских диалектах и общенациональном языке [20]; В. К. Радзиховская и М. А. Лапшо исследовали прагматический потенциал лексем, обозначающих лиц по роду занятий (на примере слов «учитель» и «ученик») [26; 19]; в работе О. В. Загоровской и В. А. Завариной анализу подвергся корпус устаревшей лексики сферы образования [13]; В. Г. Будькина предложила характеристику англоязычных заимствований в терминологии российского образования [3].

Цель настоящего исследования состоит в построении системной классификации терминологической лексики современного образования, включающей в свой состав терминоединицы разных типов.

Материал и методы исследования

Для решения поставленных в работе задач основными методами стали методы лексикографического, описательного и контекстуального анализа. При рассмотрении процессов заимствования в терминологии российского образования применялся сопоставительный метод, при выявлении основных лексико-семантических процессов в корпусе терминологической лексики образования — описательно-аналитический метод, при исследовании структурно-семантических моделей терминологических единиц и описании их продуктивности — приемы моделирования и количественного анализа.

Материалом для исследования послужили данные современных терминологических словарей по образованию ([1; 5; 6; 22; 25; 29–31] и др.) и новейшие материалы журналов образовательной тематики («Вопросы образования», «Вопросы образования в обществе», «Актуальные проблемы науки и образования», «Актуальные проблемы современного образования в регионах», «Вестник медиаобразования», «Вестник науки и образования», «Вестник образования России», «Высшее образование в России», «Горизонты образования», «Инновации в образовании», «Инновации. Наука. Образование», «Качество образования», «Наука и образование — XXI век», «Наука и образование в глобальных процессах» и др. за 2010–2020 годы).

Результаты и обсуждение

Как известно, образование является жизненно важной сферой современной российской социально-экономической деятельности, от эффективности функционирования которой в значительной степени зависят перспективы прогрессивного развития человечества. Образование XXI веке должно быть качественным, прозрачным и открытым [17].

Основной задачей образования настоящего времени выступает формирование личности, владеющей знаниями, способной к критическому мышлению и умеющей принимать решения на основе важнейших общечеловеческих ценностей.

Изменения в современном мировом сообществе и соответственно в научной картине мира обусловили трансформации в мировом образовательном процессе, ориентированном на развитие принципов системного подхода и применение инноваций [24].

В условиях активного появления разного рода инноваций в образовательной сфере возникает проблема определения принципов отбора и систематизации научных знаний. Для этого необходимо разработать четкую и непротиворечивую систему терминов образования, которая на нынешнем этапе развития русского языка, безусловно, нуждается в упорядочении и нормализации.

Как показало исследование, терминология современного российского образования обладает гетерогенной структурой и включает в свой состав терминологические знаки разных типов.

Известно, что терминологические единицы в составе терминосистемы образования могут иметь различную степень терминологизации. О градации специальных лексем писала М. В. Косова, утверждая, что они номинируют общие теоретические понятия, номены называют единичные, конкретные реалии, а профессионализмы и профессиональные жаргонизмы используются в профессиональном дискурсе [18, с. 7–8].

С этой точки зрения термины современного российского образования могут быть представлены следующими разновидностями:

1. Собственно термины (напр., *образование, обучение, педагогика, гимназия, учебный план, аккредитация, дидактика, квалификация* и др.), которые являются обозначениями полностью сформировавшихся в исследуемой области явлений и характеризуются устойчивостью, смысловой точностью и однозначностью, а также единством дефиниций, представленных в лексикографических источниках. Собственно термины принадлежат специальному словарю, их семантика «осложнена классификационными семами, которые существуют исключительно в определенном терминологическом поле» [32, с. 33].

Терминология российского образования включает общенаучные (напр., *система, структура, единица, модуль*), межнаучные (напр., *компетенция, коллаборация, аттестация*) и узкоспециальные (напр., *майнер* [6; 29]; *учебный план, выпускная квалификационная работа, образовательный стандарт*) термины. Методика проведенного исследования позволила сделать вывод о наибольшей частотности терминов данной группы в корпусе терминологии образования русского языка.

Как показали исследования, терминология российского образования активно пополняется терминами, не связанными ранее с исследуемой тематической областью, что объясняется особенностями современного развития системы образования: термины *онлайнный, цифровой, электронный, информационно-компьютерный, блог, веб-сайт, модератор, сетевизация* — из сферы информационно-компьютерных технологий; *коммерциализация, платный, рынок, рентабельность, децентрализация, экономика, децильный коэффициент, менеджер (науки)* — из финансово-экономиче-

ской сферы и др. Действительно, сфера образования в настоящее время охватывает явления и понятия самых разных тематических сфер, в том числе строительства и архитектуры (напр., *информатизация образования «под ключ»*), техники (напр., *инжиниринг, кластер*), спорта (напр., *тренинг, коуч, трек*), медицины (напр., *иммунизация, вакцинация, прививочный сертификат*), психологии (напр., *инклюзивный*), политики (напр., *глобализация, экспансия*), социальных отношений (напр., *коллаборация*) и др.

2. Предтермины (напр., *мобильность научных кадров, приоритетное направление научных исследований, альтернативный блок учебного материала, вариативная часть базисного учебного плана, внутришкольная подготовка педагогических кадров в области информатизации образования*), которые обозначают понятия, до настоящего времени не сформировавшиеся в русском языке и, соответственно, по форме являющиеся многословными специальными номинациями. Некоторые ученые среди обязательных признаков предтерминов называют неустойчивость формы и подчеркивают, что они, как правило, номинируют формирующиеся, чаще всего заимствованные, понятия [12, с. 44]. В названной группе выделяются: 1) предтермин — описательный оборот, представляющий собой многокомпонентное номинативное словосочетание (напр., *координатор сетевых активностей, модератор онлайн-взаимодействия, локусы согласования образовательных потребностей*); 2) предтермин — сочинительное словосочетание (напр., *гуманизация воспитания и обучения, владение приемами и способами выполнения учебных работ, базовые и фоновые образовательные потребности* [1]); 3) предтермин — сочетание, содержащее причастный или деепричастный оборот (ср., напр., *Федеральный реестр апостилей, представленных на документах*). С. В. Гринев утверждает, что предтермин может становиться квазитермином: это происходит в тех случаях, когда исследователям долго не удается найти наиболее удачную терминоминимацию [8]. Количественный анализ позволяет утверждать, что данная группа языковых знаков образует весьма серьезный корпус языковых единиц сферы образования русского языка.

3. Терминоиды (напр., *концепция образования, дорожная карта, корпоративный ящик преподавателя, пакет курсов, образовательный трек*), создающие наглядный образ специального понятия. Они не имеют четкой дефиниции и поэтому определяются по-разному: как специальная лексема, не ставшая термином [35, с. 33], как терминоподобная специальная лексическая единица с нечетким статусом [32, с. 118], как единица незавершенного процесса терминологизации [27, с. 46], что подтверждается словарными статьями лексикографических изданий, которые предлагают разные определения данных понятий (напр., *концепция образования — основная идея в сфере образования* [30, с. 99] и системное описание образовательного понятия [22; 25]; *образовательная программа* [22; 31] и др.).

Кроме того, к единицам терминологической номинации относятся:

— номены (номенклатурные знаки), которые являются единичными названиями какого-то конкретного предмета и относятся к категории лексис (напр., *проект «Сферум», платформа «Сберкласс» на базе персонализированной модели образования, педагогика Ушинского, таксономия педагогических идей Блума, обучающая модель Занкова*). Им присуща условная понятийность, вещественность и даже некоторая осязаемость. Кроме того,

номенклатурные единицы отличаются именным характером и абсолютной номинативностью [2; 9], поэтому могут рассматриваться как знаки, способствующие актуализации объективных связей между явлениями и предметами действительности [7, с. 19];

— профессионализмы (в том числе профессиональные жаргонизмы) (напр., *Вышка — Высшая школа экономики, Пешка — Российский экономический институт им. Г.В. Плеханова, пятидневка, трехсменка, подсменок, егэшный, «дорожные картежники»*), которые являются неофициальными номинациями специальных явлений и понятий и характеризуются сниженной стилистической маркированностью. Это разговорные дублеты собственно терминов, называющих узкопрофессиональные понятия определенной сферы [4, с. 96–97]. По мнению некоторых терминоведов, профессионализмы весьма четко противопоставлены терминам, принадлежат к некодифицированному эмоционально-окрашенному пласту разговорной речи и используются, как правило, в устной речи профессионалов в неформальной обстановке [36]. Профессионализмы представляют собой важный источник пополнения специальной лексики русского образования.

Классификация по формальной структуре позволяет выделить:

а) термины-слова, которые в свою очередь можно разделить на корневые (напр., *школа, институт, лицей*), производные (напр., *практикоориентированность, знаниевый, депрофессионализация, академизация*), сложные (напр., *медиаобразование, претест, микрообучение, видеотренинг, многоуровневость, нацисследовательский, метаданные, удобочитаемость, наукоград*), сложносокращенные (напр., *оргметодкабинет, профстандарт, физматшкола, педдизайнер*), а также слова необычной структуры — телескопические (напр., *хакатон* от англ. *hacker* ‘хакер’ + *marathon* ‘марафон’ — предназначенная для образовательных целей совещательная площадка, направленная на обсуждение тех или иных проблем).

С точки зрения частеречной отнесенности различаются термины-слова, представленные именами существительными (напр., *цифровизация, компетенция, визуализация, коммуникация, саморазвитие; интернет, интранет*), именами прилагательными (напр., *онлайновый, цифровой, дистанционный, допрофессиональный*), глаголами (напр., *обучать, преподавать, визуализировать*) и наречиями (напр., *дистанционно, содержательно*). В количественном отношении в терминосистеме образования, как и в любой другой терминосистеме, преобладают термины-существительные как наименования понятий, являющихся основой тех или иных коммуникативных процессов;

б) термины-словосочетания (напр., *образовательные технологии, компьютерная грамотность, система мониторинга, управление образованием, портфолио обучающегося*), которые представлены следующими структурными разновидностями:

— сочетание имени существительного с именем прилагательным (напр., *академическая рента, панельная сессия, образовательный стандарт, общественная аккредитация, профессиональная компетенция, активное обучение, цифровая грамотность, неформальное обучение, коммуникативная дидактика, открытое образование*);

— сочетание имени существительного с именем существительным в косвенном падеже (напр., *менеджмент образования, коммерциализация образования, качество образования, сертификация квалификаций, аттестация слушателей, интерактивность обучения, платформа образования*);

— сочетание имени существительного с именем существительным в роли приложения (напр., *университет-донор, вуз-партнер, педагог-новатор, колледж-интернат, университет-бенефициар*).

Подобные словосочетания могут быть многокомпонентными, состоящими из трех и более слов (напр., *инновационная педагогическая технология, модель цифровых компетенций для образования, государственный образовательный стандарт высшего образования*). Усложненная номинативная структура свойственна терминологическим единицам, являющимся не только обозначениями специальных понятий сферы образования (напр., *акмеологическая технология профессионального обучения, альтернативный блок учебного материала*), но и наименованиями лиц по профессиональной принадлежности (напр., *менеджер образовательных услуг, координатор сетевых активностей*).

Для формальной структуры терминов образования характерны усечение терминов (напр., *электив, интерактив, Минобр*) и аббревиация. Аббревиатуры представлены буквенными (напр., МПГУ, ВГПУ, МФТИ), звуковыми (напр., ЕГЭ, ГИА, ИТМО), слоговыми (напр., Рособрнадзор), словоподобными (напр., КОД — *контрольно-оценочная деятельность, КИМ — контрольно-измерительные материалы*) и смешанными (напр., ТюмГУ, ЮУрГУ, ЭОиДОТ) разновидностями, а также сочетанием аббревиатур со словом (напр., *ИКТ-компетентность, ТРИЗ-педагогика*).

В сфере образования встречаются также термины специфической формальной структуры, образованные с использованием элементов искусственных языков (напр., *поколение Y, поколение Z, поколение Δ, h-индекс — индекс Хирша*; ср.: ФГОС 4.0, *вуз 17-30, пост-вуз 25-100+*).

С точки зрения времени возникновения термины образования могут быть представлены устаревшими (напр., *трудовая четверть, ленинский зачет, десятилетняя школа, заместитель директора вместо завуч, лицей вместо училище*) или новыми (напр., *гипермедиа, визуализация информации, виртуальная аудитория, дистанционное образование, диджитализация обучения*) номинациями. Как показало исследование, среди лексических инноваций в сфере современного российского образования можно выделить прежде всего иноязычные заимствования (напр., *коучинг, импакт-фактор, кейс-технология, контроллинг, вебинар, веб-портфолио*) и словесные знаки, созданные за счет возможностей словообразовательной системы русского языка (напр., *грантополучатель, интерактивность, компьютеризация*). Отдельную группу образуют семантические инновации, созданные за счет разного вида тропеических переносов (напр., *корпус текстов, мягкие навыки, дерево целей*).

С точки зрения организации плана содержания термины образования могут быть представлены однозначными (напр., *микрообучение, брейнсторминг, стейкхолдер, мастер-класс, тьютор*) и реже многозначными (напр., *воспитание — 1) процесс развития человека; 2) общественная деятельность, воздействие общества на личность; 3) формирование у человека социально-нравственных понятий и ценностей; компетен-*

ция [1; 5]) знаками. Полисемичность исследуемой терминологии нехарактерна, однако семантическая структура отдельных терминологических единиц может включать в свой состав два (реже три) лексико-семантических варианта.

Кроме того, сравнение дефиниций аналогичных понятий подводит терминоведов к мысли о явлении амбисемантизации термина, обусловленной неоднозначным восприятием понятия разными научными школами и направлениями или отдельными исследователями, когда представление одного и того же научного явления рядом дефиниций из разных источников лишь отражает «диффузный характер интенционала понятия» [32, с. 134].

20

Следует отметить, что некоторые новые термины образования могут получать в современных словарных изданиях неоднозначные толкования, что является свидетельством незавершенности процесса формирования исследуемой подсистемы. Так, например, терминологическая номинация *государственная итоговая аттестация* определяется в настоящее время как «форма государственного контроля усвоения выпускниками 9 классов основных общеобразовательных программ в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта об основном общем образовании» и как «форма оценки уровня освоения обучающимися образовательной программы высшего образования» [1; 6; 29].

С точки зрения мотивированности / немотивированности в терминотерминосистеме российского образования выделяются термины, полностью мотивированные (напр., *метод ротаций, ветви дерева целей, онлайнный, классно-урочный*) и частично мотивированные (напр., *таксономия Блума* в значении «иерархическая система образовательных целей, охватывающая когнитивную, аффективную и психомоторную сферы деятельности», *закон Лотки* в значении «закон распределения авторов по числу написанных ими статей», *Болонское соглашение, Люблинский процесс*).

Кроме того, термины образования по степени освоения (адаптации) в русском языке могут быть представлены освоенными (адаптированными) заимствованными словесными знаками (напр., *коучинг, краудсорсинг, прокторинг, стейкхолдер*) и неосвоенными терминообозначениями (напр., *self-blend модель, scrum-технология*). Иноязычные заимствования в терминотерминосистеме современного российского образования могут быть представлены прямыми заимствованиями, которые приходят в русский язык путем транскрипции (напр., *клоуз-тест* от англ. cloze test — тест, выполнение которого подразумевает восстановление недостающих элементов текста, *кейс-стади* от англ. case study — метод обучения, во время которого происходит анализ конкретной ситуации) и транслитерации (напр., *комодератор* от англ. comoderator — помощник модератора; *опенкласс* от англ. openclass — бесплатный семинар или тренинг продолжительностью 2–3 часа); непрямыми заимствованиями, или кальками (напр., *электронное обучение* от англ. e-learning, сокр. от англ. electronic learning; *информационная грамотность* от англ. information literacy; *тройная петля обучения* от triple loop learning; *перевернутый класс* от flipped classroom); и гибридными образованиями, или полукальками (напр., *тьюторство, прокторство, неадаптивность, вебинарист*).

Одним из ярких свидетельств неосвоенности термина в системе языка являются факты графической и орфографической вариантности исследуемых номинаций: *smart-университет / смарт-университет / умный университет; E-learning / Electronic Learning / электронное обучение; MOOK / MOOC / Massive Open Online Courses / массовые открытые онлайн-курсы; онлайн образование / онлайн-образование / он-лайн образование / online-образование / on-line-образование* и др. Однако подобное явление в сфере терминологии российского образования в количественном отношении незначительно.

Выводы

Таким образом, особенности системной организации специальной лексики современного российского образования во многом определяются не только спецификой исследуемой предметно-тематической сферы и гетерогенным характером составляющих ее единиц, но и динамизмом развития ее терминосистемы, предполагающим открытость для новых явлений и активное взаимодействие с другими терминосистемами.

21

Список литературы

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
2. Березникова Р. Е. Место номенов в лексической системе языка // Татаринцов В. А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения. М., 1994.
3. Будыкина В. Г. Англоязычные заимствования в терминологии российского образования // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. №9 (405). Вып. 108. С. 20–22.
4. Бурцева В. В. Профессионализмы в словарях // Русская речь. 1975. №3. С. 96–100.
5. Вишнякова С. М. Профессиональное образование: Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. М., 1999.
6. Глоссарий по информационному обществу / под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М., 2009.
7. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.
8. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М., 1993.
9. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2008.
10. Заварзина В. А. Новые аббревиатуры в терминосистеме образования // Актуальные вопросы современной лингвистики и методики преподавания иностранных языков : матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 180-летию БГСХА. Горки, 2020. С. 18–20.
11. Заварзина В. А. Термины дистанционного образования как маркеры эпохи пандемии COVID-19 // Проблемы гуманитарных наук и образования в современной России: материалы Всероссийского научно-практического форума. Воронеж, 2021. С. 128–131.
12. Загоровская О. В., Даныкова Т. Н. Термин и терминология : монография. Воронеж, 2011.

13. Загоровская О. В., Заварзина В. А. Устаревшая лексика сферы образования в русском языке новейшего периода // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2016. №4 (273). С. 127–131.
14. Зайцева Л. А. Актуальная лексика образовательной сферы современной России : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2015.
15. Залялова Р. Р., Гатаулина А. Г. Семантические изменения лексики сферы образования в современном русском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. №4 (100). С. 55–62.
16. Ивашикович Т. И. Лексико-синтаксическое структурирование семантического поля «Знание. Компетентность» в современном русском языке: лексико-графический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
17. Кинелев В. Образование и цивилизация // Мир образования. 1996. №10. С. 6–11.
18. Косова М. В. Специальная лексика в документном тексте: аспекты лингвистического анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2010. №2 (12). С. 7–12.
19. Лапто М. А. Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. Новосибирск, 2013.
20. Леонтьева Т. В. Семантическая организация лексического поля «обучение» в русских диалектах и общенародном языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 1, №2. С. 138–147.
21. Мельникова М. В. Универсальное и национально-специфическое в лексике сферы образования в свете процессов глобализации: на материале английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
22. Полонский В. М. Словарь по образованию и педагогике. М., 2004.
23. Понарина Н. Н. О новых терминах в образовательной сфере // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2009. Вып. 1 (41). С. 138–140.
24. Прокудин Д. Е. Информационные технологии в образовании и их роль в формировании техногенной культуры : автореф. дис. ... д-ра философ. наук. СПб., 2012.
25. Профессионально-педагогические понятия : словарь / сост. Г. М. Романцев, В. А. Федоров и др. ; под ред. Г. М. Романцева. Екатеринбург, 2005.
26. Радзиховская В. К. Профессиональная специализация лексики в системе функционально-семантической категории взаимности: учитель — ученик // Преподаватель XXI век. 2010. №3. С. 271–278.
27. Сербиновская Н. В. Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке. Новочеркасск, 2009.
28. Ситникова Ю. В. Аббревиатуры терминологии сферы образования в языке СМИ // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 7 (87). С. 214–217.
29. Словарь корпоративных смыслов московской системы образования / Г. Ф. Богачёва, А. И. Ольховская, М. К. Парамонова. М., 2018.
30. Словарь терминов и понятий цифровой дидактики / авт.-сост. Н. В. Ломовцева, К. М. Заречнева и др. Екатеринбург, 2021.
31. Степанова С. А., Щербаков А. Ю. Терминологический словарь в области управления качеством высшего и среднего профессионального образования. СПб., 2005.

32. Татаринов В. А. Теория терминоведения : в 3 т. М., 1996. Т. 1 : Теория термина: история и современное состояние.

33. Тулусина Е. А. Лексико-семантическое поле вербализации концепта «учеба» в немецком и русском языках // Филология и культура. 2009. № 2–3 (17–18). С. 110–114.

34. Хайнце Л. И. Безэквивалентная лексика с национально-культурной спецификой значения в произведениях В. Токаревой и Е. Попова : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000.

35. Хаяутин А. Д. Термин, терминология, номенклатура. Самарканд, 1971.

36. Шелов С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы // Вопросы языкознания. 1984. № 5. С. 76–87.

Об авторе

Виктория Александровна Заварзина – асп., Воронежский государственный университет, Россия.

E-mail: zva0604@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6484-4606

The author

Viktoriia A. Zavarzina, PhD Student, Voronezh State University, Russia.

E-mail: zva0604@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6484-4606

Л. В. Коковина, М. М. Гераськова

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНО-МОДАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
УВЕРЕННОСТИ – НЕУВЕРЕННОСТИ
В КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»
И ЕЕ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕРЕВОДЕ

Поступила в редакцию 25.12.2021 г.

Рецензия от 17.01.2022 г.

24

Рассмотрены языковые средства выражения субъективно-модальных значений уверенности – неуверенности в тексте комедии, способствующие раскрытию образов ее главных персонажей – Фамусова и Чацкого. На основе сопоставительного функционально-семантического анализа определена степень адекватности передачи указанных значений в английском переводе комедии. Сделан вывод о том, что все доминантные конституенты рассматриваемых модальных значений переданы достаточно адекватно, за исключением случаев несовпадения русских и английских лексем по своему интенционалу или проявления специфических особенностей языков. Материалы данного исследования могут быть использованы на практических занятиях в рамках курса «Практикум по художественному переводу», а также в других вузовских курсах, связанных с художественным переводом.

The article considers linguistic means of expressing certainty and uncertainty in the comedy, which contribute to revealing personality traits of its main characters, namely Famusov and Chatskii. Using a comparative functional-semantic analysis the authors determine the adequacy of Russian and English means of expressing the modal meanings of certainty and uncertainty in the target text. The authors conclude that all dominant constituents of the meanings mentioned above are conveyed adequately enough, except for those which are completely different due to specific features of each language. The research materials can be used in Literary Translation classes.

Ключевые слова: субъективная модальность, субъективно-модальные значения уверенности – неуверенности, функционально-семантический анализ, художественный перевод

Keywords: subjective modality, subjective-modal meanings of certainty and uncertainty, functional-semantic analysis, literary translation

Пятнадцатого января 2020 года исполнилось 225 лет со дня рождения А. С. Грибоедова. Празднование этой даты послужило импульсом к новым исследованиям как биографии этого разносторонне одаренного человека, так и его бессмертной комедии «Горе от ума». Личность Грибоедова и его знаменитая комедия вызывают интерес не только у

русских, но и у зарубежных исследователей. Достаточно упомянуть тот факт, что комедия была переведена на 25 языков [1, с. 49] и, несмотря на то что была написана почти двести лет назад, не утратила своей актуальности. Удивительно современно звучат слова И. А. Гончарова о том, что «комедия “Горе от ума” держится каким-то особняком в литературе и отличается молодостью, свежестью и более крепкой живучестью от других произведений слова» [6]. По мнению С. Н. Дмитриева, «Горе от ума» — комедия, «над которой не властно время... а многочисленные цитаты из комедии составили золотой фонд русского литературного языка, в развитие и формирование которого Грибоедов внес, пожалуй, не меньший вклад, чем Пушкин» [8]. Вполне понятно, что исследованию языка комедии посвящено большое количество работ, но, на наш взгляд, вопросу выражения субъективно-модальных значений в комедии не было уделено достаточного внимания. В связи с этим нам представляется интересным рассмотреть средства репрезентации субъективно-модальных значений уверенности — неуверенности в комедии, а также способы передачи этих значений на английский язык. В качестве английского источника нами был выбран перевод Мэри Хобсон, выполненный в 2005 году. Это на сегодня последний перевод комедии «Горе от ума» на английский язык и, по мнению критиков перевода, — один из лучших. Следует также добавить, что Мэри Хобсон защитила диссертацию по творчеству Грибоедова, что свидетельствует о ее компетентном и ответственном подходе к переводу.

Перевод поэтического текста не без оснований считается одним из самых трудных видов перевода, поскольку переводчику необходимо передать не только фактуальную, но и экспрессивно-эмоциональную информацию, а также соблюсти адекватный ритмический рисунок оригинального текста, корректно передать размер, рифму. Другими словами, «перед переводчиком стоит задача интерпретировать интенционально-функциональную программу автора исходного текста, то есть его субъективный смысл» [12, с. 130]. При этом весьма сложно определить, какой из предложенных вариантов перевода поэтического текста является наиболее адекватным. Как справедливо замечает С. Т. Золян, «относительность поэтического перевода проявляется в том, что текст может быть переведен по-разному, на основе различных стратегий, в зависимости от того, что считать главным применительно к тому или иному контексту, будь то контекст создания текста или современный переводчику» [9, с. 69]. По мнению Е. В. Аблогиной, «одной из трудностей перевода “Горе от ума” является передача вольного стиха комедии: такой стих, лишенный привычной равностопности, характеризуется повышенной нагрузкой, которая деформирует ритм и синтаксис, сближая стих с разговорным языком» [2, с. 33]. Говоря о переводе «Горя от ума», следует иметь в виду и тот факт, что это не только поэтическое, но и драматургическое произведение, что еще более усложняет задачу, стоящую перед переводчиком. Для того чтобы добиться адекватности текста перевода тексту оригинала, переводчику приходится использовать широкий спектр приемов, таких как грамматические трансформации, приемы замены и компенсации, а в отдельных случаях прибегать и к структурным преобразованиям. Предваряя анализ текста перевода рас-

сматриваемой комедии, важно подчеркнуть, что переводчику для обеспечения адекватного восприятия переводного текста читателем прежде всего нужно было учитывать два фактора. Первый — комедия «Горе от ума» была написана в 1824 году, то есть это не вполне современный язык, а язык XIX века; второй — персонажи комедии общаются между собой, используя слова и обороты разговорного регистра речи, поэтому в большинстве случаев переводчик использует лексику, которая идет в словаре с пометой «устаревшее» или «разговорное».

В рассматриваемом произведении А. С. Грибоедова в силу его жанровых особенностей отсутствует эксплицитное выражение отношения автора к персонажам, то есть субъективно-модальные значения уверенности — неуверенности актуализированы не в оценках автора, а в речи персонажей, поэтому об уверенности или неуверенности каждого героя мы можем судить или по их собственным высказываниям, или по мнениям о них других персонажей.

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, «смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции» [11, с. 303]. «В основе модальности как отношения (и соответственно = способа представления, обозначения, выражения) лежит оценка... оценка отвечает за широкий модусный спектр речи» [10, с. 120]. По мнению С. С. Ваулиной, «оценка, в том числе и лингвистическая, по природе своей являясь понятием субъективным, может приобретать объективный характер» [5, с. 43]. Таким образом, вполне можно получить представление о характере персонажей по тем оценкам, которые они дают другим персонажам, себе, явлениям и событиям.

Проанализируем наиболее яркие примеры реализации модальных значений уверенности-неуверенности в высказываниях одного из главных героев комедии Павла Афанасьевича Фамусова, управляющего в одном из казенных заведений. Интересна в этом отношении оценка, которую Фамусов дает сам себе. В глазах читателей он предстает абсолютно уверенным человеком, не сомневающимся в правильности собственной линии поведения. Себя он почитает за образец, что, например, эксплицируется модальным предикативом *надобно* в отрицательном значении (*не надобно*): «*Не надобно иного образца, / Когда в глазах пример отца*» [7, с. 34]. В английском переводе — «*You need no other model. Best by far, / The example of your own rара*» [7, с. 35] — добавлена идиома *by far*, которая, согласно Оксфордскому словарю английского языка, употребляется с прилагательными в сравнительной и превосходной степени для усиления их значения [13], то есть *best by far* переводится на русский язык как *несомненно самый лучший* (здесь и далее перевод словарных дефиниций наш. — Л. К., М. Г.). Таким образом, значение уверенности, реализуемое в тексте оригинала, в переводе передано адекватно.

Позиционирование себя Фамусовым как уверенного человека эксплицируется и ритмически связанными краткими прилагательными *бодр, свеж, свободен*: «*Смотри ты на меня: не хвастаю сложенем, / Однако бодр*

и свеж, и дожил до седин, / Свободен, вдов, себе я господин... / Монашеским известен поведением!..» [7, с. 34]. В английском переводе динамика, заданная в тексте оригинала краткими прилагательными, не столь ярко выражена: «You look at me. I don't boast of my *constitution*, / But I've survived. I'm *hale and hearty* as a rule. / I'm free, a widower — and *no one's fool*. / This *might* be a *monastic institution*...!» [7, с. 35]. Для сохранения рифмы переводчик прибегает к грамматическим трансформациям, в результате которых краткие прилагательные в тексте перевода заменяются другими частями речи. Например, *вдов* переводится *a widower* (вдовец). Переводчик попытался несколько компенсировать динамику текста оригинала синтаксическими средствами, используя короткие повествовательные и восклицательные предложения. Удачным, на наш взгляд, является употребление идиомы *hale and hearty* (сильный и здоровый), которая, согласно Оксфордскому словарю английского языка, употребляется наиболее часто в отношении пожилых людей [13]. Некоторая компенсация ритмического рисунка, созданного краткими прилагательными, достигается за счет аллитерации (повторение звука [h]). Русский фразеологизм *сам себе я господин*, согласно Словарю русских поговорок, означает *самостоятельный независимый человек* [3]. В английском переводе ему соответствует идиома *be no / nobody's fool* (очень умный или знающий много, который поэтому не может быть обманут другими людьми). Смысловый акцент смещен: в оригинале речь идет о поведении Фамусова, а в переводе о его своеобразной житейской мудрости, но речевой регистр сохранен. Более адекватен перевод фразы *монашеским известен поведением*, в которой переводчик использует субстантивно-адъективное словосочетание *monastic institution* (монастырь, монастырское учреждение), то есть Фамусов ведет себя внешне настолько скромно, что соответствует монастырским канонам поведения. Говоря о передаче субъективно-модального значения уверенности в данном примере, следует отметить появление в английском переводе модального глагола *might* (возможно), что несколько снижает значение уверенности.

Фамусов, как известно, — ярый противник наступления нового (просвещенного) века, при этом абсолютно уверенный в своей правоте, что особенно ярко подчеркивается синтаксическими средствами, в частности восклицательными предложениями, используемыми в его речи: «Молчать! / Ужасный век! Не знаешь, что начать! / Все умудрились не по летам» [7, с. 34]. В английском переводе «You hold your tongue! / This dreadful age! You cannot tell the young» [7, с. 35] односоставное инфинитивное предложение «Молчать!» заменяется полным предложением «You hold your tongue!» (попридержи язык). Восклицательные предложения сохранены, значение уверенности присутствует.

Горячо выступая против образования, Фамусов в своих высказываниях использует синтаксические и лексические повторы, что придает его речи повышенную эмоциональность и уверенность: «Чтоб наших дочерей всему учить, всему, / И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!» [7, с. 34]. В английском переводе данной фразы — «To teach our daughters every blessed thing. / It's dancing! Singing! Sighing! Romance thrives!» [7, с. 35] обращает на себя внимание лексема *blessed* в сочетании с лексемой *thing*

(*blessed thing* как соответствие русской лексеме *всему*). Лексема *blessed* (разг., устар.; употребляется для выражения гнева) [13], то есть тем самым английский читатель понимает истинное отношение Фамусова к этим *blessed things* — танцам, пению и т. д. Авторский интенционал и субъективно-модальное значение уверенности сохраняются.

Приведем еще пример экспрессивного повтора, репрезентирующего значение уверенности как главную черту характера Фамусова, — употребление коротких восклицательных предложений, связанных союзом *и*: «И вот плоды от этих книг! / И все Кузнецкий мост и вечные французы, / Оттуда моды к нам и авторы, и музы / Губители карманов и сердец! / Когда избавит нас творец / От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок! / и книжных и бисквитных лавок!» [7, с. 30]. По мнению Фамусова, во всех «бедах» виноваты книги и французы. Английский перевод приведенного отрывка — «*And here's the fruit of what she's read. / It's all 'Kuznetskii Most' and those eternal Frenchies, / Their authors on our shelves, their fashions on our wenches, / The ruin of the pocket and the heart! / Whenever will the Good Lord start / To rid us of their hats! Their caps! Their pins! Their blouses! / Their book-shops and their chocolate houses!*» [7, с. 31] — представляется вполне удачным, поскольку даже семантически многие слова в тексте перевода и тексте оригинала являются близкими соответствиями. Сохраняется концептуальная программа автора. Повтор также присутствует (слово *their*).

Уверенность как черта характера Фамусова проявляется и в его спорах с Чацким. Хозяину дома достаточно нескольких реплик, произнесенных Чацким, чтобы составить о нем свое мнение и вынести безапелляционную оценку, которая буквально звучит как приговор. Уверенность Фамусова эксплицируется в его речи повторами: «Ах! Боже мой! Он карбонари!» [7, с. 78]; «Опасный человек! Он вольность хочет проповедать! Да он властей не признает!»; [7, с. 80] «Не слушаю, под суд! Под суд!» [7, с. 84]. В английском переводе приведенного отрывка — «*He wants to preach all that free thinking... Authority! That's what he hates!*» [7, с. 81]; «*Not listening. You'll end in court*» [7, с. 85] — такой повтор отсутствует; резкий, уверенный тон высказываний Фамусова несколько смягчается, переводчик как бы дает пояснения происходящим событиям, комментирует их. Ср.: «...под суд! Под суд!» — «*You'll end in court*» (вы закончите в суде). И в целом в английском переводе речь Фамусова звучит не столь уверенно, как в тексте оригинала. — «*A Carbonari! Revolution!*» [7, с. 79]; «*Not safe to know!*» («Небезопасно знать»: отсылка к предыдущей реплике Чацкого, что свет уж не таков).

Согласно мнению литературоведов, Чацкий и Фамусов — представители века нынешнего (нового) и минувшего соответственно. Фамусов защищает старый век, а Чацкий — новый. С этой точки зрения интересным представляется сравнение их отношения к Москве. Фамусов защищает старую Москву, он уверен, что нет столицы лучше, чем Москва, что выражается в тексте с помощью наречия *едва*, в английском переводе использовано его точное соответствие *scarcely* (едва). Ср.: «А батюшка, признайтесь, что *едва* / Где сыщется столица, как Москва [7, с. 96] — «*My dear good sir, confess — you'll scarcely find / A capital like Moscow, to my mind*» [7, с. 97]. Безапелляционная положительная оценка Фамусовым нравов и

обычаев московского общества подчеркивается в его речи наречием *решиительно*. Замену в переводе наречия *решиительно* на глагольное словосочетание *say again* (скажу, повторю опять) можно рассматривать как адекватную замену в данной коммуникативной ситуации. Ср.: «*Решиительно скажу: едва / Другая сыщется столица, как Москва*» [7, с. 98] — «*I say again, sir: you won't find / Another capital like Moscow, to my mind*» [7, с. 99].

С точки зрения Чацкого, отсутствие перемен в столичной жизни — это плохо. Чацкий в этом уверен, и в тексте маркерами такой уверенности служат риторический вопрос и местоименные прилагательные с частицей *же / ж*: «Что нового покажет мне Москва? <...> Все *там же* толк, и *те ж* стихи в альбомах» [7, с. 54]. В переводе — «*What else will Moscow show me that is new? <...> Small talk. Bad verse in albums, stiff and stilted*» [7, с. 55] — риторический вопрос сохранен, для компенсации значения местоименных прилагательных с частицей *же / ж*: *там же*, *те ж*, присутствует прямая оценка стихов: *bad*, *stiff* (жесткий, неизменный), *stilted* (напыщенный, натянутый). Чацкий не рад увидеть все тех же персонажей, но он уверен, что ему этого не избежать, и эта уверенность эксплицитирована с помощью модального предикатива *суждено*: «Опять увидеть их мне *суждено* судьбой!» [7, с. 56]. В английском переводе — «*...yet I'm doomed to see them all once more*» [7, с. 57] в качестве его вполне адекватного эквивалента используется лексема *doom* (обрекать, приговаривать, что-то плохое, чего нельзя избежать) [13].

Однако уверенность в поведении и высказываниях главных героев комедии переходит в неуверенность, когда речь заходит о дочери Фамусова Софье.

В речи Фамусова данное субъективно-модальное значение передается в большинстве случаев вопросительными предложениями. Ср.: «Здравствуй, Софья, что ты? / Так рано поднялась! а? для какой заботы?» [7, с. 30]. В английском переводе данного высказывания — «*You're early, Sophie. I don't flatter / Myself you got up just to see me. What's the matter?*» [7, с. 31] — употреблено только одно вопросительное предложение, что снижает степень значения неуверенности. В последующих примерах неуверенность Фамусова также репрезентирована вопросительными предложениями, при этом в английском переводе синтаксис оригинала сохраняется. Показательны в этом отношении те высказывания Фамусова, где он выражает недоумение оттого, что видит Софью вместе с Молчалиным. Ср.: «*И как вас Бог не в пору вместе свел?*» [7, с. 30]; «*Но ждал ли новых я хлопот?*» [7, с. 32] — «*And why choose this ungodly hour to meet?*» [7, с. 31]; «*Did I expect fresh trouble here?*» [7, с. 33].

Фамусов сокрушается, что, вопреки всем своим усилиям, мог что-то упустить в воспитании Софьи. Он не уверен в том, что все делал правильно, и в тексте оригинала это сомнение маркируется, с одной стороны, усилительной частицей *уж* (действительно, в самом деле), с другой — частицей *ли* (выражение сомнения): «*Уж об твоём ли не радели / Об воспитанье! с колыбели!*» [7, с. 32]. В тексте перевода — «*From birth! And with what dedication, / What care, we planned your education!*» — [7, с. 33] отсутствуют соответствия данным частицам, сомнение Фамусова не столь ярко выражено. После реплики Софьи «*Ах, батюшка, сон в руку*» [7, с. 64] у Фамусова возникают подозрения о возможной симпатии Софьи к

Чацкому: «*Который же из двух?*» [7, с. 68]. Фамусов пребывает в недоумении. В тексте оригинала: «Молчалин давеча в сомнение ввел меня. / Теперь... да в полмя из огня» [7, с. 68] — для выражения неуверенности Фамусова используется лексема *сомнение*, в английском переводе — «I've had my doubts about Molchalin. Ah, the liar! / So now it's frying pan or fire» [7, с. 69] — используется ее прямое соответствие — лексема *doubt* (сомнение). Неуверенность Фамусова маркирована и с помощью фразеологизма *из огня да в полымя* (попасть из одного неприятного положения в еще худшее) [4]. Английский переводчик использует прямое соответствие этого фразеологизма — идиому *it's frying pan or fire* (попасть с горячей сковородки в огонь) [13].

Влюбленный в Софью Чацкий при встрече с ней после долгой разлуки испытывает неуверенность в ее ответных чувствах, что особенно отчетливо подчеркивается в его речи посредством вопросительных предложений с частицами *же / ж, ли*: «Ну поцелуйте же. Не ждали? говорите! / Что ж рады? Нет? В лицо мне посмотрите. / Удивлены? и только? вот прием!» [7, с. 50]. В переводе также используются вопросительные предложения, и, несмотря на отсутствие соответствующей замены частицам *же / ж, ли*, в целом текст перевода адекватен оригиналу: «Come, Kiss me. Speak. I'm unexpected, out of place here? / You're glad? You're not? Do look me in the face, dear. / Surprise? That's all? You welcoming me thus» [7, с. 51].

Нейтрально-вежливый ответ Софьи Чацкому вызывает у него сомнения и неуверенность в ее чувствах к нему, и средством их выражения становятся вопросительные предложения, частица *ж*, а также глагол *кажется*: «Вы рады? <...> Однако искренне кто ж радуется эдак? Мне кажется, так напоследок / Людей и лошадей знобя, / Я только тешил сам себя» [7, с. 52]. В переводе — «It's pleasant <...> / However, hardly what one really longs to hear. / It seems that after all, my dear, / I froze my men and horses for / My own amusement, nothing more» [7, с. 53] — вопросительные предложения отсутствуют, но общий коммуникативный смысл сохранен за счет использования глагола *seem*, прямого соответствия глаголу *кажется*, наречия *hardly* (едва ли).

Таким образом, анализ плана выражения субъективно-модальных значений уверенности — неуверенности в оригинальном тексте комедии «Горе от ума» и ее переводе показал достаточно широкий набор разнородных экспликаторов данных значений, включающих оценочную лексику, модальные глаголы, частицы, восклицательные, вопросительные предложения и риторические вопросы. При этом следует отметить, что переводчица комедии, учитывая жанровые особенности произведения, вынуждена в ряде случаев прибегать к приемам опущения, добавления, компенсации и смыслового развития, но, как правило, они всегда являются оправданными. Мэри Хобсон делала свой выбор исходя из культурно-когнитивных и ситуационных соображений. Во многих случаях ей удалось найти близкие соответствия лексемам оригинала и сохранить синтаксис исходного текста. Коммуникативный смысл текста перевода в целом адекватен тексту оригинала, а концептуальная программа автора сохраняется.

Список литературы

1. Аблогина Е. В., Разумова Н. Е. «Горе от ума» в переводах: попытка статистики // Сибирский филологический журнал. 2010. №3. С. 49–58.
2. Аблогина Е. В. «Горе от ума» А. С. Грибоедова в английском переводе Мэри Хобсон // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8. С. 33–36.
3. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М., 2007. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf> (дата обращения: 05.11.2021).
4. Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В. Н. Телия. М., 2006. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary> (дата обращения: 05.11.2021).
5. Ваулина С. С. Оценочность и модальность: специфика межкатегориальных отношений // Модальность как семантическая универсалия : сб. науч. тр. Калининград, 2010. С. 42–50.
6. Гончаров И. А. «Миллон терзаний» (Критический этюд). URL: <https://azbyka.ru/fiction/milon-terzaniy-goncharov/> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Грибоедов А. С. Горе от ума. На англ. и русск. яз. / пер. на англ. Мэри Хобсон. М., 2017.
8. Дмитриев С. Н. Страсти по Грибоедову // Литературная газета. 2020. №1 (6720). С. 1.
9. Золян С. Т. О семиотических характеристиках возможных теорий перевода // Вопросы языкознания. 2020. №1. С. 65–83.
10. Краснова Т. И. Субъективность — Модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
12. Львовская З. Д. Современные проблемы перевода. М., 2008.
13. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 30.10.2021).

Об авторах

Лариса Викторовна Коковина — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: larisa.kokovina@mail.ru

Марина Михайловна Гераськова — старший преподаватель, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: orlovam08@list.ru

The authors

Dr Larisa V. Kokovina, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: larisa.kokovina@mail.ru

Marina M. Geraskova, Senior Lecturer, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: orlovam08@list.ru

С. С. Ваулина, В. Ван

**ПОТОМУ ЧТО ИЛИ ПОТОМУ, ЧТО?
(МОДАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА СОЮЗА)**

Поступила в редакцию 10.01.2022 г.

Рецензия от 13.01.2022 г.

32

Рассматривается вопрос об особенностях функционирования в современном русском языке подчинительного союза «потому что» в аспекте его структурно-синтаксического положения в составе сложноподчиненных предложений со значением причины. На основе функционально-семантического анализа употребления данного союза в нерасчлененном и расчлененном структурном положении его составных частей устанавливается его роль в формировании модальной организации сложноподчиненных причинных предложений, выявляется модально-коммуникативный потенциал данного союза, получающий реализацию в соответствующих синтаксических конструкциях.

The article considers the functional features of the subordinating conjunction “потому что (because)” in modern Russian in the reference to the nature of its structural and syntactic position in causative complex sentences. Based on the functional-semantic analysis of the use of this conjunction in the undifferentiated and dissected structural position of its constituent parts, its role in the formation of the modal organization of complex causal sentences is established, the modal-communicative potential of this conjunction is revealed, which is realized in the corresponding syntactic constructions.

Ключевые слова: сложные предложения с отношениями обусловленности, сложноподчиненные предложения со значением причины, подчинительные причинные союзы, нерасчлененное и расчлененное употребление союза *потому что*, модально-коммуникативный потенциал союза *потому что*

Keywords: complex sentences with conditionality relations, complex sentences with the meaning of cause, subordinating causal conjunctions, non-dismembered and dismembered uses of the conjunction “потому что (because)”, modal-communicative potential of the conjunction “потому что (because)”

Сложноподчиненные причинные предложения входят в единый семантико-синтаксический комплекс со значением обусловленности, раскрывающий диалектическую взаимозависимость явлений внеязыковой действительности в органической связи с функционально-семантической категорией модальности. «Под экстралингвистическим углом зрения, — указывает В. Б. Евтюхин, — языковые категории причины, следствия, условия, цели, уступительности можно рассматривать как отражение детерминированности явлений действительности, их влияния друг на друга, упорядоченности по отношению друг к другу» [5, с. 6].

При этом в основе обусловленности лежит, с философской точки зрения, категория причинности. «Причинность, — как отмечает Ю. В. Сачков, — одна из важнейших форм взаимосвязи и взаимообусловленности явлений и процессов бытия, выражающая такую генетическую связь между ними, при которой одно явление (процесс), называемое причиной, при наличии определенных условий неизбежно порождает, вызывает к жизни другое явление (процесс), называемое следствием или действием» [10].

В русском языке соответствующая взаимообусловленность явлений внеязыковой действительности реализуется с помощью различных разнородных средств, в том числе предположно-падежных сочетаний с предлогами *из, из-за, от, с, по, благодаря, ввиду, вследствие, в силу* и т. п., наречий со значением причины *сгоряча, поневоле, со зла, сослепу, потому, поэтому, оттого* и т. п. При этом, как отмечает академик В. В. Виноградов, «причинных наречий в русском языке сравнительно немного» [3, с. 312]. Наиболее же отчетливую реализацию причинные отношения получают посредством сложноподчиненных предложений, в которых немаловажную структурно-семантическую роль выполняют союзы со значением причины, одновременно выступая своеобразным регулятором модально-коммуникативной направленности соответствующих синтаксических конструкций. Поэтому вполне закономерен устойчивый интерес исследователей к данным предложениям, выразившийся во многочисленных работах, в том числе диссертационных (см., напр.: [1; 4; 9; 12–15]), в которых большое внимание уделяется рассмотрению причинных подчинительных союзов с точки зрения их происхождения, времени появления в русском языке, структуры, роли в выражении модальных отношений, жанрово-стилистической направленности.

Вместе с тем при всей широте анализа вышеназванных аспектов причинных союзов в дополнительном рассмотрении нуждается их модальная функция, на важность которой указывал В. В. Виноградов, отмечая, что «различия в модальных значениях союзов играют большую роль в дифференциации разных типов сцепления предложений, разных видов зависимости между ними» [2, с. 85–86].

Задачей данной статьи является рассмотрение «модального рисунка» сложноподчиненных причинных предложений, структурная связь частей которых осуществляется с помощью одного из наиболее частотных подчинительных причинных союзов современного русского языка — союза *потому что*.

Данный союз, фиксируемый в памятниках русской письменности не ранее XV века [6, с. 310], прочно занял место в языке деловых и бытовых документов, а в XVII веке распространился также в языке повествовательной литературы. В современном русском языке он является стилистически нейтральным и широко представлен в различных функциональных стилях.

Одна из структурных особенностей рассматриваемого союза — то, что он всегда, в отличие от большинства других причинных союзов (*так как, поскольку, оттого что, ввиду того что* и др.), расположен в придаточной части сложноподчиненного предложения, находящейся в постпозиции относительно главной части. Например: «Он даже радовался неудаче,

потому что неуспех, происходивший от отступления в практике от теории, доказывал ему только справедливость его теории». (Л. Н. Толстой. Война и мир. С. 52); «Ее надо слушать увлеченно, как музыку, *потому что* звучащая речь и есть сама музыка: в ней есть свои мелодии, своя ритмика, своя гамма звуков» (Д. Н. Антонова. Фонетика и интонация. Корректировочный курс для зарубежных преподавателей. С. 176); «По словам замминистра жилищной политики, энергетики и транспорта Приангарья Евгения Ветрова, котельная в Юртах вышла из строя, *потому что* ее неправильно эксплуатировали» (Аргументы и факты. 2009. 23–29 окт.).

Другая структурная особенность союза *потому что* заключается в возможности его функционирования в расчлененном виде, при котором первая его часть — местоименное наречие *потому* переходит в главную часть сложноподчиненного предложения, выполняя в ней функцию соотносительного слова, а вопросительно-относительное местоимение *что* остается в его придаточной части, выступая в ней в функции союза. Например: «Александр отказывался от всех переговоров *потому, что* он лично чувствовал себя оскорбленным» (Л. Н. Толстой. Война и мир. С. 104); «Мы боимся создания общей (общечеловеческой) психологии *потому, что* это выглядит для нас как оружие массового контроля (в конечном итоге самого поражения)» (О. В. Лукьянов. Психология от конца к началам. С. 449); «Часто говорят, что люди воспринимают искусство *потому, что* находят в нем себя» (Ю. Харари. 21 урок для XXI века. С. 14).

Вышеуказанная структурная двойственность союза *потому что* определяет специфику модального рисунка рассматриваемых сложноподчиненных предложений. Исходя из общепринятой в современном языкознании концепции модальности как функционально-семантической категории, выражающей «разные отношения высказывания к действительности, а также виды разной субъективной квалификации сообщаемого» [7, с. 303], реализующиеся, соответственно, в рамках объективной и субъективной модальности, рассмотрим модальную организацию сложноподчиненных предложений с союзом *потому что* применительно к каждому из двух его синтаксических положений.

При функционировании данного союза в традиционном, нерасчлененном виде и размещении его в придаточном предложении главная часть причинного предложения в подавляющем большинстве случаев содержит модальное значение объективной модальности, которое выражает реальную связь сообщаемого с внеязыковой действительностью и реализуется посредством глаголов в формах изъявительного наклонения, отнесенных к прошедшему, настоящему или (реже) будущему времени. В придаточной части такого предложения раскрывается причина осуществления данной связи, также реализуемая в рамках реальной модальности. Например: «Идеологи революции *объясняли*, что пролетарские демонстрации — это шествия нового времени, *потому что* они движутся только вперед, а не по кругу, как, например, традиционный крестный ход» (И. И. Жабоклищкая. Российские праздники: история и современность. С. 23); «*Спят* там на коврах, под открытым небом, *потому что* зимы не бывает, а ходят в одних халатах — ни тебе сапог, ни паль-

то» (В. А. Каверин. Два капитана. С. 38); «Урсула, напротив, долго *будет* с отвращением *вспоминать* о визите цыгана, *потому что* она вошла в комнату как раз тогда, когда Мелькиадес, взмахнув рукой, разбил пузырек с хлористой ртутью» (Г. Маркес. Сто лет одиночества. С. 23).

В свою очередь, значение реальности может конкретизироваться посредством частных значений ситуативной модальности, преимущественно значений возможности и необходимости (реже желательности), которые мотивируются содержанием придаточной части и эксплицируются посредством специализированных словосочетаний, включающих модальные глаголы и предикативы с соответствующей модальной семантикой:

— с семантикой возможности /невозможности. Например: «Он *не мог успокоиться, потому что* он, так долго мечтавший о семейной жизни, так чувствовавший себя созревшим для нее, все-таки не был женат и был дальше, чем когда-нибудь, от женитьбы» (Л. Н. Толстой. Анна Каренина. С. 164); «Мы *не можем себе позволить* многих простых радостей жизни, *потому что* нас постоянно мучат сомнения, опасения и мы считаем себя плохими родителями» (Н. Латта. Прежде чем ваш ребенок сведет вас с ума. С. 8);

— с семантикой необходимости. Например: «Сравнивая его с другими центрами, *следует отметить* сходство его деятельности с АВС НИУ ВШЭ, *потому что* его основной задачей является помощь научно-педагогическим кадрам университета в написании статей на английском языке для зарубежных журналов, а также проведение для них курсов и семинаров» (И. Б. Короткина. Университетские центры академического письма в России: цели и перспективы. С. 75); «Ее *надо слушать* увлеченно, как музыку, *потому что* звучащая речь и есть сама музыка: в ней есть свои мелодии, своя ритмика, своя гамма звуков» (Д. Н. Антонова. Фонетика и интонация. Корректировочный курс для зарубежных преподавателей. С. 176); «Технологические площадки *должны полностью поддерживаться* региональными властями, *потому что* их развивающая региональная функция очевидна» (С. А. Иванов. Феномен опорных университетов региональной экономики в современной России. С. 19);

— с семантикой желательности. Например: «Николай II долго *не хотел признавать* брак, *потому что* он был оформлен без его согласия» (Комсомольская правда. 2021. 28 окт.— 4 нояб.).

В ряде случаев на объективную модальность, которая выражает реальное «положение дел», описываемое в главной части сложноподчиненного причинного предложения, наслаивается субъективная модальность, содержащая оценочное отношение говорящего к сообщаемому в виде модальных значений уверенности, вероятности, сомнения, сожаления и т. п., реализуемых с помощью вводных слов и словосочетаний. Например: «*Верно*, пуля попала ему в плечо, *потому что* вдруг он опустил руку...» (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. С. 35); «*Вероятно*, ей, как самой образованной в доме, было поручено встретить и принять доктора, *потому что* она тотчас же, торопясь, стала излагать причины болезни, с мелкими, назойливыми подробностями...» (А. П. Чехов. Учитель словесности. С. 125); «*Наверно*, это был пули, *потому что* мелкие щепочки стали отлетать от колесницы и одна попала мне прямо в лицо» (В. А. Каверин.

Два капитана. С. 45); «*Должно быть*, речь шла не обо всех педагогах, а только об одном, *потому что* все стали оглядываться, перешептываться, подталкивать друг друга» (В. А. Каверин. Два капитана. С. 167); «*Конечно*, Софья Рафаиловна меня запомнила, потому что здоровался я с ней (к удовольствию всех дворовых ребят) по многу раз» (Ю. В. Никулин. Почти серьезно... С. 31); «*К сожалению*, отойти некуда, *потому что* за пределами сингулярности нет никакого *где*» (Б. Брайсон. Краткая история почти всего на свете: экскурсия в окружающий мир. С. 14).

Несколько иная модально-коммуникативная направленность сложноподчиненных предложений причины прослеживается при расчлененном функционировании союза *потому что*. В данном случае его первый составной компонент *потому* употребляется в главной части предложения в функции причинного наречия с лексическим значением «по этой причине, вследствие этого» [11, с. 333], выступая «в качестве опорного компонента в составе главной части» [8, с. 579]. В отличие от сложноподчиненных предложений с нерасчлененным употреблением союза *потому что*, когда причина возникновения сообщаемого в главной части того или иного положения полностью указывается в придаточной части и в силу этого соответствующие части имеют относительную структурно-содержательную независимость, в случае расчленения союза причинная обусловленность сообщаемого указывается уже в главной части, в результате чего «сложное предложение выступает как нерасчлененная структура» [8, с. 579]. Придаточное предложение в этом случае фактически приобретает характер изъяснительного предложения, присоединяемого с помощью союза *что*. Ср: «Александр отказывался от всех переговоров *потому, что* он лично чувствовал себя оскорбленным» (Л. Н. Толстой. Война и мир. С. 104); «Всем единоплеменным народам глава — народ русский, и русское имя *потому, что* все славяне вышли из русской земли, двинулись в державу Римской империи, основали три государства и прозвались: болгары, сербы и хорваты; другие из той же русской земли двинулись на запад и основали государства яшское и моравское или чешское» (Н. И. Костомаров. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. С. 242).

Яркой особенностью сложноподчиненных предложений с расчлененным союзом *потому что* является и то, что указание на причину «положения дел», сообщаемого в них посредством наречия *потому*, может конкретизироваться элементами субъективной (авторской) модальности — через авторские ремарки в форме различных языковых единиц, в том числе:

— определительно-уточняющих и выделительно-ограничительных частиц типа *только, именно, лишь, просто* и т. п. Напр.: «Достоевский верил в человека и в человечество *только потому, что* он верил в богочеловека и в богочеловечество — в Христа и в Церковь (В. С. Соловьев. Три речи в память Достоевского. — НКРЯ); «Флеминг легко поступил в Медицинскую школу больницы Святой Марии, которую выбрал *лишь потому, что* однажды ему довелось сыграть с ее студентами в водное поло» (Г. Бельшева. Желтая магия. С. 10); «Литературные труды Димитрия имеют важное значение *именно потому, что* были сильно распространены в русском обществе до последнего времени» (Н. И. Костомаров.

История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. С. 291); «Очень немногие слишком любящие женщины в глубине души убеждены, что достойны любить и быть любимыми *просто потому, что* живут на свете» (Р. Норвуд. Женщины, которые любят слишком сильно. С. 28);

— вводных, в том числе модальных слов и словосочетаний типа *прежде всего, главным образом, наверное* и др. Напр.: «Август получил корону, *главным образом, потому, что* Россия его поддерживала, и русский резидент Никитин напугал поляков...» (Н. И. Костомаров. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. С. 308); «Подлинность цифровых документов вызывает сомнения, *прежде всего, потому, что* они могут быть легко повреждены или изменены, причем это не оставит никакого следа» (В. Б. Прозорова. Полемика по книге Ш. Кечкемети, Л. Кёрменди «Написанное улетает: проблемы хранения бумажных и цифровых архивов». — НКРЯ); «В классе я был середнячком — ребята собрались очень умные, но одноклассники дали мне прозвище Эйнштейн, *наверное, потому, что* смогли во мне что-то разглядеть» (С. У. Хокинг. Краткие ответы на большие вопросы. С. 37).

Таким образом, анализ подчинительного союза *потому что* с точки зрения специфики его структурно-синтаксического положения в сложноподчиненных предложениях причины позволил раскрыть его функционально-семантические особенности и продемонстрировать его возможности в реализации модально-коммуникативного потенциала соответствующих предложений как центрального компонента в системе сложноподчиненных предложений с отношениями обусловленности. Разумеется, подобную роль в той или иной мере выполняют и другие подчинительные союзы причины, но союз *потому что* выделяется среди их весьма широкого и разнообразного состава стилистической нейтральностью, высокой частотностью, достаточно длительной историей функционирования в русском языке и в совокупности этих факторов вполне заслужил, как нам представляется, отдельного исследовательского внимания.

Список литературы

1. Ван Вэньцзе. К вопросу о модальной функции служебных слов в русском языке (на примере подчинительных союзов причины) // Модальность, Коммуникация : сб. науч. тр. / под ред. С.С. Ваулиной. Калининград, 2021. С. 288–293.

2. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике : избр. тр. М., 1975. С. 53–87.

3. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.

4. Грецкая Е. С. Роль подчинительных союзов в формировании модальности сложноподчиненных предложений со значением обусловленности (условные и причинные конструкции) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2004.

5. Евтохин В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.

6. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979.

7. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990.
8. *Русская грамматика* : в 2 т. М., 1980. Т. 2.
9. Саид Али Муртада. Функционально-семантические особенности сложного предложения со значением обусловленности (на фоне арабского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
10. Сачков Ю. В. Причинность // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. М., 2001. Т. 3. С. 354.
11. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1984. Т. 3.
12. Смолич Н. А. Структура и семантика причинных сложноподчиненных предложений с союзами дифференцированных значений в аспекте текстовой зависимости и обусловленности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2003.
13. Старовойтова Н. В. Модальность сложноподчиненных предложений со значением обусловленности в русском языке XVII — первой четверти XVIII века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2006.
14. Теляковская М. В. Стилистическая характеристика причинных союзов // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2012. №1. С. 322—326.
15. Холонина Н. А. Сложноподчиненные предложения, выражающие причинно-следственные отношения : автореф. дис.... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.

Список источников

- Антонова Д. Н. Фонетика и интонация. Корректировочный курс для зарубежных преподавателей. М., 1988.
- Бельшева Г. Желтая магия // *Архив XX века. Загадки мировой истории*. 2021. №8. С. 10—11.
- Брайсон Б. Краткая история почти всего на свете: экскурсия в окружающий мир / пер. В. Михайлова. М., 2003.
- Жабоклицкая И. И. Российские праздники: история и современность. М., 2014.
- Иванов С. А. Феномен опорных университетов региональной экономики в современной России // *Высшее образование в России*. 2018. №1. С. 19—31.
- Каверин В. А. Два капитана. М., 1987.
- Короткина И. Б. Университетские центры академического письма в России: цели и перспективы // *Высшее образование в России*. 2016. №1. С. 75—87.
- Костомаров Н. История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Вып. 4 : XVII столетие. М., 2012.
- Латта Н. Прежде чем ваш ребенок сведет вас с ума / пер. Т. Е. Шапошниковой. СПб., 2010.
- Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Калининград, 1984.
- Лукьянов О. В. Психология от конца к началам // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23, №2. С. 447—455.
- Маркес Г. Сто лет одиночества / пер. М. И. Былинкина. М., 2012.
- Никулин Ю. В. Почти серьезно. М., 1984.
- Норвуд Р. Женщины, которые любят слишком сильно. М., 2010.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина : роман в восьми частях. Л., 1969. Ч. 1—4.
- Толстой Л. Н. Война и мир : в 4 т. М., 1974. Т. 3.
- Харари Ю. 21 урок для XXI века / пер. А. Андрющенко. М., 2018.

Хокинг С. У. Краткие ответы на большие вопросы / пер. С. Бавина. М., 2018.
Чехов А. П. Рассказы. М., 1987.

Об авторах

Светлана Сергеевна Ваулина – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: svaulina@mail.ru

Вэньцзе Ван – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: wenjiezhuoya111@yandex.ru

39

The authors

Prof. Svetlana Vaulina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: svaulina@mail.ru

Wenjie Wang, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: wenjiezhuoya111@yandex.ru

Е. А. Ревуцкая

**ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ
КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА
(на материале «Пярнуских элегий» Давида Самойлова)**

Поступила в редакцию 11.02.2022 г.

Рецензия от 19.02.2022 г.

40

Осуществлен когнитивный анализ поэтических образов на основе критического подхода к теории концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер), учитывающего результаты биографического анализа, который позволяет углубить толкование интегральных пространств. Цель исследования – доказать, что семантическая сложность поэтического образа не исчерпывается отношениями концептуального переноса между пространством-мишенью и пространством-источником. В статье представлены ход и итоги разбора поэтического цикла «Пярнуские элегии» (1981) Давида Самойлова, показывающие необходимость дополнить метод концептуальной интеграции данными дневниковых записей и личной корреспонденции. В рамках концепции междисциплинарного трансфера (В. В. Фещенко) определена целесообразность обращения к литературоведческой категории гипотекста (Ж. Женетт) в ходе лингвистического анализа. Благодаря сочетанию методов MIP(VU) (Metaphor Identification Procedure – процедуры идентификации метафоры), концептуальной интеграции и биографического анализа выделены новые – гипотекстовое и биографическое – исходные пространства, элементы которых участвуют в создании поэтического образа. Эксплицированы корреляции между смыслами интегральных пространств элегий и мировосприятием, жизненной ситуацией поэта. Установлено, что поэтический образ несводим к результату концептуальной проекции: его концептуальное пространство представляет собой синтез физического, эмоционального, духовного опыта.

The article deals with the cognitive analysis of poetic images based on the critical approach to the conceptual blending theory (G. Fauconnier, M. Turner), taking into account the findings of the biographical analysis ensuring an in-depth interpretation of the blended spaces. The study aims to show that the semantic complexity of the poetic image goes beyond the conceptual transfer between the source and target mental spaces. Examining the case of Pärnu Elegies (1981) by David Samoylov, the article demonstrates the necessity of completing the conceptual blending method by the poet's diaries and personal correspondence data. Adhering to the interdisciplinary transfer theory (V. V. Feshchenko) the article borrows the literary studies category of hypotext (G. Genette) to perform the linguistic analysis. Combining the MIP(VU) (Metaphor Identification Procedure), the conceptual blending method and the biographical analysis, the article introduces the hypotext and biographical input spaces that participate in creating the poetic image. The article explicates

the correlations between the elegies' blended spaces and the poet's life perception and life circumstances. The author determines that the poetic image cannot be reduced to the conceptual projection result, its conceptual space being synthesized from the physical, emotional and intellectual experience.

Ключевые слова: поэтический дискурс, Давид Самойлов, «Пярнуские элегии», ментальное пространство, теория концептуальной интеграции, биографический анализ, гипотекст

Keywords: poetry discourse, David Samoylov, *Pärnu Elegies*, mental space, conceptual blending theory, biographical analysis, hypotext

Введение

Поэтический дискурс традиционно видится объектом в первую очередь литературоведческого поиска. Вместе с тем лингвистическое осмысление «языка как творчества» было заложено В. фон Гумбольдтом и получило развитие в трудах русских теоретиков языка — А. А. Потебни, А. Белого, Г. Г. Шпета, В. Н. Волошинова и др. Языковедческие аспекты поэтического слова нашли отражение в работах Р. О. Якобсона, М. Л. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, а сегодня составляют сложившиеся и авторитетные направления развития науки о языке. К ним относятся, в частности, лингвистическая поэтика (О. Г. Ревзина), грамматическая поэтика (Г. М. Зельдович), лингвоэстетическая теория (В. В. Фещенко), доказывающие необходимость дальнейшего и более тесного взаимодействия поэтики с лингвистикой.

Определяя познание как процесс опосредованного отражения мира, когнитивная лингвистика рассматривает поэтический образ не как фигуру речи, но как форму мысли, трактуя образную модель как эвристический ресурс. Так, образ организует и передает знание: сложные явления зачастую предстают в образной форме, которая обретает статус мыслительной — и дискурсивной — константы.

Поэтический образ изучают теория концептуальных схем (Е. Семино), когнитивная поэтика (М. Фримен), нейрокогнитивная поэтика (А. Джейкобс), психолингвистика (К. Рассе). При этом важно отметить, что поэтический образ — не только путь познания, но и инструмент творчества. Образность в поэзии — не обязательно продукт «воплощенного» мышления, осмысления абстракции в терминах физического опыта, но результат многих «творческих аналогий» между сферой-источником и сферой-мишенью. Поэтический язык и повседневная речь по-разному генерируют образы [19, р. 265]. Более того, поэзия оперирует сложными смысловыми пространствами, в пределах которых соединяются множество элементов из различных сфер. Поэтому целый ряд исследователей-когнитологов из разных стран (Т. Г. Скребцова, Ф. Греа, З. Ковечеш и др.) считают разработанную Ж. Фоконье и М. Тернером теорию концептуальной интеграции (*conceptual blending theory*) наиболее продуктивной основой для изучения поэтического дискурса. Созданная на базе теории ментальных пространств Ж. Фоконье и когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, теория концептуальной

интеграции по-прежнему выступает эффективным методологическим инструментом когнитивной семантики [6]. Тогда как когнитивная теория метафоры ограничивается переносом между двумя сферами опыта, концептуальная интеграция раскрывает сложные семантические отношения между ментальными пространствами. Кроме того, их содержание определяет не концептуальная схема, но конкретный текст [18, р. 116]. Это свидетельствует о большей объяснительной ценности концептуальной интеграции, способной описать творческую природу познания и предоставить последовательное представление о когнитивных механизмах, определяющих сущность поэзии.

К теории концептуальной интеграции, в русскоязычной когнитивной терминологии называемой также теорией концептуального пересечения (А. А. Залевская) [5] и теорией блендов (Т. Г. Скребцова) [14], отечественные исследователи художественного дискурса обращаются тем не менее нечасто [4; 6; 12]. Кроме того, подробный критический разбор теории концептуальной интеграции можно найти лишь в масштабном отечественном исследовании В. В. Глебкина, которое обосновывает необходимость включить в аналитический инструментарий теории блендов культурно-историческую составляющую, позволяющую пересмотреть толкование образных построений [2]. Более того, В. В. Глебкин показывает, что построение интегральных пространств — один из важнейших путей «адаптации знания к мировосприятию обычного человека», его преобразования в подходящий для человека формат, но не основной способ создания нового знания [2, с. 171]. В отношении же поэтического дискурса аналитические возможности теории блендов совершенствует подход З. Ковечеша, который обосновывает роль контекста, окружающего процесс создания поэзии [19, р. 267].

Наше исследование развивает критический подход к теории концептуальной интеграции, предписывающий учет внеязыковой составляющей исходных пространств, который позволяет конкретизировать либо углубить интерпретацию поэтических образов. Новизну выбранного подхода составляет выбор в качестве внеязыкового компонента фактов биографии, обстоятельств жизни поэта. Ниже показаны ход и результаты анализа цикла «Пярнуские элегии» Давида Самойлова с помощью метода концептуальной интеграции, дополненного обращением к биографическим данным, полученным в ходе анализа опубликованных дневников [21] и корреспонденции [22; 23] поэта. Указанную процедуру предваряет анализ исследуемого текста по методу MIP(VU) (Metaphor Identification Procedure — процедура идентификации метафоры) с целью выявления образных словоупотреблений, обладающих в поэтическом дискурсе особой значимостью. Метод MIP(VU) основан на данных толковых словарей, алгоритмизирован и отличается высокой точностью [7]. Небольшой объем «Пярнуских элегий» позволил выполнить пошаговый анализ контекстуального значения всех знаменательных лексем текста. В качестве справочных словарей использовались Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [13] и Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [3]. Наконец, самостоятельно выполненный анализ дневниковых записей [21] и отдельных фрагментов корреспонденции [22; 23] поэта потребовал параллельного обращения к выводам

литературоведов — итогам многолетних исследований А. С. Немзера, Н. В. Кононовой, М. М. Гельфонд. Такая возможность учета филологических данных в ходе лингвистического анализа позволяет приблизиться к решению насущной проблемы конвертируемости знаний между литературоведением и лингвистикой [15, с. 6], отвечая актуальной в современных гуманитарных науках тенденции культурного трансфера — переноса знаний между культурами, профессиональными сообществами и дискурсами [15, с. 5].

Основная часть

Центральная идея теории концептуальной интеграции — способность мыслящего субъекта создавать, основываясь на двух и более исходных ментальных пространствах (input spaces), бленд (blend) — новое, интегральное пространство (blended mental space), содержащее новые смыслы. Данный процесс организует отношения общего, по меньшей мере двух исходных (соответствующих сфере-источнику и сфере-мишени в теории концептуальной метафоры) и интегрального пространств — последнее, в свою очередь, развивается как самостоятельная структура [6]. Сохраняя идею проекции между двумя сферами опыта, теория концептуальной интеграции существенно расширяет рамки двухпространственной модели Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Это обеспечивают следующие новации: 1) общее концептуальное пространство определяет условия интеграции; 2) абстрактная «сфера опыта» уступает место много более конкретному «ментальному пространству», способному включать информацию из многих сфер опыта, а также данные культурного и контекстуального планов; 3) в результате избирательной проекции элементов исходных пространств образуется смешанное концептуальное пространство. Исследователи отмечают, что концептуальное пересечение представляет собой не схематический процесс, но итог разрешения семантических противоречий. В свою очередь композиция бленда не определяется одним лишь содержанием исходных пространств, а его структура не образуется простым их сложением [18, р. 111–113].

Авторы теории выделяют монокомпонентную (single-scope blending) и поликомпонентную (multi-scope blending) формы пересечения исходных пространств [16, р. 389–396]. В первом случае структура смешанного пространства определяется структурой одного из исходных пространств: такова, в частности, организация многих конвенциональных метафор. Во втором случае бленд представляет собой качественно новое ментальное пространство, образованное в результате синтеза структур, принадлежащих к исходным пространствам: таким образом, как правило, организован дискурс поэзии.

«Пярнуские элегии», состоящие из шестнадцати частей, впервые были опубликованы полностью в книгах «Залив» и «Улица Тооминга» (обе вышли в 1981 году). «Элегии» автобиографичны (в 1976 году поэт переезжает с супругой Галиной Медведевой и детьми из Москвы в Пярну) и написаны в первые два года жизни в эстонском приморском городе. Переезд, как показывает анализ «Поденных записей», соответствовал натуре Самойлова: «Мне всегда приятно поселиться» [20, с. 99].

Но решение остаться жить на берегу Балтийского моря не принималось в одночасье: «Можно ли здесь жить?» [20, с. 99], «Кажется, здесь в Пярну можно жить» [20, с. 100], «Решение зимовать в Пярну. Все еще раздражение и неувязки» [20, с. 103], «Полгода мы в Пярну. После неимоверно расхлябанного лета, где выяснилось множество несовместимостей... наконец-то все... утряслось» [20, с. 103]. Приведем анализ первой элегии цикла:

(1) *Когда-нибудь и мы расскажем, / Как мы живем иным пейзажем, / Где море озаряет нас, / Где пишет на песке, как гений, / Волна следы своих волнений / И вдруг стирает, осердясь* [21, с. 448].

Общее пространство: субъект — действие — объект.

Исходное пространство 1 (пространство-мишень): След, оставленный волной на песке, тотчас стирает следующая волна.

Исходное пространство 2 (пространство-источник): Гениальный автор отражает в своих творениях душевные переживания.

Интегральное пространство: Поэт уничтожает стихи, в которых мгновение назад описал свои душевные переживания. Творения поэта сменяют друг друга, всякий раз отражая тревоги и радости.

Образ создан пересечением двух исходных пространств — морской волны, смывающей след своей предшественницы, и творчества гениального автора, внезапно недовольного своим творением. Среди выявленных образных словоупотреблений показателями пересечения выступают глаголы в метафорических значениях (волна 'пишет' и 'сердится'). В свою очередь, базовое словарное значение существительного 'волнения' ('колебательные движения водной поверхности') совпадает с контекстуальным. При этом игра слов смещает наше внимание в сторону метафорического значения ('сильное беспокойство, тревога', 'сильное беспокойство, вызванное страхом, радостью, ожиданием'). В результате в сознании читателя возникает новое, интегральное пространство — образ поэта, чьи творения сменяют друг друга, всякий раз отражая жизненные тревоги и радости; поэта, способного уничтожить свои стихи. Этот образ предварен метафорическим употреблением глагола 'жить' ('быть целиком занятым, поглощенным, увлеченным чем-либо'), а также игрой с прямым ('ярко освещать, заливать светом') и переносным значениями глагола 'озарять' ('прояснять чье-либо сознание, внушать кому-либо ясность мысли'). Эти значения отсылают к фигуре поэта, вдохновенно-го морем и счастливого в ином городе, отличном от того, в котором он родился.

Отметим, что с позиций когнитивного подхода семантика включает, помимо словарных и контекстуальных значений, результаты интерпретирующей деятельности субъекта познания. Анализ дневниковых записей помогает обогатить содержание исходных пространств элегии. Так, «Поденные записи» отражают умиротворение, которое поэт со своей семьей обрел в Пярну: «Хорошо. Спокойно» [20, с. 101], «Очень милы, утрясены и дружны дети. Наблюдать их — большое счастье» [20, с. 103], «Наконец-то покой, тишина» [20, с. 104], «Дни тихие, приятные» [20, с. 105]. Морской пейзаж становится источником такого умиротворения: «Гуляю много чаще, чем в Москве» [20, с. 100], «Дождь. Здесь и дождь приятен. Гуляю по взморью» [20, с. 100], «Вчера туман, особенно

густой с моря <...> Чувство успокоения и довольства» [20, с. 105], «Весна. Холодная. Солнечные дни сменяются дождями. Очень красиво. Кажется неправдоподобным, что мы здесь живем» [20, с. 106], «И вдруг — тишина, осень в Пярну, счастливые часы» [20, с. 108].

Жить «иным пейзажем» означало и осознание внутреннего переустройства: «Изменились мы за год» [20, с. 107]. О произошедшей внутренней перемене поэт упоминает и в письмах Ю. М. Лотману и З. Г. Минц, ставших доступными широкому кругу исследователей благодаря работе Н. В. Кононовой: «Отвык от столичного темпа и уже не могу его догнать» [23, с. 360]. Вместе с тем анализ шестой элегии цикла свидетельствует о неразрывной связи, которая соединяет поэта с прошлой жизнью и близкими людьми — матерью, старшим сыном Александром, живущими в Москве:

(2) *Деревьця прыгнули от моря, / Как я хочу бежать от горя — / Хочу бежать, но не могу, / Ведь корни держат на бегу* [21, с. 449].

Общее пространство: субъект — действие — объект.

Исходное пространство 1 (пространство-мишень): Герой стремится забыть свои тревоги.

Исходное пространство 2 (пространство-источник): Сосны на берегу Пярнуского залива наклонены под силой ветра.

Интегральное пространство: Быть полностью свободным и счастливым человеку не позволяют обстоятельства его прошлой жизни, тревоги о близких людях.

Среди выявленных образных словоупотреблений показателями интеграции выступают глаголы в метафорических значениях: 'прыгнуть', 'бежать', 'держат'. Контекстуальное значение глагола 'прыгнуть' удалено от базового словарного значения ('стремительно двинуться, прыгнуть'). Герой стремится «спастись» от своих тревог с той же силой, с какой ветер наклонил сосны. Но тревоги о родных, память о Москве, доме и детстве оказываются сильнее стремления стать свободным, как корни пярнуских сосен — сильнее морского ветра. В сознании читателя возникает интегральное пространство — образ человека, который не может не помнить о близких людях, о родном городе, о прежнем укладе жизни.

Обращение к «Поденным записям» позволяет конкретизировать данный смысл — мы узнаем, что поэт тревожится о матери, беспокоится о старшем сыне, опечален болезнью первой жены Елены: «Сашка не догадается написать» [20, с. 100], «Как будто настал покой и любованье покоем и городом, если бы не болезнь Ляли (Ольги Фогельсон, первой жены поэта. — Е. Р.), не жалобы мамы, не неустройство Саши» [20, с. 103], «Было бы совсем хорошо, небывало спокойно, если бы не болезни мамы» [20, с. 108], «Из Москвы мало писем. И всегда подспудное ожидание неприятного <...> Жалко маму» [20, с. 119], «Говорил по телефону с мамой. Голос ее одряхлел, стал слаб и лишен окраски. Жалко» [20, с. 121]. Изменяются и «пути отношений с приятелями и друзьями» [20, с. 108]: «День рождения впервые за долгие годы вдали от друзей» [20, с. 99], «Знакомые отпали после лета, обидевшись, видимо, что мы живем в отдалении и уже не принадлежим им» [20, с. 108], «Мало общения с прежним московским кругом, даже письменно» [20, с. 108]. Поэта нередко покидает и творческое вдохновение: «Настроение смутного ожидания и

тревоги, может быть оттого, что работа не ладится» [20, с. 106], «Стихи не пишутся. Перевожу без охоты», «Проза идет туго — размеренная жизнь не способствует вдохновению. Стихов вовсе нет» [20, с. 108], «Жизнь ровная. Обильные снега. Все так ровно, что негде споткнуться стихам» [20, с. 119].

Поселившись в Пярну, поэт «не разлюбил Эстонию, но перестал воспринимать ее как идиллический локус» [10, с. 182—183]. «Поденные записи» содержат размышления о старости, болезнях, бытовых сложностях: «Три месяца ушло на болезни. Это была не только физическая болезнь, но и депрессия нравственная» [20, с. 108], «Здесь полный беспорядок: дети простужены, водопровод замерз» [20, с. 140], «Никогда не думал, что старость так ужасна» [20, с. 172]. С дневниковыми записями перекликаются фрагменты писем Самойлова к Лидии Чуковской, которые Н. В. Кононова определяет как «форму искреннего, подлинного, лирически насыщенного свидетельства»: «Старость — это пора, когда все становится мероприятием» (цит. по: [22, с. 72]). По мысли М. М. Гельфонд, тональность «Пярнских элегий» образована чувством тревоги, нарастающей по мере того, как «ожидаемая идиллия оборачивается своей противоположностью» [1, с. 125].

Наш анализ «Поденных записей» сопоставляется с выводами литературоведов, изучающих поэзию Самойлова в ее целостности. А. Немзер отмечает, что, поселившись в Пярну, Самойлов тотчас же стал тосковать по Москве [10, с. 176]: «Вообще тревожно, грустно, и преобладающее чувство — жалость» [20, с. 116]. В этом ощущении и кроется причина творческого разлада: «Стихи катастрофически не идут. Да и не могут, видимо, быть. Их единственный источник — память» [20, с. 102]. Память и сожаление составляют идейный центр четвертой элегии:

(1) *И жалко всех и вся. И жалко / Закушенного полушалка, / Когда одна, вдоль дюн, бегом — / Душа — несчастная гречанка... / А перед ней взлетает чайка. / И больше никого кругом* [21, с. 449].

Поэтический образ создают проекции элементов не менее трех ментальных пространств.

Исходное пространство 1 (пространство-мишень): смятение души.

Исходное пространство 2 (пространство-источник): одиночество отвергнутой женщины.

Исходное пространство 3 (пространство гипотекста): страдания гречанки, наказанной за измену.

Интегральное пространство: жалость к отвергнутой женщине, память и сожаление об ушедших чувствах, одиночество.

Концептуальную интеграцию обеспечивает метафорическое употребление наречия 'бегом': душа уподоблена одинокой ('одна', 'больше никого кругом'), бегущей по пляжу женщине (полушалок — шаль, платок, деталь женского костюма). Страдания души равновелики страданиям женщины ('закушенного полушалка'). Обратимся к тезису А. Немзера о «плотности поэтического мира Самойлова», раскрывающейся в «постоянных мотивных перекличках, сдвигающих знакомые смыслы» и «варьировании сказанного прежде» [9, с. 18]. Это дает основание заимствовать у литературоведения категорию гипотекста — текста, производящего последующий текст [17], и квалифицировать соответствующее

исходное пространство как пространство гипотекста. Так, в четвертой элегии мы узнаем уже не купальщицу, чей «бег невольным обещанием исполнен беспечных радостей и сладких нег» [21, с. 335], но «несчастную гречанку, бегущую вдоль длинного причала» [21, с. 462]. Женская фигура отсылает не к стихотворению «Купальщица» (1971), но к поэме «Сон о Ганнибале» (1977) — истории о том, как «Ганнибал ответил дикой мстостью своей жене за мнимое бесчестье» [21, с. 461]. Интегральное пространство элегии составляет образ мятущейся души героя, помнящего женщину, которую любил и ранил, одинокого не менее той, которой причинил боль. Очевидно, что, ограничиваясь глобальной проекцией *душа* (сфера-мишень) — *одинокая женщина* (сфера-источник), теория концептуальной метафоры предлагает более схематичный анализ, нежели метод концептуальной интеграции.

Характеризуя «Пярнуские элегии» как «глубоко трагические», А. Немзер отмечает: именно в маленьком приморском городе Самойлов все более размышлял «о смерти, о людской безжалостности, о могуществе тайных сил природы и судьбы» [8, с. 609]. Обратимся к анализу последней — шестнадцатой — элегии:

(2) *Чет или нечет? / Вьюга ночная. / Музыка лечит. / Шуберт. Восьмая. / Правда ль, нелепый / Маленький Шуберт, / Музыка — лекар? / Музыка губит. / Снежная скатерть. / Мука без края. / Музыка насмерть. / Вьюга ночная* [21, с. 453].

Поэтический образ создают проекции элементов не менее четырех ментальных пространств.

Исходное пространство 1 (пространство-мишень): жизнь или смерть?

Исходное пространство 2 (пространство-источник): чет или нечет?

Исходное пространство 3 (пространство гипотекста): образ Франца Шуберта из стихотворения «Шуберт Франц» (1961).

Исходное пространство 4 (пространство биографии): «Седьмая симфония» Шуберта, названная в элегии «Восьмой» не «для благозвучия» (как в шутку объяснил это сам поэт, отвечая на вопрос Ю. Ч. Кима), но вследствие «выбора четного номера, одолевавшего смертельную семантику заключительных строк» [11, с. 282].

Интегральное пространство: обретение внутренней свободы ведет единовременно к торжеству жизни и к неминуемой гибели.

Показатель интеграции — метафорическое осмысление музыки как врачавателя, целителя, в то же время способного погубить человеческую душу. Глагол ‘лечить’ употреблен в переносном значении (‘обладать целительными свойствами’). Контекстуальное значение глагола ‘губить’ также удалено от базового словарного значения (‘убивать, уничтожать’). Фигура «нелепого, маленького Шуберта» отсылает к образу композитора из стихотворения «Шуберт Франц» (1961). Его герой знает, что «наверно, рядом с музой он немножечко смешон», но печалится лишь оттого, что «песен не поют» [21, с. 174]. «Поденные записи» свидетельствуют о том, что Самойлов глубоко и тонко понимал музыку: «У Баха над темой господствовала разработка. Моцарт высвободил тему. Шуберт освободил мелодию» [20, с. 199]. Интегральное пространство последней элегии организует дихотомия бытия — бескрайнего, как заснеженный горизонт, — и смерти. Мелодия — жизненный путь человека, находяще-

гося во власти судьбы и оттого не могущего выбирать между жизнью и смертью. Симфония Шуберта — пространство «освобожденной мелодии» — свободы человеческого духа, выбирающего между жизнью и бессмертием.

Итак, пространство-мишень и пространство-источник, создавая поэтический образ, не исчерпывают его семантической глубины. Рамки статьи позволили привести разбор лишь 4 из 16 проанализированных частей цикла «Пярнуские элегии». При этом, согласно выполненным подсчетам, выделения гипотекстового исходного пространства потребовал анализ не менее 8 из 16 элегий (50%), биографического исходного пространства — не менее 10 из 16 элегий (62,5%). Такое соотношение показывает значимость категорий гипотекста и биографии для когнитивного изучения поэзии.

Заключение

Подводя итог анализу, отметим целесообразность применения метода концептуальной интеграции для изучения поэтического дискурса. Интерпретируя поэтический образ, теория концептуальной метафоры ограничивается глобальным переносом между двумя сферами опыта, в то время как концептуальная интеграция учитывает проекции многих элементов, составляющих исходные пространства образа.

Критический подход к теории концептуальной интеграции (учет внеязыковой составляющей ментальных пространств) и обращение к категориальному аппарату смежной дисциплины — литературоведения — позволяют в ходе лингвистического исследования обращаться к категории гипотекста и данным биографического анализа. Будучи надежным документальным подспорьем, дневники и корреспонденция могут использоваться и в качестве методологического ресурса когнитивной семантики.

Концептуальная интеграция как метод изучения поэтических образов подтверждает необходимость уточнения тезиса о «воплощенном» мышлении. Так, герой «Пярнуских элегий» не всякий раз постигает отвлеченное в терминах конкретного и не столько осмысляет новую сущность в понятиях знакомой, привычной сущности (в первой части цикла след морской волны уподоблен творчеству, но не наоборот), сколько синтезирует опыт — физический, эмоциональный, духовный. Метод концептуальной интеграции раскрывает семантическую многоплановость образа, приближая нас к лучшему пониманию природы поэзии.

Список литературы

1. Гельфонд М. М. «Пярнуские элегии» Давида Самойлова: поэтика жанра и цикла // Новый филологический вестник. 2008. Т. 7, №2. С. 122–128.
2. Глебкин В. В. Теория концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: опыт системного анализа // Вопросы философии. 2013. №9. С. 161–174.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 10.02.2022).

4. Жеребов В., Солдатенкова Т. Плоская кровь нелепого пространства: когнитивный анализ современной русской поэзии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №1. С. 87–102.
5. Залевская А. А. Значение слова и возможности его описания // Языковое сознание: формирование и функционирование : сб. ст. М., 1998. С. 35–54.
6. Киреева Д. М. Происхождение теории концептуальной интеграции // Мир науки, культуры, образования. 2012. №4. С. 78–80.
7. Мишланова С. Л., Суворова М. В. Оценка соответствия процедуры идентификации метафоры MIPVU критериям подлинной научности метода // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 46–52.
8. Немзер А. Часовой и звезда. О поэзии Давида Самойлова // Самойлов Д. «Мне выпало все...». М., 2000. С. 586–613.
9. Немзер А. Поэт Давид Самойлов // Самойлов Д. С. Счастье ремесла: Избранные стихотворения / сост. В. Тумаркин. М., 2010. С. 6–24.
10. Немзер А. Две Эстонии Давида Самойлова // Universitas Tartuensis. Humaniora. Litterae Russicae. Блоковский сборник. XVIII. Россия и Эстония в XX веке: диалог культур. Тарту, 2010. С. 162–184.
11. Немзер А. Автопародия как поэтическое credo: «Собачий вальс» Давида Самойлова // От Кибирова до Пушкина : сб. в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 268–283.
12. Новичкова Л. Н. Теория блендинга как способ декодирования авторского смысла (на материале личного письма Ф. М. Достоевского) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, №9. С. 324–328.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 10.02.2022).
14. Скребцова Т. Г. Языковые бленды в теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера // Respectus Philologicus. 2002. №2 (7). P. 137–142.
15. Фещенко В. В., Бочавер С. Ю. Теория культурных трансферов: от переводоведения — через cultural studies — к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов. Методы, принципы, технологии. М., 2016. С. 5–35.
16. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. N. Y., 2002.
17. Genette G. Palimpsestes. La littérature au second degré. P., 1992.
18. Gréa P. Intégration conceptuelle et métaphore filée // Langue française. 2002. №134. P. 109–123.
19. Kövecses Z. Metaphor universals in literature // Argumentum. 2019. Vol. 15. P. 264–276.

Список источников

20. Самойлов Д. С. Поденные записи : в 2 т. М., 2002. Т. 2.
21. Самойлов Д. С. Счастье ремесла: Избранные стихотворения. М., 2010.
22. Кононова Н. В. «Выбранные места» из переписки Давида Самуиловича Самойлова и Лидии Корнеевны Чуковской // Вестник Псковского государственного университета. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2014. Вып. 4. С. 64–74.

23. Кононова Н. В. Неопубликованные письма Давида Самойлова к Юрию Лотману и Заре Минц // Славянские чтения X. Даугавпилс, 2014. С. 356–367.

Об авторе

Елена Алексеевна Ревуцкая – канд. филол. наук, доц., Минский государственный лингвистический университет, Беларусь.

E-mail: alena.revutskaya@tut.by

The author

Dr. Alena A. Revutskaya, Associate Professor, Minsk State Linguistic University, Belarus.

E-mail: alena.revutskaya@tut.by

А. А. О. Будник

**О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКА МОДНЫХ ЖУРНАЛОВ
НА МОДУ РЕЧЕВОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ**

Поступила в редакцию 28.11.2021 г.

Рецензия от 13.01.2022 г.

Рассмотрено воздействие средств массовой информации на интеграцию и укоренение узкоспециальной лексики модного дискурса в русском языке. Цель исследования – определение путей и степени влияния СМИ на этот процесс. Для ее достижения проанализирована лексика современных модных журналов, в частности языковые заимствования названий предметов одежды и терминов, уже устоявшихся в мировом модном дискурсе. Особое внимание уделено новым цветообозначениям, которые, как правило, появляются во французском и английском языках, а затем уже используются в русской речи. Установлено, что узкоспециальная лексика сферы моды входит в русское речевое употребление в первую очередь благодаря печатным изданиям, осваивается в разговорной среде, после чего в новом освоенном виде возвращается на их страницы. Этот процесс способствует закреплению и широкому употреблению в современном русском языке лексики модной индустрии. На частоту использования в речи тех или иных лексем влияет популярность предметов или явлений, ими названных, а также мода на употребление тех или иных слов.

51

The article studies the mass media impact on the integration and the rooting of highly specialized vocabulary of fashionable discourse in the Russian language. Due to this goal the author analyzed the vocabulary of modern fashion magazines, in particular the linguistic borrowings of the clothing items names of the terms that have already established themselves in the world fashion discourse. A certain attention is paid to new color terms, which, as a rule, appear in French and English languages to be traced in Russian later. The study finds that the highly specialized vocabulary of the fashion sphere enters Russian language primarily due to the printed editions, then it settles in the conversational speech to be back to their pages in a new perfected form. This process contributes to the consolidation and the widespread usage of the fashion industry vocabulary in modern Russian. The frequency of certain lexemes used in speech gets influenced by the popularity of objects or phenomena named by them, as well as by the trend for the words themselves.

Ключевые слова: русский язык, лексико-семантическая система, словесные формы выражения, модный дискурс, язык СМИ

Keywords: the Russian language, lexical and semantic system, verbal forms of expression, trendy discourse, media language

В современном мире медиаречь оказывает большое влияние на повседневную речь носителей языка и на язык в целом. Термины, которые еще несколько лет назад употреблялись только малыми группами людей (коллекционерами, экспертами, учеными и др.), становятся широкоупотребительными словами и входят в основной лексикон национального языка. Рассмотрим этот процесс на примере языка моды как отдельного специального пласта лексики.

В работе будут проанализированы языковые заимствования и перевод устоявшихся терминов как наиболее частотные пути перехода термина из специализированной области в узус [1; 3]. При этом нужно заметить, что заимствования обогащают язык, способствуют развитию синонимических и гиперо-гипонимических отношений, влияют на прагматическую структуру и лексико-семантические изменения в словарном составе дискурса моды [2].

Многие российские журналы моды являются русскоязычными аналогами западных изданий, которые публикуются на разных языках, прежде всего на английском. Русский язык в этих журналах подвергается влиянию других языков и иноязычных стилевых традиций, что находит отражение в словесной организации издания [8]. Глянцевые журналы активно оперируют терминами из мира моды [10], их целевая аудитория либо уже давно знакома с этими словами, либо, если термин еще не так хорошо известен русскоязычному читателю, издание помещает его пояснение в сноску или дает прямо в тексте — этот прием активно использовался в журналах «ElleGirl» и «Yes!».

На примере материалов этих изданий можно проследить, как, например, термины *look* и *outfit*, дававшиеся изначально в оригинальном написании, постепенно перешли в русский язык: сначала их стали отображать кириллицей, затем они вошли в ежедневный бытовой дискурс. В современном мире социальные сети являются чрезвычайно активным коммуникативным пространством молодежи. Данные социальных сетей указывают на широкое распространение слов из терминологического ряда моды в современной русской речевой практике. Например, по хештегу «*лук*» в онлайн-сервисе коротких видеороликов TikTok фиксируется более 780 млн обращений. Создавая видео о своей повседневной жизни, пользователь пишет о том, какой у него «*любимый теплый и уютный лук*» (TikTok), участники соцсети «*собирают лук на прогулку*» (TikTok) и т. д., характерны также юмористические видео, обыгрывающие омонимию слова *лук* в значении *образ* и в значении *растение*. Например, в видео пользователя *nastetochka* демонстрируется пародия на тест, запрашивающий оценку *лука*, — вместо образов демонстрируются разные сорта огородного растения (TikTok).

Но сегодня слово *лук* свободно фиксируется и в СМИ общего интереса, не ограничивающихся сферой моды, в том числе в новостных материалах: «Издание «Сплетник» сообщило о романе Игоря Сечина и дизайнера Ульяны Сергеенко. Когда твоей девушке не нравится твой *лук*», (Mash, 20.02.2018); «Специально для вас подборка лучших стрит-*луков*» (Mash, 12.03.2018); «Особые приметы: убийственный *лук*, танцует шаф-фл, как богиня» (Mash, 15.03.2019); «Даже *лук* собрала после похода в ЦУМ» (Mash, 5.11.2019); «На Тверской-Ямской до него докопались двое —

слишком уж приглянулся им его *лук*» (Mash, 15.05.2020); Бумага: «За вдохновением для новых *луков* можно сходить в Эрарту», (Mash, 7.07.2011); «Словарь современного модника: *мастхэв*, *снэпбэк* и *тотал-лук*» (Mash, 7.08.2013); «Команда проекта Visionare так впечатлилась просьбой петербурженки одеть статую Давида, что придумала сразу несколько модных *луков*» (Mash, 1.08.2016). Из перечисленных примеров видно, что слово *лук* стало использоваться в материалах криминальной хроники, анонсах мероприятий, заметках о культуре и искусстве.

Термин *мастхэв* / *мастхев* (досл. «нужно иметь», *musthave*) упоминается в более чем 320 тыс. публикаций в социальной сети Instagram. Пользователи рассказывают про «*мастхэв каждого вечернего ритуала по уходу за кожей*» (Instagram) и «*беспроигрышный мастхэв осени*» (Instagram). Эта лексема обнаруживается в материалах СМИ, не посвященных моде: «Как сохранить вовлечение, креативность, уровень внимания, остроту ума и другие *мастхэвы* рекламиста?» (ТАСС, 25.08.2021); «Подводя итог, надо сказать, что топливные карты — безусловный “*мастхэв*” для тех, кто ездит много и часто» (Московский комсомолец, 20.09.2018).

Суммарное число обращений по хештегу *аутфит* — более 97 млн (согласно статистике вышеупомянутого сервиса TikTok). В подписях к видео читаем: «*осенний аутфит 2021*» (TikTok), «*люблю этот аутфит*» (TikTok) и «*повторяю аутфит из pinterest*» (TikTok). *Аутфит* также встречается в текстах новостей: «По их мнению, дерзкий *аутфит* 72-летней Пугачевой затмил всех на этом мероприятии» (Радио Спутник, 28.04.2021); «Самая успешная дизайнерская Barbie — *аутфит* Christian Dior (1996/1997)» (BFM, 22.05.2013).

Широкое распространение прежних терминов моды в русскоязычных сегментах различных блогов демонстрирует переход слов из данного узкого лексикона в повседневную речь, а употребление их в общенациональных СМИ знаменует собой следующий этап освоения терминов моды национальным языком.

«Судьба» лексического заимствования в русском языке тесным образом связана с прагматическими условиями употребления слова и динамикой этих условий. Лексическое заимствование наиболее ярко проявляется в сфере моды в наименовании цветов и их оттенков [4; 5].

Отметим, что широкое использование цветообозначений было всегда присуще русскому языку, что подтверждают словари древнерусского языка [12] или словники отдельных древнерусских письменных памятников [7]. Можно вспомнить и слова А. С. Пушкина о «живописном» способе выражения в русском языке. Но сегодня сложилась особая ситуация значительного (и не всегда необходимого и оправданного) расширения цветовых номинаций в языке.

В современной практике цвет можно обозначить (как минимум) четырьмя способами по цветовому спектру [6]. Во-первых, кодом в системе RGB, CMYK и др. Во-вторых, с помощью традиционных в национальном языке наименований цветов и оттенков: *белый, синий, красный, желтый, светло-голубой*. В-третьих, описательно, прибегая к вторичной номинации: *морской волны, шоколадный, молочный, бутылочный, сливовый, как небо на рассвете*. Наконец, это можно сделать модным новым термином: *дикая грация, холодный персик, роза пепел, конфетный, экрю*.

Нестандартные цветовые названия из последнего ряда преимущественно употребляются в текстах модных изданий, где главные функции подобных слов — эстетическая и прагматическая. Эстетическая определяется тем, что благодаря новизне номинаций мир моды воспринимается как «особенный», связанный с представлениями об эlegantности и красоте. Прагматическая состоит в том, что необычное и оригинальное название цвета провоцирует читателей на покупку, поскольку модницы с большей вероятностью предпочтут купить помаду цвета *спелой сливы* или *темной вишни*, нежели просто *красную* [9].

Большая часть лексики для обозначения конкретных оттенков формируется во французском или английском языке и в русский входит уже как переводная. Так, модный дом *Guerlain* в своих каталогах вводит следующие термины: *sourçonderose* ‘розовое сомнение’, *grissage* ‘серый мудрый’, *taure* ‘крот’, а на страницах модных журналов на русском языке эти наименования цветов переводятся либо точно, либо с некоторой семантической потерей: *бледно-розовый*, *темно-серый* и *серо-коричневый* соответственно. Наблюдается «неточность» перевода в пользу принятых в русском языке названий [13; 14].

Поскольку в русском языке имеется развитая система цветообозначений, новые наименования цвета входят в язык не так быстро — в этом нет острой необходимости. Быстрее происходит адаптация слов, обозначающих конкретные предметы одежды или модные явления. Есть и слова, значение которых значительно расширяется при их освоении языком [11]. Так, например, *мастхэв* уже относится не только к обязательному предмету одежды в гардеробе, но и просто к любому предмету, иметь который в современных реалиях представляется необходимым: *«айфон — это уже мастхэв»*.

Таким образом, термины фэшн-индустрии переходят со страниц специализированных модных журналов в повседневную русскую речь, а затем возвращаются в СМИ, но уже в те издания, которые ориентируются на широкую публику: именно так специальные наименования из сферы моды закрепляются в повседневном дискурсе. Медиа речь сначала предлагает нам новые термины, которые осваиваются языком, а потом эти лексемы функционируют в языке медиадискурса уже как общеупотребительные, даже обыденные. Эти факторы влияют на частотность употребления в речи слов из дискурса моды, увеличивая и усиливая их распространение в языке либо, наоборот, выводя их из активного лексикона.

Список литературы

1. Аксенова Е. М. Явление билингвизма в российских СМИ (на материале журнала «Cosmopolitan») // Русский язык в молодежных СМИ России и СНГ : сб. ст. Науч. молодежного семинара, проводимого в рамках Основного конкурса РГНФ 2014 г., Москва, 21—22 мая 2014 г. М., 2014. С. 80—83.
2. Алюнина Ю. М. Семантико-прагматические функции англицизмов в русских и французских блогах о моде : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
3. Бабенко Н. Г., Остапенко А. А. Функционирование «фэшн-заимствований» в языке современной моды: аутфит / лук / имидж // Свое vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка. Калининград, 2019. С. 109—126.
4. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

5. Галандарова Г., Чмых И.Е. Сложности перевода и переводческие решения относительно терминологии каталогов одежды (на материале текстов английского журнала Vogue) // StudNet. 2020. №4. С. 437–441.

6. Грибер Ю.А., Парамей Г.В. Возрастные различия репертуара цветоименований у современных носителей русского языка // Международная конференция «Лингвистический форум 2020: Язык и искусственный интеллект». 12–14 ноября 2020 г. Институт языкознания РАН, Москва : тез. докл. М., 2020. С. 72–74.

7. Иванова М.В. Алфавитно-частотный указатель словоформ «Жития Стефана Пермского». Словарь. Депонированная рукопись №24353 от 03.03.1986.

8. Коньков В.И. Речевая организация журнала моды // Медиалингвистика. 2014. №2. С. 51–57.

9. Купина Н.И., Камышанченко Е.А., Калужная Е.В. Гендерные особенности цветоименования во французских модных журналах // Научный результат. Сер.: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. Т. 1, №2 (4). С. 30–35.

10. Подобед К.А. Тексты глянцевого журнала в свете теории речевых актов // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация : сб. науч. тр. к юбилею профессора Г.Г. Молчановой. М., 2015. С. 541–545.

11. Полякова Г.М. Фэшн-неологизмы как лингвокультурологические маркеры // Актуальные проблемы современного языкового образования в вузе. Вопросы теории языка и методики обучения : сб. матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., Коломна, 19–20 октября 2012 г. Коломна, 2012. С. 326–329.

12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб., 1893–1903.

13. Paramei G. V., Griber Y. A., Mylonas D. An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples // Color Research & Application. 2018. Vol. 43. P. 358–374.

14. Rakhilina E. Linguistic construal of colors: The case of Russian // Anthropology of color: Interdisciplinary multilevel modeling / ed. by R. E. MacLaurry, G. V. Paramei, D. Dedrick. Amsterdam ; Philadelphia, 2007. P. 363–377.

Источники

Instagram — <https://www.instagram.com> (дата обращения: 30.09.2021).

Mash — <https://mash.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

TikTok — <https://www.tiktok.com/ru-RU> (дата обращения: 30.09.2021).

ТАСС — <https://tass.ru> (дата обращения: 30.09.2021).

Радио Спутник — <https://radiosputnik.ria.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

Московский комсомолец — <https://www.mk.ru/> (дата обращения: 30.09.2021).

BFM — www.bfm.ru (дата обращения: 30.09.2021).

Об авторе

Анна Ангелина Олеговна Будник — асп., Литературный институт имени А.М. Горького, Россия.

E-mail: an.budnik@mail.ru

The author

Anna A.O. Budnik, PhD student, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Russia.

E-mail: an.budnik@mail.ru

**ОБРАЗЫ АВТОРА И ОТЕЧЕСТВА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. В. ГОГОЛЯ, Г. ГЕЙНЕ И Х. РИСАЛЯ**

Поступила в редакцию 20.01.2022 г.

Рецензия от 15.02.2022 г.

56

Типологические связи между поэмой в прозе Н. В. Гоголя «Мертвые души», поэмой (циклом в стихах) Г. Гейне «Германия: зимняя сказка» и романом Х. Рисаля «Не прикасайся ко мне» исследуются с целью выявить объединяющее их соотношение образов автора и его родной страны. В каждом из рассматриваемых произведений автор видит себя патриотом и поэтому чувствует себя обязанным критически характеризовать положение своей страны. Три автора в той или иной мере находят в себе нечто «чужое» – Гоголь патриот России и в то же время украинец. В более конфликтной форме это характеризует образ автора у филиппинца Рисаля из-за его китайских предков. Наиболее резким предстает данное противоречие у Гейне – уверенного патриота Германии, всю жизнь сталкивавшегося с антисемитизмом. Учитываются сходные обстоятельства написания произведений – все три созданы за границей отечества. Это определяет взгляд на родную страну со стороны и выбор нарративной формы повествования о путешествии, которое в тематическом плане описывает проблемы и беды отчизны, а в образном – становится путешествием по царству смерти. В итоге отмечена типологическая близость рассматриваемых произведений с сочинениями Сервантеса и Данте.

The article analyzes the typological connections between N. V. Gogol's prose poem "The Dead Souls", H. Heine's poem in verse "Germany: A Winter Tale" and J. Rizal's novel "Noli me tangere". The author studies how, in all three works, the image of the author and of his country are interconnected. Each author sees himself as a patriot, and that is why he feels obliged to criticize the situation of his country. Each one of them is to a certain degree seen as a stranger by origin. Obviously, this assumes a mild form in the case of Gogol, the Ukrainian, in Russia. It is stronger with Rizal, who is a Filipino and yet a man with Chinese ancestors. But it is Heine who reveals the strongest form of exclusion, antisemitism, who yet sees himself as a German patriot. The three works share the same feature, they were written while the authors were living abroad. Due to this, each of them viewed their countries from the outside. Through travel narration, which, to a high degree, is also the narration of a voyage through the kingdom of death, they describe the problems of their countries. All the above-mentioned factors help to establish the imagery connection to the works of Cervantes and Dante.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, Г. Гейне, Х. Рисаль, патриотизм, образ автора, образ страны

Keywords: N. V. Gogol, H. Heine, J. Rizal, patriotism, image of the author, image of a country

Введение.

Исторические и теоретические предпосылки исследования

Типологические связи между поэмой в прозе «Мертвые души» Н. В. Гоголя (1842), поэмой в стихах «Германия: зимняя сказка» Г. Гейне (1844) и романом «Не прикасайся ко мне» Х. Рисаля (1887) до сих пор не отмечались и рассматривались¹. Нам также неизвестны компаративные сближения между произведениями русского писателя и его немецкого современника. В филиппинском литературоведении находятся упоминания о связи между Рисалем и немецкой литературой, в частности Гейне [23, р. 96]. Отметим, что Рисаль в романе «Не прикасайся ко мне» намекает на Гейне [27, р. 29] и дает ясные основания для подобных сопоставлений. Наконец, нам уже приходилось писать о нарушении границ сферы мертвых у Гоголя и Рисаля, который знал в общих чертах о Гоголе и выписал его издание в немецком переводе, находясь в ссылке после 1892 года [21, р. 42; 24, р. 31].

Гоголь и Гейне были современниками, включение в настоящий ряд Рисаля, писавшего более чем на 40 лет позже них, обусловлено тем, что подъяем национального самосознания филиппинцев происходит примерно на 50 лет позднее, чем возникновение европейских национализмов, так или иначе связанных с Наполеоновскими войнами [29, р. 19–21]. Все три автора еще в юные годы отказались от своей родовой фамилии или имени (как в случае Гейне), что у каждого из них было связано с вопросом национальной идентичности. И во всех случаях автор пишет за границей, причем подчеркивает это. Данные параллели и множество других свидетельствуют о том, что художественные задачи, стоявшие перед авторами трех произведений, схожи между собой. А сравнительный анализ покажет, что и способы решения этих задач совпадают.

В первую очередь, на наш взгляд, данные произведения связывает то, что писатели стремились создать одновременно образ отечества и образ автора как его «сына». Дж. Н. Шумахер вслед за Б. Андерсоном вводит понятие «воображаемой общины» («imagined community»). Это совокупность людей, которые, хотя (как правило) между собой не знакомы, чувствуют себя связанными общими воспоминаниями, языком и т. д. [29, р. 2–3]. Ю. М. Лотман же на примере А. С. Пушкина обращает внимание на двойственность литературного образа автора и показывает, какими способами Пушкин (в его случае — с опорой на поэтику романтизма) находит единство того, кем он видит себя и кем его должны видеть другие [6, с. 57–58, 65, 188].

Для изучаемых здесь произведений, созданных во время возникнове-

¹ Все переводы в настоящем исследовании принадлежат автору статьи. В случае Г. Гейне текст сверен с переводом Льва Пеньковского [3].

ния как национализма, так и либерального индивидуализма, характерно то, что создание образа отечества и образа автора как его сына, тесно связаны между собой. Актуальность настоящего исследования определяется тем, что образ отечества, выступающего главной темой произведений, и образ автора, для которого важно быть «сыном отечества», рассматриваются как указывающие друг на друга.

Основная часть

Н. В. Гоголь восклицает в финале первого тома поэмы «Мертвые души» (предысторию Чичикова и последние абзацы первого тома можно назвать его эпилогом):

58

Какие звуки болезненно лобзают, и стремятся в душу, и выются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?... <...> И грозно объемлет меня могучее пространство, страшную силою отразясь во глубине моей [4, с. 221].

Здесь в лирическом сюжете поэмы [15, с. 212, 215] подчеркивается величие отечества, а вместе с ним и значительность миссии автора. Ведь неслучайно Русь при всем своем величии «обратила на [него] полные ожидания очи», и немалой должна быть «глубина» автора, чтобы даже «могучее пространство» Руси отражалось в ней.

Разумеется, пафос этих высказываний несколько раз приглушается автором. Например, цитированные выше восклицания прерываются криком вознице:

...у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..
— Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану [4, с. 221].

Пафос релятивизируется комизмом. Рассказав предысторию Чичикова, повествователь спрашивает: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа» [4, с. 249]. В этом вопросе содержится идея диалога или связи между автором и его отечеством. Однако эта связь остается односторонней. Может быть, автор все-таки слишком ничтожен для того, чтобы ему ответила могучая Русь. Или, может быть, Русь сама не знает, в чем нуждается. В предисловии ко второму изданию автор признается, что «многое описано неверно» [4, с. 256], и просит читателя сообщить ему о неточностях, тем самым констатируя, что недостаточно знает «русского человека» [4, с. 256—258].

Соответственно, именно в описании Руси и «русского человека» Гоголь видит свою задачу. И даже если, согласно Андрею Белому, «доказано, что Гоголь в эпоху писания «МД» («Мертвых душ». — Ш. Л.) не знал русского провинциального города; не знал и русской деревни» [2, с. 83], и если характеры сельских жителей Украины, а также жителей Санкт-Петербурга в творчестве Гоголя намного богаче, нежели описание помещиков и тем более мужиков в «Мертвых душах», не этим определяется воплощение гоголевского замысла. Главный вопрос не в

том, какими данными располагал Гоголь в определенный момент. Свою основную задачу он видит в том, чтобы описать Русь не в деталях, а в общем и целом. Поэтому он отмечает в одном из писем в марте 1842 году, что ему желательно писать за границей: «Только там она (Русь. — Ш.Л.) предстоит мне *вся*, во всей своей громаде» (курсив Н. В. Гоголя; цит. по: [8, с. 236]).

В самой поэме автор восклицает: «Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу» [4, с. 220]. Таким образом, создание поэмы в основном за границей, в частности в Италии, — не случайный биографический факт, он относится напрямую к образу автора, каким его создает Гоголь — как в письмах, до публикации, так и в самой поэме. Это автор, который призван описать Русь «со стороны», чтобы высказать, какова она в общем и целом. И в этом смысле отсутствие деталей как раз создает общерусский масштаб поэмы [8, с. 244].

В этом смысле и украинское происхождение Гоголя, и его интерес к этому, и первоначальное именование по фамилии Гоголь-Яновский [9, с. 7—9] — все входит в образ автора. На фоне богатых деталями повестей об украинской сельской жизни, которыми Гоголь к тому времени уже знаменит, бросается в глаза, насколько Русь для него является вызовом и задачей, которая в нем отзывается. На это указывает и отказ от явственно польской или украинской фамилии «Яновский». Но задача постижения Руси ведет Гоголя не к прорисовке многообразия русской жизни, как, например, у И. С. Тургенева, а к созданию ее единого образа как общего и целого.

В свете этой задачи Гоголь видит себя связанным с Сервантесом. Согласно мнению А. С. Пушкина, сюжет «Мертвых душ» позволяет Гоголю охватить жизнь всей России, как Сервантесу в «Дон Кихоте» — жизнь Испании своего времени [9, с. 200]. Именно возможность на бричке «изъездить вместе с героем всю Россию» [9, с. 201] обращает внимание автора на плохие дороги. Так, уже в самом начале мужик утверждает, что, судя по колесу, бричка может доехать до Москвы, но не до Казани [4, с. 5]. По пути от Манилова к Коробочке «лежавшая на дороге пыль быстро замесилась в грязь, и лошадям ежеминутно становилось тяжелее тащить бричку» [4, с. 40]. Убегая от Ноздрева, Чичиков со своими слугами едва не попадает в аварию с другим экипажем, настолько дорога узка [4, с. 88—89]. Когда Чичиков хочет убежать из города, срочно нужно починить колесо, потому что, по словам Селифана, «теперь дорога ухабиста, шибень такой везде пошел...» [4, с. 216]. Следовательно, сюжет поездки на бричке по дальним и часто плохим дорогам указывает в восприятии Гоголя как на «разбросанность» Руси, на громадность просторов, из-за которой человек «не находит себе места» [10, с. 523], так и на неустроенность русской жизни: «бедно, разбросанно и неприятно» на Руси [4, с. 220]. Таким образом, хотя поэма и не является травелогом, Гоголь пользуется читательскими ожиданиями: литературное путешествие остается формой выражения впечатлений от страны или территории, по которой пролегают его пути [12, с. 194—195].

Русь, описанная в поэме Гоголя, — страна «мертвых душ», в которой царят и социальная несправедливость, связанная с крепостным правом [9, с. 205], и дисфункциональность государства, в котором важна

не жизнь человека, а его статус в документах [21, с. 49], что открывает широкое поле для коррупции [4, с. 143], и безнравственность (то есть душевная и духовная смерть), из-за которой, например, помещики совсем не стараются помочь мужикам, умирающим во время эпидемий [4, с. 32, 121; 21, р. 48].

Предложенный Гоголю А. С. Пушкиным сюжет с покупкой «мертвых душ» придает критике особую остроту, так как показан неприличным, жуткий способ вторжения живых в сферу мертвых: Чичиков, как считал П. А. Вяземский, представлен как предводитель «шляски смерти» [8, с. 425], особенно когда он собирается «вести» мертвецов в Херсонскую губернию [4, с. 147]. Конечно, абсурдность идеи покупать «мертвые души» подчеркивает, насколько противоестественно вообще продавать и покупать людей [21, р. 49]. В связи с этим цензура заставила издательство смягчить заглавие поэмы, переделав его на «Похождения Чичикова, или Мертвые души» [13, с. 310; 21, р. 49] — название, у которого, однако, есть то преимущество, что им подчеркивается значимость наррации о путешествии в поэме [14, с. 259–260].

В связи с поездкой по царству «мертвых душ» возникает также связь между фигурой автора поэмы и образом Данте. Неслучайно этот образ Гоголь упоминает в момент нравственной низости героя: когда Чичиков в управе с помощью взяток приступает к регистрации сделок о мертвых душах, его и Манилова проводит к председателю чиновник, который «прислужился нашим приятелям, как некогда Вергилий прислужился Данту» [4, с. 143]. Именно так же, как Данте, с творчеством которого Гоголь познакомился через А. С. Пушкина в конце 1820-х годов [11, с. 104], описывает Италию своего времени в ее совокупности, Гоголь в своей поэме обращается к целостному образу Руси своего времени [8, с. 485; 1, с. 13–15; 21, р. 47]. На фоне «Божественной комедии» становится логичным и высказывание из предисловия ко второму изданию «Мертвых душ»:

Взят он (Чичиков. — *Ш.Л.*) больше затем, чтобы показать недостатки и пороки русского человека, а не его достоинства и добродетели, и все люди, которые окружают его, взяты также затем, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшие люди и характеры будут в других частях [4, с. 256].

Тем самым Гоголь показывает, что перед читателем лежит том наподобие Дантова «Ада», вслед за которым писатель намерен выпустить части поэмы, напоминающие «Чистилище» и «Рай».

Важно в этом предложении еще и местоимение «наши». Оно дополнительно подчеркивает, что взгляд Гоголя на Русь со стороны, из-за границы, и его украинский фон не означают, что русский человек для него чужой. Наоборот, Гоголь хочет совершить великий подвиг для Руси как своего отечества [9, с. 167–168], подвиг писателя, который может сказать важное слово для того, чтобы быстрая езда Руси, символизируемой тройкой, не была бессмысленной [4, с. 248–249]. Но ему удается совершить только первую часть своего подвига, то есть описать царствование смерти в настоящем времени. Куда же Русь «несется» — на этот вопрос он не

получает ответа ни сейчас [4, с. 249], ни, учитывая, что автор не опубликовал и даже частично сжег вторую часть поэмы, в дальнейшем [5, с. 251; 7, с. 321; 16, р. 83—84].

Итак, в поэме «Мертвые души» образ автора и образ его отечества тесно связаны. Автор является этническим украинцем. Он подчеркивает, что пишет поэму в основном за границей. Соответственно, он видит в себе русского патриота, подвиг которого заключается в описании Руси со стороны, в общем и целом. Следуя традиции Сервантеса и Данте, он делает это с помощью наррации о путешествии, которое во многом становится поездкой по царству смерти. Благодаря этому Гоголю удается описать «ад» неустроенности Руси, беды крестьян, ставших объектами торговли при крепостном праве, и коррупции. Продолжением же данного подвига должно стать описание других аспектов русской жизни по образцу «Чистилища» и «Рая» Данте. Однако Гоголю не удастся его совершить.

Г. Гейне в поэме «Германия: зимняя сказка» так же, как и Гоголь, тесно связывает образ автора с образом родной страны. Это показывает в первую очередь предисловие. В нем Гейне характеризует себя как горячего патриота. По его мнению, Германия должна стать оплотом свободы и окончательного преодоления рабства, тогда «весь мир станет германским». Гейне заканчивает эти рассуждения словами: «Это мой патриотизм» (*Das ist mein Patriotismus*) [20, S. 119]. Он заявляет, что Рейн, на берегах которого поэт родился, «принадлежит» ему [20, S. 118]. В общем, «я» и отечество связаны у него не менее сильно, чем у Гоголя. Это обнаруживается уже в самом начале поэмы:

Im traurigen Monat November war's,
Die Tage wurden trüber,
Der Wind riß von den Bäumen das Laub,
Da reist' ich nach Deutschland hinüber [20, S. 121].

В грустный месяц ноябрь это было,
Дни становились мрачнее,
Ветер отрывал от деревьев листья,
А я перебрался в Германию.

В сочетании слов «я... в Германию» страна и автор максимально сближаются, причем в знаковом месте произведения — в зачине первой главы.

Однако патриотизм сразу же преломляется в сознании героя. Уже в предисловии Гейне не соглашается с общепринятой формой национализма, в которой видит «праздную или рабскую игру» (*eine müßige oder knechtische Spielerei*) [20, S. 117]. А на страницах самой поэмы он иронизирует над преувеличенным патриотизмом.

В ее первых строфах звучит самоирония:

Und als ich an die Grenze kam,
Da fühlt' ich ein stärkeres Klopfen
In meiner Brust, ich glaube sogar
Die Augen begannen zu tropfen.
Und als ich die deutsche Sprache vernahm,

Da ward mir seltsam zu Muthe;
Ich meinte nicht anders, als ob das Herz
Recht angenehm verblute [20, S. 121].

Как доехал я до границы,
Почувствовал, как усиливается стук
В груди моей, и могу поверить,
Что из очей скатились капли.
И когда услышал немецкую речь,
Стало дивно на душе;
Показалось: не иначе как сердце
Весьма приятно истекло кровью.

Волнение героя передается в шуточном ключе: «скатились капли», сердце истекает кровью «весьма приятно» — иронические отсылки к сентиментализму. Выбранный тон поддерживается и далее:

Jedwedem fühlenden Herzen bleibt
Das Vaterland ewig theuer —
Ich liebe auch recht braun geschmort
Die Bücklinge und Eier [20, S. 149].

Всякому чувствующему сердцу остается
Вечно дорогой отчизна —
Люблю также до темной корочки
Закопченную селедку с яйцом.

Любовь к отчизне ставится в один ряд с любовью к вкусной еде. Отметим, что слово *Bückling* означает не только сельдь, но и поклон перед начальством (от слова *Buckel* 'горб').

Гейне критикует тех, кто «с пивом в голосе» ненавидит его за презрение к цветам флага немецких патриотов — черному, красному и золотому. При этом он подчеркивает, что стоит только связать эти цвета с умом и мыслью, и он их полюбит [20, S. 117]. Помимо того, в предисловии, предварительно выразив готовность вступить в дискуссию с противниками, он говорит:

Meine ganze schweigende Verachtung widme ich hingegen dem gesinnungslosen Wichte, der... meinen guten Leumund in der öffentlichen Meinung herabzuwürdigen sucht, und dabei die Maske des Patriotismus, wo nicht gar die der Religion und der Moral, benutzt [20, S. 119].

Напротив, все свое молчаливое презрение адресую беспринципному негодяю, который... попытается испортить мою добрую репутацию в глазах общественности, прикрываясь маской патриотизма, а то и религии или морали.

Говоря о религии, Гейне делает аллюзию на антисемитизм своих противников [17, S. 87; 19, S. 7–9]. Он и в самой поэме вспоминает места, где носил «молодежный крест (*Jugendkreuz*) и «терновые венцы» (*Dornenkronen*) [20, S. 197], то есть те места, где ему приходилось терпеть

антисемитские издевательства. Когда же лирический герой по дороге видит распятие, он называет Иисуса «мой бедный кузен» (*mein armer Vetter*) [20, S. 159]. Здесь в образе автора обнаруживается компонент, который мы ранее отметили у Гоголя: отечество для него не просто данность, но и задача, так как происхождение не позволяет ему быть среди соотечественников полностью своим. Однако вопрос здесь стоит намного острее, чем у Гоголя, и он связан не с самовосприятием автора, а с антисемитизмом окружающих. Ведь даже смена имени с непривычного для немцев *Harry* на привычное *Heinrich*, которая была связана с крещением, указывает на неосуществившееся желание Гейне быть принятым в немецком обществе [19, S. 187].

Поэт дает отповедь националистам, обвиняющим его в отсутствии патриотизма на основании его жизни за границей. Гейне отвечает, что находится в изгнании (*Exil*) именно за свою любовь к отечеству [20, S. 117], то есть за свой патриотизм, который, как мы уже видели, связан с демократизмом и, соответственно, не устраивает адептов абсолютизма. Но изгнание для Гейне — не только беда. Лишь за границей он может по-настоящему заниматься писательским трудом: «свободный воздух» Франции способствует творческому духу и смелости [20, S. 115; 22, S. 7–8].

Итак, в поэме создается образ автора, который, несмотря на дискриминацию по причине еврейского происхождения, является патриотом Германии. Но истинный патриотизм для него связан с демократизмом, с любовью к прогрессу и просвещению, поэтому сочетается с критикой своей страны, положение которой не соответствует данным идеалам. В итоге верность критическому патриотизму приносит автору страдания.

Создавая свой образ Германии, Гейне выбирает форму рассказа о путешествии в карете. Это не первый случай, когда сюжет путешествия становился для него способом выразить свои впечатления и взгляды [17, S. 20; 26, S. 5]. В этом смысле закономерно, что в предисловии автор связывает себя с Сервантесом [20, S. 116], который, как говорят Г. Ф. Заиде и С. М. Заиде в своей книге о Рисале, создал образ Испании своего времени с помощью нарратива о странствиях Дон Кихота [30, p. 104].

В поэме много раз подчеркивается плохое состояние дорог и грязь [20, S. 146, 153, 156, 161, 166]. Эта деталь так же указывает у Гейне на неустроенность жизни в Германии, как и у Гоголя — на российскую неустроенность. Только в поэме Гейне это не связано с огромностью территории. Наоборот, говоря о поездке из Миндена в Ганновер, лирический герой восклицает:

O, Danton, du hast dich sehr geirrt
 Und musstest den Irrthum büßen!
 Mitnehmen kann man das Vaterland
 An den Sohlen, an den Füßen.
 Das halbe Fürstentum Bückeburg
 Blieb mir an den Stiefeln kleben;
 So lehmige Wege hab' ich wohl
 Noch nie gesehen im Leben [20, S. 179].

О, Дантон, ты сильно ошибся
И поплатился за свою ошибку.
Все же можно брать с собою отчизну
На подошвах, на ногах.
Полкняжества Бюккебурга
Прилипло к моим сапогам;
Таких глиняных дорог, пожалуй,
Я ни разу не видел в жизни.

С помощью аллюзии на французского революционера Дантона, со словами «Нельзя унести родину на подошвах своих сапог» отказавшегося покинуть Францию и впоследствии казненного [17, S. 40], Гейне подчеркивает не только грязь, но и раздробленность Германии на мелкие государства. Например, княжество Шаумбург-Липпе, чьей столицей является городок Бюккебург, настолько мелко, что на подошвы обуви может налипнуть половина его территории.

О праздности мечтаний немцев свидетельствует упоминание революции 1831 года, когда жители Мюльгейма безрезультатно пытались избавиться от власти знати [20, S. 146–147]. Этим мечтаниям Гейне противопоставляет свой «революционный патриотизм» [26, S. 11], выражающийся в стремлении «разрушить рабство вплоть до его последнего убежища, неба» (*die Dienstbarkeit bis in ihrem letzten Schlupfwinkel, dem Himmel, [zu] zerstören*) [20, S. 118].

Путешествие становится поводом к разговору о бедах Германии и высказыванию революционного духа. Прусские пограничники обыскивают героя, один же из его попутчиков хвалит таможенный союз под руководством Пруссии как основу материального единства Германии, а цензуру — как основу «единства ума и мышления» [20, S. 125]. Прусскому авторитаризму герой противопоставляет свободу мысли: напрасно пограничники ищут в его багаже книги, так как прочитанное он хранит не физически, а в своем уме, и этот груз они не смогут найти. Видя «гадкую птицу» (прусского орла), герой выражает намерение вырвать ей перья и отрубить когти [17, S. 51; 20, S. 128].

Поездка героя Гейне по Германии обладает многими чертами, сближающими ее с путешествием по царству смерти. Этот смысл содержится уже в подзаголовке поэмы — «зимняя сказка» и в ее первых стихах — в мотиве осеннего падения листьев и указании календарного времени — «печальный месяц ноябрь» [20, S. 121], так как в католической традиции, не чуждой и лютеранам, в ноябре поминают усопших.

Примечателен эпизод, связанный с Кёльнским собором, который герой воспринимает как символ реакционного клерикализма, «Бастилию духа» [20, S. 131]. Путешественнику снится, что он вместе с неким сопутствующим призраком (своим гением, «палачом», «действием мысли» [20, S. 140]) ночью приходит в собор и видит, что мощи новозаветных волхвов (или, как говорят в Германии, «трех царей»), почитаемые в Кёльнском соборе, ожили и сидят на собственных саркофагах. Герой приказывает своему гению (вооруженному топором) убить эти «скелеты», чтобы уничтожить прошлое, прекратить царствование мертвых и монархическое правление и начать новую жизнь [20, S. 144–145]. В дан-

ной сцене преодолеваются формы благочестия, на которых до Лютера повсеместно держалась — и сейчас еще держится среди католиков — власть духовенства над умами.

Мотивы сна и смерти сочетаются еще в одном важном эпизоде, служащем внутреннему разрыву героя с мечтаниями об императоре Фридрихе как о ждущем в Кифхойзере спасителе. Герой вспоминает песни своей няни о спасении обиженной девушки и спасении обиженной Германии [20, S. 161—165], затем засыпает в карете и в сновидении попадает внутрь мифической горы, где в пещерах укрылся Фридрих Барбаросса (1122—1190). Он долго рассказывает императору, что произошло за последнее столетие в мире живых. Среди прочего упоминает, что Людовика XVI, королеву Марию Антуанетту и любовницу Людовика XV «гильотинировали». Барбаросса не понимает последнего слова, и герой объясняет ему:

Das Guillotiniere — erklärte ich ihm —
Ist eine neue Methode,
Womit man die Leute jeglichen Stands
Vom Leben bringt zum Tode [20, S. 171].

Гильотинирование — я ему объяснил —
Это новый метод,
Которым людей любого сословья
Отправляют на тот свет.

Гильотина, подчеркивает собеседник императора, «людей любого сословья» делает равными. Затем герой объясняет работу жуткой машины: казнимого привязывают к доске и катят под треугольный топор, который затем быстро падает.

Bei dieser Gelegenheit fällt dein Kopf
In einen Sack hinunter [20, S. 172].
При этом случае падает твоя голова
Вниз, в один мешок.

Пораженный и возмущенный, император восклицает:

Der König und die Königin!
Geschnallt! An einem Brette!
Das ist ja gegen allen Respekt
Und alle Etikette! [20, S. 172].

Король и королева!
Привязаны! К доске!
Это ж против всякого уважения
И всякого этикета!

Барбаросса оскорблен тем, что герой обращается к нему на «ты» и обвиняет собеседника в «государственной измене» и «преступлении

против величества», на что тот отвечает «господину Красной бороде», что можно будет освободить Германию и без него, и даже вообще без императора [20, S. 172–173].

Таким образом, экскурсии в царство смерти мотивируются в поэме Гейне сном. В отличие от ситуаций пересечения экзистенциальных границ Чичиковым, они не столько диагностируют болезни общества, сколько служат терапией, способствуя преодолению власти духовенства; установлению равенства между сословиями (хотя бы перед гильотиной); преодолению монархизма, о котором говорит как «убийство» «трех царей», так и казнь короля и королевы Франции; наконец, разрыву с мифическим императором-спасителем.

На фоне этих визитов в царство смерти, а также в связи с политическим изгнанием неудивительно появление в поэме образа Данте [22, S. 13–14]. Герой тоже путешествует по «аду», то есть в данном случае по Германии как царству мертвенного застоя. В самом деле, когда «*Hammonia*», богиня Гамбурга, предлагает герою следовать за ней, как Данте — за Беатриче (правда, по раю), герой выражает готовность идти за ней хоть во ад [20, S. 194]. С «Адом» «Божественной комедии» связывает поэму Гейне и то, что автор намеревается написать ее продолжение [20, S. 119]. Напоминает о поэме Данте и обмен информацией с мертвыми, в частности беседа с Барбароссой [17, S. 65].

Явно же Гейне упоминает великого Алигьери в финале поэмы, предупреждая монарха (любого, но, в частности, короля Пруссии), чтобы он не только чтит усопших поэтов, но и не обижал живых. Ведь если боги наказывают людей адом, поэты могут наказать намного хуже. От ада бывает избавление, что же касается поэтов...

Kennst du die Hölle des Dante nicht,
Die schrecklichen Terzetten?
Wen da der Dichter hineingesperrt,
Den kann kein Gott mehr retten [20, S. 210–211].

Иль не знаешь ты ада Данте,
Суровых терцин?
Кого там заключил поэт,
Никакой бог спасти не способен.

...От осуждения и осмеяния, прозвучавших в стихах, никакого избавления быть не может.

Итак, в поэме «Германия: зимняя сказка» Гейне создает образ автора как человека, сознающего, что многие видят в нем чужака. Автор изменил имя, чтобы оно звучало более привычно. Так же, как Гоголь свои «Мертвые души», Гейне написал поэму в основном за границей и придавал значение этому факту. И все же (или именно поэтому) поэт выражает патриотическую позицию.

Конечно, борьба Гейне с антисемитизмом и его изгнание — беды намного более серьезные, нежели опыт Гоголя как украинца в России и его европейские впечатления. Неслучайно патриотизм Гейне носит более определенный характер, нежели патриотизм Гоголя, — это стремление создать свободную, демократическую и прогрессивную Германию.

Образ Германии Гейне создает прежде всего с помощью наррации о путешествии, во время которого герой сталкивается с грязью, раздробленностью Германии на мелкие княжества, а также с прусским авторитаризмом. Показывая свою страну через призму литературного путешествия, Гейне так же, как и Гоголь, ощущает свою связь с традицией Сервантеса, а осмысление поездки по городам Германии как путешествия за грань смерти связывает изгнанника Гейне с изгнанником Данте.

Образ автора как чужого среди своих возникает и в романе Хосе Рисаля «Не прикасайся ко мне» (*Noli me tangere*). Рисаль еще в гимназические годы перешел от употребления привычной фамилии *Mercado* к менее привычной *Rizal*. Последняя была присвоена его семье в 1848 году, когда колониальное правительство во время переписи населения провело реформу фамилий. Родственники писателя первое время не употребляли фамилию Рисаль. Только когда его старший брат прославился под именем *Paciano Mercado* как опасный диссидент, будущий писатель при поступлении в гимназию принял имя *José Rizal* [25, p. 33–35]. Но в этом выборе есть и символическое значение: фамилия *Mercado* (исп. ‘рынок’) указывает на то, что предки ее носителя были китайскими купцами. Фамилия же *Rizal* (исп. ‘росток риса’) связывает молодого писателя с землей, что было ближе к правде, так как его ближайшие предки занимались уже не торговлей, а земледелием [29, p. 17–18]. Смена фамилии указывает на то, что Рисаль — представитель этнического меньшинства и одновременно — образованного, среднего класса так называемых *ilustrados* [29, p. 17], которые подчеркивают свою связь с землей, но которым трудно определиться, стремятся они к независимости Филиппин или к равным правам филиппинцев в рамках испанского государства. Неслучайно Рисаль писал на испанском языке узкого элитарного круга [25, p. 2].

«Отечество» для Рисаля является задачей и вызовом, на что указывает посвящение романа «Моему отечеству» (*A mi patria*) [27, p. 21], в котором тесно связаны образ страны и образ автора. Автор, бывший врачом по профессии [25, p. 2], также сравнивает страну с пациентом и вспоминает античный обычай класть больных на ступени храма, чтобы проходящие высказали свое мнение о том, как их лечить [27, p. 21]. Патриотизм Рисаля (по крайней мере, на тот момент) заключался не в указании исторического пути для Филиппин, а скорее в том, чтобы описать положение страны и побудить как можно больше людей к мыслям о ней, о способе преодоления ее бед.

Как и в случаях Гоголя и Гейне, образ автора-патриота рисуется в разлуке с родиной. Главный герой, Кризостомо Ибарра, размышляет над словами пожилого священника, казненного несколько лет назад (намек на казнь трех священников, близких друзей Пасиано Меркадо, обвиненных в поддержке бунта в 1872 году), который советовал ему поехать в Европу, чтобы там поискать «золото» наук. Кризостомо подчеркивает одновременно свою любовь к отечеству и высокое значение образования и цивилизации, которые можно найти в Европе [18, p. 1, 17; 27, p. 92–93]. Под текстом романа автор поставил дату и место его завершения: «Berlín, 21 de febrero de 1887, 11 ½ noche. Lunes» [27, p. 582]. Примерно так же, как и в случае Гейне, писателю не заказано находиться в родной стране, но

он уже догадывается, что публикацию его романа там запретят [25, р. 4]. Пребывая за границей (по причине учебы), Рисаль «дышит свободным воздухом» (как можно сказать словами Гейне) и убеждается, что в обществе может быть намного больше свободы, чем до сих пор наблюдалось на Филиппинах. Он также осознает, что ради свободы и прогресса родной страны нужно трудиться на самих островах [29, р. 22]; но в то время на всякого деятеля, связанного с Европой, пусть даже с консервативной Испанией, на Филиппинах смотрели как на революционера [27, р. 57].

Соответственно, возникает образ автора, чей «ищущий» патриотизм связан с ценностями образования и прогресса, ради которых он находится за границей, понимая, какие беды на родине сулят ему подобные убеждения.

68

Важным компонентом образа отечества и в этом случае является его критическая обрисовка средствами рассказа о путешествии, — сначала о возвращении Кризостомо из Европы, где он учился семь лет [27, р. 40, 52–53], затем — о его путях по родной стране. Герой сначала бродит по Маниле [27, р. 52–59], затем отправляется в провинцию [27, р. 118], едет на рыбалку с группой молодых людей и девушек [27, р. 202–203]; позже его забирают из дома в отдел полиции [27, р. 499–501], затем — из деревни в места заключения [27, р. 524–525], откуда он бежит при драматических обстоятельствах, пересекая озеро [27, р. 553–560].

Героическая, но напрасная попытка «рыцаря» Кризостомо бороться за лучшую долю для своей страны [28, р. 17; 30, р. 104] позволяет говорить о близости романа Рисаля к традиции Сервантеса. В связи с этим отметим, что еще в 1880 году Рисаль написал статью, в которой аллегорический суд богов объявляет Сервантеса величайшим из писателей именно потому, что он лучше других показал реальность своей родины [23, р. 89–90].

Так же, как в поэмах Гоголя и Гейне, путешествие заставляет пассажира кареты познать все тяготы разбитых дорог. Например, описывается мост в пригороде Манилы, который непригоден для транспорта ни в сухую погоду, ни в сезон дождей, а во время жары лошади прыгают с него в реку [27, р. 24]. В момент приезда Кризостомо в деревню его карета покрыта пылью, а лошади — потом [27, р. 118], и может ли быть иначе, если заботу о дорогах и мостах здесь предоставляют «Богу или Природе» [27, р. 24].

Наряду с мотивом дороги важную роль в романе играет и мотив смерти. О ней напоминает уже заглавие романа — так же, как у Гоголя (явно) и у Гейне (косвенно), ведь «Не прикасайся ко мне» — цитата из Евангелия от Иоанна (20:17), слова, сказанные восставшим из гроба Иисусом Марии Магдалине [21, р. 50]. В предыстории Кризостомо сообщается, что его прадедущка повесился в лесу и затем в виде привидения пугал местных жителей, из которых один даже умер от лихорадки, вызванной страхом [27, р. 104–105]. Как и в «Германии» Гейне, действие привязано к ноябрю; на католическом фоне романа актуализируется значение ноября как месяца молитв об усопших. С этой традицией здесь связано обсуждение веры в чистилище. Набожные жители деревни Сан Диего рассуждают о способах вызволять оттуда души [27, р. 155–158], со своей стороны затрагивает тему чистилища и «Философ Таσιο» — част-

ный ученый, взгляды которого во многом совпадают со мнением Рисаля [27, р. 127–133], но Тасио не поддерживает народные суеверия, а, напротив, всматриваясь в них, эмансипируется от власти невежества.

Речь о Данте в романе Рисаля заходит в юмористическом тоне. Герой, говоря о вместилище для пойманных рыб, замечает, что, «если бы несчастные рыбы умели читать», на нем стоило бы написать: “*Lasciate ogni speranza voi ch’entrate*”» [27, р. 211] — то есть «Оставь надежду всяк сюда входящий». Но эта шутка может быть понята и как сигнал о том, что роман — в определенном смысле путешествие по аду. С «Божественной комедией» роман Рисаля связывает и наличие продолжения: приключения Кризостомо под именем Симун описаны в романе «Флибустьеры (*El filibusterismo*, 1891) [25, р. 25–26].

С царством смерти связано и пространство кладбища. Например, поведствователь предлагает читателю «навестить» погост села Сан Диего, где один гробовщик рассказывает другому, что недавно выкопал тело человека, похороненного всего за три недели до того, что это было весьма отвратительно, и гроб был тяжелый, поэтому он не стал нести покойника на кладбище китайцев (то есть нехристиан), а бросил его в озеро [27, р. 112–115]. Вскоре Кризостомо узнает, что это было тело его покойного отца, выкопанное по приказу священника [27, р. 120–121]. Официально отец Дамазо приказал перенести прах из-за того, что, по его мнению, дон Рафаэль Ибарра был «еретиком» и никогда не исповедовался, а попав в тюрьму, якобы покончил с собой [27, р. 35–36]. Но сам же священник позже заявляет в присутствии Кризостомо, что дон Рафаэль попал в тюрьму и умер там в наказание за то, что отправил сына учиться в Европу. Глубинную же причину своей вражды к дону Рафаэлю священник объявляет в беседе с Марией Кларой, возлюбленной Кризостомо:

¿Cómo podía permitirte yo que te casases con un filipino, para verte esposa infeliz y madre desgraciada? Yo no podía quitar de tu cabeza tu amor, y me opuse con todas mis fuerzas, abusé de todo, por ti, solamente por ti [27, р. 563].

Как я мог допустить, чтобы ты вышла замуж за филиппинца, чтобы видеть тебя несчастной супругой и обездоленной матерью? Не мог я вытащить твою любовь из твоей головы, и я противостоял всеми силами, злоупотреблял всем ради тебя, только ради тебя.

Оказывается, он, связанный обетом целомудрия, монашествовавший, является биологическим отцом Марии Клары, так как заставил ее мать (умершую при родах) вступить с ним в запретную связь [27, р. 75, 563–565].

В контексте совершенного по распоряжению отца Дамазо перезахоронения останков дона Рафаэля стоит вспомнить о китайских корнях Рисаля. В этой истории дон Рафаэль не только дискредитируется как плохой христианин и грешник, но и косвенно объявляется инородцем. Конечно, строго говоря, здесь речь идет не об этническом кладбище, а о месте, где хоронили некрещеных китайцев; тем не менее традиционным остается выражение «*cementerio de los chinos*» [27, р. 115, 120]. Тем самым подчеркивается, что китаец — чужой. Кстати, Кризостомо чужой еще и потому, что для филиппинца-гробовщика он «испанец» [27, р. 120].

А европейскость одежды и поведения были присущи самому Рисалю [25, р. 2–3], о западных взглядах которого на образование и цивилизацию уже шла речь.

Таким образом, весьма жуткое путешествие по царству смерти и в этот раз указывает на нестроение жизни в родной стране писателя — царящие на Филиппинах враждебность к образованию и современным наукам, религиозную нетолерантность, расизм и, за всем этим, всемогущество и произвол монашествующих наряду с их испорченностью.

Однако мотивика смерти здесь не только ставит вопросы, но и дает потенциальные ответы на них. Траур по усопшему отцу, а также знание об осквернении его памяти монахом Дамазо вызывает в Кризостомо не отчаяние и тем более не ненависть, а желание изменить жизнь своей страны, в частности, заботясь об образовании [27, р. 163]. Правда, его планы не осуществляются. Зато, когда отец Дамазо хвастается своим поступком, Кризостомо наказывает его кулаками [27, р. 333]. Контакт с тематикой смерти в романе Рисаля, как и в поэме Гейне, рождает бунтарский дух.

Итак, Хосе Рисаль создает образ автора, который так же, как и Гейне (и, в более мягкой форме, Гоголь), ощущает, что чем-то отличается от соотечественников. Он меняет фамилию *Mercado* на *Rizal*, чтобы не ассоциироваться с братом, одиозным революционером. Это символически разрывает его родовую связь с китайскими купцами и подчеркивает родство с земледельцами. Патриотизм является для Рисаля скорее задачей, нежели данностью. Подвиг, к которому он идет, заключается в том, чтобы сделать зримым болезненное положение своей страны, тем самым способствуя дискуссии о ее исцелении.

Образ автора дополняется апелляцией к традиции Сервантеса, а так как путешествие героя может быть прочитано как хождение в мир смерти, возникает и образ Данте. А вместе с ним — мотив изгнания. Хотя сам Рисаль в изгнании не находится, но предчувствует те несчастья, которые суждены ему на родине.

Образу автора отчасти чужого происхождения и писавшего за границей, для которого патриотизм является задачей и вызовом, соответствует образ отечества, в котором грязь и неустроенность жизни говорят о невежестве и суеверии, на почве которых расцветает произвол нравственно испорченных монашествующих.

Заключение

Итак, поэму Н. В. Гоголя «Мертвые души», поэму Г. Гейне «Германия: зимняя сказка» и роман Х. Рисаля «Не прикасайся ко мне» связывает то, что в каждом из них на фоне возникающего национального самосознания создается образ автора, для которого национальная идентичность — скорее задача, нежели данность. Все три автора с этнической точки зрения не совсем вписывались в образ своей нации, а в молодости сознательно приняли решение о смене фамилии (Гоголь, Рисаль) или имени (Гейне), с тем чтобы именование казалось менее иностранным. Так же важно, что все они подчеркивают факт создания своих произведений за границей и выбирают дистанцированную точку зрения на свою страну.

При этом положение Гоголя в обоих отношениях наиболее терпимое, положение Гейне — самое тяжелое, а Рисаль занимает среднюю позицию между ними: Гоголь, будучи украинцем, не русский, но все же славянин и православный. Чувствуется, что он менее знаком с русской деревней, нежели с украинской, но писатель не воспринимается как иностранец. Гейне же прямо пишет, что, будучи евреем, он много раз испытывал и испытывает, что его воспринимают как чужого и нередко ненавидят. Рисаль с точки зрения происхождения отчасти китаец, с точки зрения культуры — европеец. Поэтому он воспринимается как чужой, но злобы, похожей на антисемитизм, все же на себе не испытывает. Нахождение за границей для Гоголя важно, но он полностью свободен находиться и в России. Гейне, как демократ и политический критик своей страны, во время написания поэмы уже фактически лишен возможности печататься в Германии. Рисаль же выехал за границу ради учебы, но чувствует, что из-за критической направленности его романа на родине его ждут проблемы с цензурой.

Образ автора во всех трех произведениях связан с традицией Сервантеса, поскольку образ отечества создается в них средствами наррации о путешествии. Именно это позволяет описать отрицательные стороны жизни в отечестве, в частности плохие дороги, общую неустроенность жизни, пассивность и невежество населения, как ее причины.

Поездка героя осмысливается как путешествие по царству смерти, что позволяет каждому автору с особой остротой подчеркнуть беды родной страны. У Гоголя это человек как объект купли и продажи, бюрократизм и коррупция, у Гейне — авторитаризм и пассивность, у Рисаля — невежество и суеверие народа, а главным образом, произвол и испорченность монашеского духовенства. Помимо того, посещение царства смерти у Гейне и у Рисаля дает возможность эмансипации от авторитаризма и невежества и порождает стремление к освобождению. В контексте путешествия по миру мертвых возникает образ Данте, появление которого мотивировано еще и тем, что «Божественная комедия» была написана в изгнании.

Итак, во всех трех произведениях автор, для которого характерно, что он этнически занимает особую позицию и пишет за границей, создает образ себя как «критического патриота». Он также формирует образ своей страны с помощью наррации о путешествии, которое отчасти становится путешествием по царству смерти. Это позволяет говорить о связи всех трех произведений с традицией Сервантеса и Данте.

Список литературы

1. Александров Л. Г. Этапы Дантова пути в пространстве «Мертвых душ» Н. В. Гоголя // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4. С. 14—21.
2. Белый А. Мастерство Гоголя. Л., 1934.
3. Гейне Г. Германия: зимняя сказка: / пер. и примеч. Л. Пеньковского ; ст. Г. Лукача. М., 1934.
4. Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. М., 1984. Т. 5.

5. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь. Paris, [б. г.].
6. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995.
7. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя: Вариации к теме. М., 1996.
8. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб., 2007.
9. Манн Ю. В. Н. В. Гоголь: Судьба и творчество. М., 2009.
10. Мартынов М. Ю. Концепт *путешествие* в русском анархизме (Бакунин, Кропоткин, Боровой, братья Гордины и др.) // Русский травелог XVIII—XX веков. Новосибирск, 2015. С. 522—532.
11. Мусатова Т. Л. Гоголь и Данте как мыслители // Stephanos. 2020. №4 (42). С. 101—116.
12. Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. СПб., 2013. С. 191—199.
13. Опульская Л. Примечания: Мертвые души: Том первый // Гоголь Н. В. Собр. соч. : в 8 т. М., 1984. Т. 5. С. 308—313.
14. Томачинский С. «Мертвые души» Гоголя и «Божественная комедия» Данте: точки соприкосновения // Богословский вестник. 2020. №4 (39). С. 252—262.
15. Янушкевич М. А. Сюжетная структура поэмы «Мертвые души» в соотношении с античной эпической трагедией (Гоголь, Гомер и Вергилий) // Образы Италии в русской словесности. По итогам второй международной научной конференции Международного научно-исследовательского центра «Russia — Italia» — «Россия — Италия». Томск, 2011. С. 212—219.
16. Beltrame F. Teoria del Grottesco. Con un'esemplificazione nel racconto di N. V. Gogol' *Il naso*. Monfalcone, 1996.
17. Fingerhut K. Heinrich Heine: Deutschland, ein Wintermärchen. Frankfurt a/M, 1992.
18. Guerrero L. M. The First Filipino: A Biography of José Rizal. With an Introduction by Carlos Quirino (fifth printing). Manila, 1974.
19. Hädecke W. Heinrich Heine: Eine Biographie. München ; Wien, 1985.
20. Heine H. Sämtliche Werke. Hamburg, 1868. Bd. 17 : Dichtungen. Theil 3.
21. Lipke S. Realismo macabro en la novela "Noli me tangere" de José Rizal a la luz de la poema "Almas muertas" de Nikolai Gogol // Acta Literaria. 2020. Vol. 61. P. 39—55.
22. Lützel P. M. Migration und Exil in Geschichte, Mythos und Literatur // Handbuch der deutschsprachigen Exilliteratur: Von Heinrich Heine bis Herta Müller. Berlin ; Boston, 2013. S. 3—26.
23. Mojares R. B. José Rizal and the Invention of a National Literature. URL: http://www.bne.es/es/Micrositios/Exposiciones/Rizal/resources/documentos/rizal_estudio_03.pdf (дата обращения: 20.12.2021).
24. Ocampo E. A. de. Rizal as a bibliophile. Manila, 1960.
25. Rafael V. L. Foreignness and Vengeance: On Rizal's "El Filibusterismo". Los Angeles: UCLA Center for Southeast Asia Studies, 2002. URL: <https://escholarship.org/uc/item/4j11p6c1> (дата обращения: 20.12.2021).
26. Reinhard L. J. Heinrich Heine. Berlin, 1953.
27. Rizal J. Noli me tangere. La Habana, 1983.
28. San Juan Jr. E. The Radical Tradition in Philippine Literature. Quezon City, 1971.
29. Schumacher J. N. The Making of a Nation: Essays on Nineteenth-century Filipino Nationalism. Manila, 1991.

30. *Zaide G. F., Zaide S. M. José Rizal: Life, Works and Writings of a Genius, Writer, Scientist and National Hero. Mandaluyong, Metro Manila, 1984.*

Об авторе

Штефан Липке – канд. филол. наук, директор, Институт св. Фомы, Россия.
E-mail: stephanlipkesj@gmail.com

The author

Dr. Stephan Lipke, St. Thomas Institute, Russia.
E-mail: stephanlipkesj@gmail.com

М. Г. Алексеева, В. А. Фролова

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА
«СВОЙ – ЧУЖОЙ» В ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ
РОМАНА Г. РАДТКЕ «ТАТУИРОВАННЫЕ»**

Поступила в редакцию 10.02.2022 г.

Рецензия от 15.02.2022 г.

74

Изучена актуализация диалектического единства «свой – чужой» на примере немецкоязычной повести для юношества Г. Радтке (G. Radtke) «Татуированные» (*Die Tätowierten*). В результате исследования идеологических установок ГДР с применением анализа теоретических источников, метода сплошной выборки, лингвистического анализа контекстуальных блоков повести установлены сферы человеческой деятельности, которые репрезентируют неприятие ценностей враждебной идеологии: внешний вид, досуг, работа, нравственные принципы, воспитание и перевоспитание подрастающего поколения в нужном идеологическом ключе. Выявлена связь между внешним и внутренним проявлениями идеологических установок, что особенно ярко выражается в профессиональной сфере. Показано, что идеологические разногласия в своей абстрактной форме связаны с визуальными и аудиальными образами (фото и СМИ). Определяется, что наивысшей степени противопоставления «своя» и «чужая» идеологии достигают при описании государственной границы ГДР и ФРГ. Установлено, что равновесная оппозиция «свой – чужой» невозможна без равноценной критики собственных идеологических принципов, прежде всего в сфере (пере)воспитания «чуждых» индивидуумов в исправительных домах для подростков. Рассмотрены также недостатки планового хозяйства ГДР и экономические трудности социалистического государства, иногда служащие причиной экономических преступлений.

The article analyzes the actualization of the dialectical unity of "friend-foe" on the example of the German-language novel G. Radtke "Die Tätowierten" for young adults. The study relies on the research of the ideological attitudes of the GDR through the analysis of theoretical sources, the method of continuous sampling, linguistic analysis of contextual blocks of the story, and establishes the spheres of human activity that represent the rejection of the values of a hostile ideology: appearance, leisure, work, moral principles, upbringing and re-education of the younger generation in the right ideological way. A connection is established between the external and internal manifestations of ideological attitudes, which is especially pronounced in the professional sphere. The authors show that ideological differences in their abstract form are associated with visual and auditory images (photos and media). It is determined that the highest degree of opposition of "own" and "foreign" ideology is achieved when describing the state border of the GDR and the FRG. It is established that

an equilibrium opposition of “friend-foe” is impossible without an equivalent criticism of one’s own ideological principles, primarily in the sphere of (re) education of “alien” individuals in correctional homes for teenagers. Likewise, the attention is also drawn to the shortcomings of the planned economy of the GDR, to the economic difficulties of the socialist state, which sometimes serve as the cause of economic crimes.

Ключевые слова: идеология, оппозиция «свой — чужой», повесть «Татуированные», литература ГДР, граница

Keywords: ideology, opposition “friend and foe”, the story “Die Tätowierten”, literature of GDR, border

Введение

Идеология — это сложный феномен, являющийся объектом изучения политической, правовой, религиозной, социальной наук. Большая российская энциклопедия и Новейший философский словарь дают комплексное определение понятию идеология, описывая ее как теоретически оформленную систему идей, выражающую суть социальных интересов определенных классов, слоев и групп или общества в целом.

На основе идеологии формируются общественные (групповые) сознание и поведение, идеология имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание. Идеология является, таким образом, одним из инструментов социального управления, в том числе средством мобилизации людей на долгосрочные действия. Как указывается в данных словарях, ядром идеологии выступает прежде всего корпус идей о власти — об ее природе, обретении или захвате, удержании и реализации.

Выполняя одновременно интегрирующую и дифференцирующую функции, идеология отделяет группу ее носителей от групп с иной идеологией, а иногда и противопоставляет им. В поддержании и распространении идеологии, полагают авторы вышеназванных словарей, задействованы почти все социальные институты общества: власть, право, СМИ, образование и т. д. [2; 8].

Структурное, генетическое, функциональное, институциональное направления определяются Большой российской энциклопедией как основные [8]. В российских исследованиях идеология часто обсуждается в контексте необходимости выработки концепции национальной идеологии, объединяющей национальной идеи, «русской идеи» [1, с. 136–138]. Научные исследования, с одной стороны, определяют своей основной задачей разработку политико-идеологических ориентаций общества будущего, с другой — предпринимают попытку оценить уже существующие идеологические установки, например в современной России [11]. А. П. Суходолов исследует более узкий аспект идеологии — роль и значение идеологической функции журналистики для существования государства, рассматривает двойственную роль СМИ — как средство ведения информационных войн и как способ управления агрессией внутри общества [9]. М. М. Раевская посвящает свою статью лингвистической идеологии как теоретической категории и исследовательской парадиг-

ме, представляет лингвистическую идеологию как наблюдаемую в социальной жизни репрезентацию отношения говорящих к родному или иностранному языку, определяющую повседневную коммуникацию [6].

Ряд ученых анализирует идеологию в ключе ее взаимодействия с наукой и их взаимовлияния друг на друга, уточняют и дополняют критерии разделения идеологий, определяют функции официальной идеологии [4, с. 61, 64].

Важным моментом в определении государственной идеологии является понимание того, что идеология, объединяющая людей в группу, выступает одновременно и как фактор разобщения людей, вплоть до вражды. Как отмечает В. Г. Гребенников, идеологии легче различать не по их «да», а по их «нет», не по их «за», а по их «против» [4, с. 60]. Понятия «свой» vs. «чужой», способ самоопределения той или иной идеологии — «объединение со своими» vs. «противопоставление чужим» — становятся глубинным критерием разделения идеологий [4, с. 62]. Каждая из идеологий, как утверждают авторы исследования, определяет свое главное зло, которое является источником всех неблагополучий и пороков конкретного общественного устройства. Наличие оппонента (то есть «чужого») является важным условием развития идеологии, а вместе с тем и общества [4, с. 60, 64].

Оппозиция «свой» vs. «чужой» как отражение национальной, культурной, идеологической, конфессиональной и других видов идентичности рассматриваются с самых разных ракурсов: так, Е. Н. Савельева и В. Е. Буденкова исследуют образ «Другого» в советском и постсоветском кино, анализируют специфику художественного решения этого образа, описывают модели построения идентичности [7, с. 114–116]. О. В. Федунина рассматривает в жанре соцреалистической криминальной литературы противопоставление «свой» vs. «чужой» в форме трансформированной бестиарной антитезы, различая при этом два типа ее реализации — нормативную и маргинальную [10].

Е. В. Кишина прослеживает экспликацию категории «свой — чужой», иллюстрируя свои положения публицистическими текстами на политическую тематику и выявляя экспликанды анализируемой категории практически на всех языковых уровнях — лексическом, грамматическом словообразовательном, синтаксическом и текстовом [3, с. 13–14]. С позиции экстраполяции категории «свое — чужое» на категорию пространства С. М. Пашков анализирует формирование эмоциональной доминанты страха в текстах неоготической прозы, предлагает системный лингвистический анализ формирования данной эмоциональной доминанты [5]; Е. И. Сухина посвящает свои исследования лирическому осмыслению концептов «свое — чужое» в творчестве Ингеборг Бахман и Франца Верфеля, рассматривает эволюцию представлений о «чужаке» в творчестве этих писателей, многопланово раскрывает концепт «свое», таящий в себе истоки глобального отчуждения [16; 17].

Результаты исследования

В своей работе мы основываемся на концепции единства противоположных понятий «свой — чужой», предложенной З. И. Кирнозе и В. Г. Зусман. Исследователи исходят из особенностей внутренней формы

слов «свой — чужой» в немецком языке («das Eigene» und «das Fremde»), опираясь на дефиниции этимологических словарей, в том числе на словарь Якоба и Вильгельма Гриммов. Авторы устанавливают точки «переворота», «перевоплощения» понятий в свою противоположность. Периферийные зоны «своего» и «чужого» совпадают, оба феномена, понимаемых авторами как концепты, двигаются разнонаправленно — друг от друга и по направлению друг к другу, соответственно этому возникают зоны пересечения. С точки зрения З.И. Кирнозе и В.Г. Зусман, «свое» и «чужое» одновременно являются синонимами и антонимами, образующими единое целое [13, с. 102—106].

М. Грубер придерживается сходной точки зрения: «свое» только через «чужое» получает точное определение. Все построено, полагает М. Грубер, на совпадении vs. различии признаков. Чтобы утвердить свое «Я», необходим «Другой», с ликвидацией которого растворяется и собственное «Я». Таким образом, тождественность принципиально нуждается в нетождественности. Когда речь идет о государственных идеологиях, формула «Я и Ты», «Я и Другой», подчеркивающая единство «своего» и «чужого», порой трансформируется в формулу «Я или Ты», «Я или Другой», в формулу неприятия «Другого», которая в конечном итоге сказывается и на целостности, неуязвимости «Я» [12, S. 72—73].

Анализируемая нами повесть Г. Радтке, повесть-детектив для юношества, призванная утвердить приоритет идеологических установок строя ГДР над мировоззренческими позициями ФРГ, является, на наш взгляд, примером такой трансформации единства «своего и чужого» в формулу категоричного отрицания этого «чужого» и, как результат, ослабления своего «Я». В исследовании выдвигается гипотеза о том, что описание идеологии своего государства через отрицание идеологических установок враждебного государственного устройства нарушает баланс «своего и чужого», писатель формирует поэтому равновесную систему между «своим и чужим» посредством критики экономических и социальных (в частности, образовательных и воспитательных) явлений современной ему ГДР.

Демаркация «свой — чужой (Другой)» выстраивается в романе Г. Радтке не по этнокультурным, а по идеологическим несовпадениям. Социалистическое мироустройство противопоставляется здесь западному капиталистическому миру. «Чужой», или «Другой», выступает за агрессивное-активное или пассивное сопротивление социалистическому устройству (ср. также специфику кинематографического решения образа «Другого» в исследовании Е.Н. Савельевой и В.Е. Буденковой [7, с. 116]). Этот «Другой» может быть конкретизирован, в соответствии с классификацией В. Мюллер-Функа, скорее как «чужак» [14]. В. Мюллер-Функ четко проводит различие между «Другим», «Иностранцем» и «Чужаком», причем последний, в отличие от «иностранца», обязательно является этнически чужим. Как и у Г. Радтке, он — «свой чужой»: этническое, языковое, историческое, даже недавнее конфессиональное единство объединяет западных и восточных немцев. Лишь политические различия, и, как следствие, социальные, правовые и культурные несовпадения обуславливают их антагонизм.

Действие детективной истории завязывается вокруг убийства героини повести с чуждыми идеологическими взглядами Регины Шартель. Для раскрытия преступления Народная полиция ГДР разыскивает, до-

прашивает, анализирует действия и мотивы множества других «чужаков» из окружения Регины, например, Рамлова (Кинга), Минго, Циглера и других, попутно вскрывая ряд экономических и политических (нарушение пограничного контроля) правонарушений. В повести пропагандируются идеологические принципы ГДР через критику и отрицание идеологии ФРГ. Неприятие ценностей враждебно настроенного (или кажущегося таковым) государства актуализируется на примере самых разных сфер человеческой деятельности и собственно существования — начиная с внешнего вида (в том числе манер, поведения), выбора форм досуга и увлечений, отношения к работе и заканчивая нравственными принципами, целеустановками исправительных учреждений для трудных подростков (*Erziehungsheime*) и идеологическими постулатами в чистом виде. Рассмотрим каждую из сфер более подробно.

Внешность и манеры критикуемых «элементов», чуждых социалистическому обществу, теснейшим образом переплетаются в повести с изображением их нравственных пороков — безответственности, нежелания работать, дурных знакомств, аморальности и половой распущенности.

Die Schule wurde geschwänzt [15, с. 8]; *Es begann mit Fehlschichten, dann kam die Kündigung* [15, с. 9] — так рассказчик повествует о школьных и производственных проблемах Регины. Досуг Регины заключается в общении с подозрительными типами, часто не имеющими определенного места жительства, и в бесцельном шатании по городу (*die Bummelei, ein paar unsaubere Gestalten* [15, с. 9], *das Treiben* [15, с. 19], *der Penner* [15, с. 23]). Эти странные типы имеют и внешний опознавательный знак — татуировку, отметину, которая и послужила названием повести Г. Радтке (*Erkennungszeichen* [15, с. 23], *drei tätowierte Punkte auf der linken Hand zwischen Daumen und Zeigefinger* [15, с. 24]). Этот знак, который маркировал людей, отбывших срок в тюремном заключении или в исправительном учреждении для молодежи (*Clique der Tätowierten* [15, с. 65]; *Diese Drei-Punkt-Tätowierungen waren auch so eine aus der Unterwelt des Westens importierte Mode* [15, с. 24]) служил признаком тлетворного влияния западной моды.

Хотя господин Циглер и не имеет роковой татуировки, он также попадает в поле зрения криминалистов. Его привычки и окружение, состоявшее из постоянно сменяющих друг друга молодых женщин, раздражают многих живущих по соседству с его бунгало жителей: *schriller Misston in dem stillen Tal* [15, с. 33]; *Er muss sie (die Frauen) wie die Hemden wechseln* [15, с. 34]; *...solche Weibsstücke hätten sich geradezu eingenistet* [15, с. 34]. Автор резко критикует знакомства Циглера: *Gekreische und Gejasse* [15, с. 34]; *Unwesen treiben* [15, с. 41]; *verrufene Partys* [15, с. 34]; *ein anrühiges Verhältnis mit Regina* [15, с. 41]; *kilometerweise sei etwas zu hören* [15, с. 34]; *...aber mit anderen habe man sie „auch sehr intim“ gesehen* [Ibid.]. Семейная жизнь Циглера также далека от идеала: *Beiderseitiges Fremdgehen zu beiderseitiger Zufriedenheit. Sie kümmert sich nicht um ihn, er nicht um sie. Nach außen hin mimen sie das Ehepaar* [15, с. 36].

Большая часть опрошенных криминалистами молодых людей, однако, относительно безобидна в своих умонастроениях по сравнению с Кингом, Циглером или Минго. Автор описывает их иронично, не ску-

пьясь на нелестные для них сравнения: ... sozusagen dem Neandertaler enger verwandt als dem Homo sapiens [15, с. 61]; Sie schickten ihm zuerst ein knallbuntes Emblem, das er wie einen Orden an der Brust trug — stolz wie ein Schimpanse im Zoo, dem man eine Stanniolkugel in den Käfig wirft [15, с. 66]; обращает внимание на особенности их внешности, привычек, выбора кумиров:

...mit überlauten Kofferheulen, überlangen Haaren und überdrehten Modeticks... [15, с. 61]; heiße Musik [15, с. 61]; auch die Unzahl von Bändern und Platten — alle mit "heißer" Musik [15, с. 133]; Die meisten bezeichnen sich als "Beat-Fans", die "nur ihrem Beat lebten" und auf keinen Fall mit Rowdys und Arbeitsbummelanten in einen Topf geworfen sein wollten [15, с. 61].

79

Автор упрекает эту группу молодых людей в двуличности: Sie führten sozusagen ein Doppelleben: in der Schule und im Betrieb hielten sie sich mehr oder weniger gut, aber in der Freizeit "hakte es aus" [Ibid.]. Нелицеприятно ведут себя эти люди и на допросе: ...abwartend oder störrisch, kleinlaut oder vorlaut [15, с. 63]; ...ängstliche Neugierde, Frechheit... Unsicherheit [Ibid.].

Контрастный образ формируется в лице Карла-Хайнца Римера, одного из немногих положительных героев повести, замечательного не только своими естественнонаучными достижениями (отсюда и его кличка "Professor"), но и нравственными качествами: ...selbstsicheres Auftreten, ungezwungen, Kern der Kollektive, kann einen guten Einfluss auf seine Altersgenossen haben [15, с. 63]. Такие, как Карл-Хайнц, могут лучше, чем стражи порядка, полагает автор, влиять на своих ровесников: Junge Menschen wie er, die vertrauensvoll zu uns kommen, weil sie wissen, dass unser Staat ihr Staat ist, sind die besten Erzieher der Gleichaltrigen [15, с. 66].

Еще один положительный образ повести — ассистент Герд Коблер, который делает первые шаги в криминалистике и, конечно, не всегда может избежать ошибок. Автор повести для юношества уделяет самое пристальное внимание профессиональной деятельности. В профессиональной сфере идеологические установки концентрируются довольно выпукло, здесь нет второстепенных вещей, важно все — и обстановка рабочего кабинета, и определенный регистр общения, и коллективный стиль работы. Так, обстановка рабочего кабинета неразрывно связана с тем, что за люди в нем работают, что для них более значимо — мягкая мебель, бар с напитками, атрибуты комфорта или простота и целесообразность: Unsere Arbeitszimmer zeichnen sich nicht durch großen Komfort, dafür aber durch Schlichtheit und Zweckmäßigkeit aus. So üppig wie die Kollegen in importierten Kriminalfilmen — eingebaute Kühlschränke, Hausbar, Polstergarnituren — haben wir es bei weitem nicht [15, с. 49]. Служба криминалиста предъявляет особые требования к сотрудникам, что видно из осуждения потасовки в питейном заведении, в которой участвует Герд Коблер: Dabei hätte ich ihm so etwas nie und nimmer zugetraut. Sich als angehender Kriminalist in eine Kneipenschlägerei verwickeln zu lassen — das war ja wirklich das Allerletzte! [15, с. 49]. Еще больший проступок Коблер совершает, когда хочет в одиночку напасть на след убий-

цы Регины, не передает старшему криминалисту необходимых для всей опергруппы сведений, что едва не стоит Коблеру карьеры в Народной полиции ГДР: Nicht etwa, weil die Idee an sich abwegig war, sondern weil er einen Alleingang versuchte, sich über die Dienstvorschrift und unsere Untersuchungsführung hinwegsetzte, um dann vielleicht glänzen zu können [15, с. 152].

Идеологические постулаты в чистом виде появляются в произведении нечасто, что обусловлено требованиями жанра, и связаны они, прежде всего, с визуальными и аудиальными сигналами «извне» — уже на первых страницах художественного произведения появляются постеры и фото с идеологически чуждым содержанием:

80

Es waren die grellbunten, aufreizenden Fotos aus Zeitschriften, die an unseren Kiosken nicht gehandelt werden. Muskelpakete in Tigerfellen. Rauschgiftsüchtige in Extase. Sex-Bomben. Kalte Killer mit Maschinenpistolen. Der ganze Abschaum einer verfaulenden Pseudo-Zivilisation... [15, с. 9–10].

Die Wände allerdings seien rundum bepflanzt mit Gangstern, Show-Stars und Striptease-Girls. Ob Kings Luxus-Zimmer oder die triste Bude Regina Schartels — die Gemächer glichen sich [15, с. 132–133].

Die “nackten Dämchen” an den Wänden seien ja wohl jetzt Mode wie das Gedudel auf dem neumodischen Grammophon [15, с. 154].

В повести упоминается и низкосортное чтение: Mit einer unwilligen Bewegung wirft er den zerlesenen Westschmöker (“Der Mörder raucht Marihuana”) beiseite [15, с. 142]. Теле- и радиопередачи из ФРГ или, например, Люксембурга предстают в повести как воплощение зла, символ лжи: Ochsenkopf-Kanal (Westfernsehen), Saubande [15, с. 111, 66].

Своей наивысшей точки градус противопоставления и отрицания идеологии «чужаков» достигает при описании государственной границы между ФРГ и ГДР. В понятии «граница» актуализируется наиболее выпукло диалектическое единство «своего и чужого», здесь возникает зона их пересечения. Именно на границе происходит второе убийство в повести — Гюнтер Зилих пытается пересечь ее и погибает при взрыве. Граница представлена в повести как полный опасностей и соблазнов рубеж, нейтральное обозначение «там, на другой стороне» (drüben) приобретает совершенно мистический колорит некоего «замирья», «потустороннего»:

An und für sich ist dieser Abschnitt ruhig, aber ich möchte wetten, dass die dort drüben am Waldrand sitzen und uns beobachten. Manchmal kommen sie allerdings bis ans andere Ufer, wenn unsere Soldaten hier Streife gehen. Es fängt immer mit einem Anbiederungsversuch an. So mit “Grüß Gott” und “Kumpel”, ein bisschen Schimpfen auf den Dienst, Anbieten von Schokolade und Zigaretten, und wenn das nichts hilft, folgt die Schimpfkanonade, mit der sie ihr wahres Gesicht zeigen [15, с. 82].

Und diese unheimliche stille Gefährlichkeit, die aus den dunklen Wäldern der anderen Seite beinahe körperlich zu uns herüberdrang... [15, с. 83].

Dort drüben war nicht nur eine andere Seite, es war eine feindliche Seite, bereit zu stören und auch zu schießen [15, с. 84].

Пытаясь достичь баланса между «своим и чужим», укрепить собственное «Я», показать более реалистичную картину жизни ГДР, Г. Радтке подвергает критике некоторые сферы человеческой деятельности, но прежде всего, (пере)воспитательную базу социалистического государства, что соответствует целеустановкам «романа воспитания» Нового времени. Так, Г. Радтке сетует на недостаточно хорошо организованные формы досуга молодежи, особенно той ее части, которая подвергается влиянию «извне»: ... es galt, labile und kriminell gefährdete Jugendliche, wie sie sich besonders im "Marstall" zusammenfanden, für eine interessante und kulturvolle Freizeitgestaltung zu gewinnen, und Siegfried Pöhler war vorgesehen, die Umgestaltung dieses Bumslokals in einen Jugendklub in die Wege zu leiten [15, с. 91]. Устами Карла-Хайнца Римера и руководителя опергруппы Г. Радтке дает советы, как повлиять на идеологически неустойчивых молодых людей, занятых на производстве:

Wir werden den beiden keine Moralpredigten halten, aber wir werden sie stärker als bisher in die FDJ- und Zirkelarbeit einbeziehen. Vielleicht auch eine kleine Karikatur an die Wandzeitung bringen — nicht böse, aber scharf. Das hilft meist mehr als große Aussprachen [15, с. 66].

Vielleicht erreicht ihr mit einer kleinen brüderlichen Aussprache, die ihr einfädeln könnt, viel mehr als mit sämtlichen betrieblichen Sicherheitsbestimmungen... [15, с. 67].

Автор также осуждает распространенное в обществе предвзятое суждение о моральных качествах молодежи по ее внешнему виду:

Die Worte unseres Polit-Offiziers blieben mir besonders in Erinnerung: "Sieh nicht nur die Verdächtigen, von denen jeder der Täter sein kann", meinte er, "stütze dich noch mehr auf die positiven Kräfte, besonders unter der Jugend. Sie ist im Sozialismus aufgewachsen, und sie steht zu uns, selbst wenn manche ihre Haare auf eine scheinbar besonders moderne Weise wachsen lassen" [15, с. 92].

Наиболее резкую критику Г. Радтке вызывают исправительные дома для подростков ГДР. В месте, призванном воспитывать «своих», вырастают «чужие» ущербные люди (см. также о предположении дефицита, ущербности «Другого»: [7, с. 117; 12, S. 74]). В качестве примера автор приводит исправительный дом, в котором Регина провела свою юность. Критике подвергаются многие моменты: и местоположение (в старинном замке, вдали от индустриального города), и отсутствие интеграции с морально устойчивой молодежью, и методические промахи воспитателей, и смешение в этих домах самых разных судеб — от трудновоспитуемых подростков до настоящих преступников. Не способствует исправлению молодых людей и отношение к ним работодателей, которые охотно избавляются в дальнейшем от таких соотрудников:

Es kommen aber auch Jugendliche, die Verbrechen begangen haben. Die Charaktere, die Intelligenz und das Gefühlsleben sind ganz unterschiedlich. Und unter den anderen gibt es Schwache, die sich durch die negativen beeinflussen lassen. Zu ihnen gehörte Regina [15, с. 100].

Aber gleichzeitig ist der Entlassene auch schon volljährig, und es hängt nun sehr vom Arbeitskollektiv ab, welcher Einfluss auf ihn einwirkt. Leider sind manche Betriebe froh, wenn der Eingewiesene so bald wie möglich wieder kündigt... [15, с. 100].

Hier unterlag der sonst so lebenserfahrene Erzieher einem Irrtum. Unsere Erfahrungen hatten uns nämlich gelehrt, dass die Tätowiersucht, mag sie zunächst auch nur der Eitelkeit entspringen, der Cliquenbildung dient [15, с. 101].

Warum dieses Schlossmilieu? Es wäre bestimmt besser, so ein Heim in der Nähe einer Industriestadt einzurichten, dort, wo das große kollektiv der Schaffenden spürbar ist [15, с. 102].

82

Г. Радтке не обходит стороной и экономические трудности молодого государства — плановая система хозяйства не всегда покрывает растущие потребности населения. В стране наблюдается острая нехватка качественных (не)продовольственных товаров широкого потребления, что провоцирует различного рода товарные махинации с их распределением. В повести раскрывается не только убийство Регины, но и экономическое преступление — спекуляция высококачественными тканями, в которой замешаны Циглер, Кинг и Кремер. Спекулятивные сделки и послужили прямой причиной убийства Регины: *Uns interessierte jetzt der noch immer unaufgeklärte Mord, nicht die krumme Tour von zwei Schiebern, die offenbar besser in die "freie Wirtschaft" des Westens passten als in unseren von Schmarotzertum freien Staat. Aber wir wurden hellwach, als plötzlich der Name Schartel fiel* [15, с. 128]. Латентная критика существующего положения дел в «своем» государстве также способствует выравниванию дисбаланса диалектического единства «своего и чужого» в криминальной повести. Разоблачая убийцу и раскрывая его мотивы, автор совершает своего рода катарсис, критикуя недостатки «своего» общества и «своей» идеологии.

Заключение

Диалектическое единство «свой» vs. «чужой» в идеологических установках предполагает необходимое достижение определенного равновесия, которое в случае критики «чужой» идеологии требует критического переосмысления и «своих» идеологических воззрений.

Список литературы

1. Вольтер О. В. Феномен идеологии в современной России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2009. №1 (15). С. 134–140.

2. *Идеология* // Новейший философский словарь. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/D0%AF> (дата обращения: 11.11.2021).

3. Кишина Е. В. Комплексное исследование категории «свойственность — чуждость» в русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2009. №320. С. 11–15.

4. Макаров В. Л., Гребенников В. Г., Дементьев В. Е., Устюжанина Е. В. Идеология и наука (по материалам обсуждения в ЦЭМИ РАН) // Российский экономический журнал. 2019. №4. С. 55–68.

5. Пашков С.М. Эмоциональная доминанта страха в контексте оппозиции «свое — чужое» (на материале неоготического романа А. Мердок “The unicorn”) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2015. №5 (29). С. 92—99.

6. Раевская М.М. Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №2. С. 24—35.

7. Савельева Е.Н., Буденкова В.Е. Образ Другого как отражение национально-культурной идентичности в советском и постсоветском кино // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. №45. С. 114—119.

8. Савельева О.О. Идеология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/sociology/text/2000230> (дата обращения: 11.11.2021).

9. Суходолов А.П. Идеологическая функция средств массовой информации в условиях информационных войн // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4, №2. С. 117—126. doi: 10.17150/2308-6203.2015.4(2).117-126.

10. Федунина О.В. Бестиарная антитеза в советской криминальной литературе // Новый филологический вестник. 2018. №1 (44). С. 200—209.

11. Юдина Т.Н., Мазаев Ю.Н., Бабакаев С.В. Динамика политико-идеологических ориентаций населения России в постсоветский период // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2020. Т. 20, №3. С. 582—594.

12. Gruber M. Vom Anderen und Nicht-Anderen. Fragmentarische Anmerkungen // Das Eigene und das Fremde in der kulturellen Tradition Europas. Literatur, Sprache, Musik. Nischnij Nowgorod, 2000. S. 69—78.

13. Kirnosc S., Susmann W. Konzepte des Eigenen und des Fremden als Problem der Kulturologie // Das Eigene und das Fremde in der kulturellen Tradition Europas. Literatur, Sprache, Musik. Nischnij Nowgorod, 2000. S. 101—107.

14. Müller-Funk W. Das Eigene und das Andere / Der, die, das Fremde. Zur Begriffserklärung nach Hegel, Levinas, Kristeva, Waldenfels // Habsburg postcolonial. Gedächtnis — Erinnerung — Identität / hrsg. von J. Feichtinger, U. Prutsch u. M. Csáky. Innsbruck, 2003. S. 83—95.

15. Radtke G. Die Tatowierten // Радтке Г. Татуированные : учеб. пособие для студентов пед. вузов. Л., 1980.

16. Sukhina E. Die Gestalten des Fremdlings in der Lyrik von I. Bachmann // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. №3. С. 118—126.

17. Sukhina E. Der lyrische Weg zwischen dem Eigenen und dem Fremden bei Franz Werfel // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №1. С. 135—145.

Об авторах

Марина Геннадьевна Алексеева — канд. филол. наук, доц., Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Россия.

E-mail: margennal@yandex.ru

Вера Александровна Фролова — канд. филол. наук, доц., Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, Россия.

E-mail: frvera@yandex.ru

The authors

Dr Marina G. Alexeeva, Associate Professor, Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia.

E-mail: margennal@yandex.ru

Dr Vera A. Frolova, Associate Professor, Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Russia.

E-mail: frvera@yandex.ru

Л. В. Дубаков

**ТРАНСКУЛЬТУРНОЕ ОБРУСЕНИЕ
БУДДИЙСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ
В РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНОЙ УТОПИИ
ЦИКЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ СИМФОНИЯ»
И. А. АЛИМОВА И В. М. РЫБАКОВА**

Поступила в редакцию 18.02.2022 г.

Рецензия от 22.02.2022 г.

85

Проанализированы способы русификации буддизма в цикле романов Хольма ван Зайчика (В. М. Рыбакова и И. А. Алимова) «Евразийская симфония». Буддийские идеи (например, идея кармы в разных ее видах), буддийские образы (в частности, образы архитектурные), буддийская лексика вписываются авторами в традиционные координаты русской культуры. Буддизм, изображенный В. М. Рыбаковым и И. А. Алимовым в романах цикла, предлагает ответы на сложные проблемы, обозначенные русской культурой и литературой (вариант теодицеи), становится частью русской священной географии (соприсутствие православных и буддийских храмов на одной земле), порождает новую, парадоксальную идиоматику. Авторы цикла «Евразийская симфония» на основе транскультурного взаимодействия религий создают утопию религиозно-культурного синкретизма под видом альтернативной истории. При этом основной модус повествования в романах цикла – соединение серьезного и иронического отношения к создаваемому художественному миру, что дает возможность разновариантного прочтения «Евразийской симфонии».

The article analyses the ways of Russification of Buddhism in the cycle of novels by Holm van Zaichik (V. Rybakov and I. Alimov) "Eurasian Symphony". Buddhist ideas (for example, the idea of karma in its various forms), Buddhist images (in particular, architectural images), Buddhist vocabulary are integrated by the authors into the traditional patterns of Russian culture. Russian Buddhism depicted by V. Rybakov and I. Alimov in the novels of the cycle offers answers to complex challenges identified by Russian culture and literature (a version of the theodicy), becomes a part of Russian sacred geography (the co-presence of Orthodox and Buddhist temples on the same land), generates a new, paradoxical idiomatics. The authors of the cycle "Eurasian Symphony" create a utopia of religious and cultural syncretism on the basis of transcultural interaction of religions in the guise of alternative history. At the same time, the main mode of narration in the novels of the cycle is the combination of a serious and ironic attitude to the created artistic world, which makes it possible to read the "Eurasian Symphony" in a variety of ways.

Ключевые слова: утопия, альтернативная история, религия, обрусение, транскультурное взаимодействие, синкретизм

Keywords: utopia, alternative history, religion, Russification, transcultural interaction, syncretism

Семь романов, написанные И. А. Алимовым и В. М. Рыбаковым под псевдонимом Хольм ван Зайчик в рамках цикла «Евразийская симфония», представляют собой религиозно-культурную утопию. Завершая статью «Ордусская правда» [19], посвященную этим книгам, и характеризуя специфику межнационального и религиозного устройства Ордуси, государства, существующего в пространстве альтернативной истории, М. Звездецкая приводит мысль Его Святейшества Далай-ламы XIV Тензина Гьяцо о том, что в сегодняшнем мире ни одна из религий в одиночку не способна совладать с многообразными и все усугубляющимися человеческими проблемами [27, с. 309–326]. Отсюда, по мнению критика, и произрастает не столько литературный, сколько именно религиозно-культурный цикл романов И. А. Алимова и В. М. Рыбакова, в котором они пытаются спроектировать возможное лучшее будущее для России, основанное на экуменической этике, что, в частности, предполагает не только мир между разными религиями и разными народами, но и взаимное признание уникальности традиционных религий, своеобразности всех наций, а также их союзничество, сотрудничество. Цветущая Ордусь — это «мир, отформатированный по-русски, мир, построенный по тем лекалам, которые Вячеслав Рыбаков издавна прикладывает к «русской цивилизации». К единственной, по его собственным словам, мировой цивилизации, которая расширялась и побеждала, никого не колонизируя и не унижая, которая вбирала в себя «покоренные» народы, становясь для них вселенной» [29]. Совершенно иначе смотрит на проект И. А. Алимова и В. М. Рыбакова Е. П. Чудинова. В статье «Вышел зайчик клеветать» она подвергает критике китаецентричность Ордуси и исподвольное отрицание русской культуры и христианства в цикле «Евразийская симфония» [28].

В Ордуси на равных правах присутствуют несколько религий — конфуцианство, буддизм, даосизм, православие, ислам, иудаизм и другие. В заметке «Империя наносит ответный удар» А. Гориченский пишет: «Ордусь «собрана из запчастей» современной России и средневекового Китая. Сюда же стоит добавить «запчасти» Советского Союза — десятилетиями провозглашаемые, но никогда не воплощаемые в жизнь ценности, мифологизированные и ставшие частью народного сознания» [6]. Фактически в этом обнаруживается слияние двух опытов религиозного синкретизма — русского и китайского. Однако если реальная Россия сегодня постепенно дошла до состояния мирного сосуществования и взаимного невмешательства четырех традиционных религий и иных, издавна находящихся на территории страны, то опыт прошлого Китая заключается еще и в распределении сфер влияния между религиями. По словам авторов, в реальном Китае «конфуцианство занималось этикой, буддизм заведовал вопросами загробного воздаяния, даосизм изучал бессмертие и воевал злых духов — это основа китайского синкретизма» [19]. Ф. Н. Двинягин в радиопередаче на «Радио России» конкретизирует эту китайскую вероисповедную дифференциацию: по его словам, в цикле «образцом не раз выставляется и Китай, где сожительствуют кон-

фуцианство, буддизм и даосизм, причем в сознании каждого конкретно-го человека. Монгольская терпимость — людей разных религий, китайская — разных религий в одном сознании» [9].

Оглядываясь на современные экуменические тенденции [11, с. 50], на реальный опыт религиозно-культурного строительства России и Китая, на перекодированную с минуса на плюс идею панмонголизма [22, с. 245], на идеи философии евразийцев [21, с. 46], размышлявших об историческом сосуществовании русской и азиатской культурно-религиозных формаций, И. А. Алимов и В. М. Рыбаков вместе с тем в качестве интегральной этико-философской основы для Ордуси избирают конфуцианство, чьи принципы, удаленные от метафизики, но исполненные балансирующей ритуализированной мудрости, регламентируют государственную и бытовую сторону жизни для всех без различия. Т. Н. Бреева о конфуцианстве в идеократическом государстве Цветущая Ордусь пишет следующее: «Воплощением “идеи-правительницы” в этом случае выступает конфуцианство, которое, в отличие от буддизма, христианства, ислама и иудаизма, сохраняющих конфессиональный статус, приобретает значение главного этического регулятора жизни человека и государства» [3, с. 102]. По мысли Ш. Исраэля, «сотворенная ван Зайчиком Ордусь — альтернативный вариант развития нашей планеты, и в этом смысле книга сродни великим утопиям прошлого... Это и книга религиозного поиска: жители Ордуси — синкретисты, православные, мусульмане, буддисты, а империю держат воедино идеи Конфуция: почитание старших, стремление к законопорядку, предпочтение общего интереса личному, государство как одна большая семья. Строгую иерархичность конфуцианства умеряет принцип гармонии: все допустимо, пока это не противоречит общей целостности» [20, с. 189]. Другие же религии, сохраняя свою метафизическую специфику и обособленность, окрашиваются конфуцианским мировоззрением и приобретают национально-культурные черты тех регионов, где их присутствие в реальном мире не является преобладающим.

Поскольку точкой отсчета для «Евразийской симфонии» является русская культура, к которой принадлежат авторы и читатели романов, значительная часть действия происходит в русском улусе, а один из главных героев цикла — это буддист Багатур Лобо, то значительное место в «Евразийской симфонии» занимает буддизм и особенности его пребывания и восприятия в исконно русском, Александрийском улусе государства Цветущая Ордусь. Характеризуя организацию системы персонажей в цикле «Евразийская симфония», Т. Н. Бреева говорит о контрасте как основном принципе соотнесения двух главных героев — Багатура Лобо и Богдана Оуянцева-Сю. Традиционные оппозиции, свойственные западным маскулинному и рефлексивному героям, в их случае дополняются «национальной и конфессиональной контрастностью (буддийский Восток — русское православие)» [3, с. 107]. При этом важно, что «происходит взаимоналожение канонических амплуа и специфических национальных примет; так, рефлексивность Богдана мотивируется православным комплексом, что подчеркивается уже самим положением героя как представителя органа этического надзора, активность Багатура базируется на осознании неизбежности кармических законов» [Там же]. Согласно критическому мнению И. Б. Роднянской, буддизм в принципе

находится в центре этого цикла, остальные же религии заглушены или дискредитированы, как, например, христианство: «предпочтение, естественно, отдается китайскому простонародному пантеону буддийских божеств и духов, всяческим воскурениям, гаданиям и кармическим перерождениям» [26, с. 335].

Одна из буддийских идей, которая отзывается практически во всех романах цикла, — идея кармы. Речь идет не только о «загробном воздаянии», карма — это закон причины и следствия, которое непременно наступает после совершенного деяния. Так, сама дружба и периодические совпадения во времени и пространстве Багатура Лобо и Богдана Оуянцева-Сю видятся первому из них как результат кармы, о чем он не раз себе говорит. В романе «Дело незалежных дервишей» звучит мысль о разрастании зла при его непрекращении, что оказывается одним из аспектов закона причин и следствий: «...тот, кто поступает нечестно, раньше или позже оказывается вынужденным совершать преступления, таков закон кармы» [14, с. 178]. В романе «Дело Судьи Ди» присутствует мысль о смиренном отношении к происходящему, поскольку в значительной степени оно является результатом кармы: «Ибо как знать — куда кинет жизнь, как повернется прихотливыми путями неумолимой кармы и кто мы такие, чтобы требовать от жизни большего, чем она в своей щедрости и так дает нам?..» [18, с. 186]. В романе «Дело победившей обезьяны», напротив, развивается мысль о необходимости мужественного человеческого усилия, так как карма создается самим человеком: «Пусть я всего лишь винтик, пусть ничтожный ланчжун, каких много, пусть так. И что же — жить дальше, каждый день думая о том, что хоть и поступил правильно, а — не правильно?! Чему быть, того не миновать. Карма. Карма!» [17, с. 230].

Наонец, в романе «Дело лис-оборотней» принцип кармы оказывается тем, что переводит преступление из разряда уголовных в разряд философско-метафизических: убийство лис-оборотней не может повлечь за собой уголовного наказания в Ордуси, но уже привело к смерти нескольких новорожденных детей. Роман и дело, раскрываемое в нем, начинаются с сюжетного пролога. Багатур Лобо ловит преступников и едва не погибает. Эта возможная гибель и счастливое спасение мыслится им как результат кармы: «Карма, карма... — мысленно проворчал Баг. — То, что фонарь зажегся вовремя, — это ведь тоже карма. Стало быть, все случилось правильно, и мне не суждено пока отправиться на встречу с Яньлю-ваном...» [13, с. 21]. Эта же мысль содержится и во втором прологе — о смерти племянницы возлюбленной Бага: «Карма! Нечего говорить» [13, с. 23]. Отец умершей девочки, не споря с Багом, берет вину на себя, фактически обозначая лежащие на поверхности причины смерти младенца, Баг и Богдан в финале книги укажут на причины глубинные. Роман «Дело лис-оборотней», таким образом, не только приводит буддийский вариант ответа на карамазовский вопрос о «слезинке ребенка» [10, с. 277], но и обозначает сложную механику закона кармы (неслучайно в списке рекомендованной авторами литературы оказывается классическая работа Васубандху о карме [5]), которая учитывает многообразные отношения между живыми существами, переходящими из рождения в рождение и меняющими свои формы, но сохраняющими при этом прежние связи. Параллелью к этой мысли является перевод новеллы Ли

Сянь-миня, выполненный И. А. Алимовым, герой которой составил поминальный текст для лиса-оборотня со словами о существовании круговорота перерождений и о возможности разнообразных телесных трансформаций [2].

В романе «Дело непогашенной луны» механизм работы кармы переводится на научный язык. Мордехай Ванюшин в сердцах говорит о властях Ордуси: «Колесо сансары, понимаете ли, им понятней, чем разрушение наследственного вещества микродозами радиации! Ом мани падмэ хум, понимаете ли! Впрочем, нет, это не здесь... Да какая разница! Отче наш иже еси... э-э... на небеси...» [15, с. 128].

При этом для И. А. Алимова и В. М. Рыбакова важна оказывается не только сама по себе буддийская идея кармы, но и ее соотнесение с православной русской культурой. Буддийский наставник Баоши-Цзы пишет для Багатура Лобо гатху (эти гатхи в романах являются одним из ключей к разрешению конфликтов): «Кто в этой жизни добрым был — в будущей станет божеством. // Кто в этой жизни зло творил — в ад попадет или родится шелудивым псом. // Безвинных тварей не убий, лечи недужных, старым помоги. // Позор и слава, счастье и горе — всему мерилом лишь поступки наши» [13, с. 37], — а она отзывается его мыслями о причинах страдания и смерти в том числе тех, чья вина не может быть увидена и осознана человеком:

Великий наставник, лишь взглянув на Бага, своей гатхой сумел исчерпывающе ответить на невысказанный вопрос: отчего бывает так, что умирают маленькие невинные дети, всего несколько дней радовавшие своими криками этот прекрасный мир? Вопрос нелепый и даже неуместный, Баг и сам знал. Но чувства не могли с таким ответом смириться. Баоши-цзы одним рощерком кисти подтвердил: карма неумолима, и если дети умирают во младенчестве, значит, деяния предыдущих рождений стаигли их, ибо таково положенное воздаяние, причины коего они создали сами и только сами. Ибо у кармы, как и у камня, нет чувств и сострадания, ей неведомо человеколюбие и проистекающее из него стремление простить [13, с. 38].

Этот фрагмент содержит в себе не только невысказанный вопрос Бага, но и подспудно — вопрос о милосердии Бога, один из сложных вопросов христианской культуры, сформулированных Ф. М. Достоевским. Иными словами, И. А. Алимов и В. М. Рыбаков предложили в романе «Дело лис-оборотней» буддийскую теодицею. То же — во взаимоотношениях главных героев: мысленное замечание Бага о том, что его напарник Богдан — это результат обоюдной благой кармы, уравнивается замечанием православного Богдана: «Его мне Господь послал» [12, с. 127]. Получается, что два фундаментально отличающихся религиозных мировоззрения внутри русской культуры (Баг и Богдан — оба русские) вступают в заочный диалог, сближаются через благородство поступков тех людей, что их разделяют.

Тема кармы имеет давнюю историю в творчестве И. А. Алимова. Так, в 1987 году он написал рассказ «Карма». Этот рассказ чем-то по сюжету и замыслу похож на рассказ В. О. Пелевина «Вести из Непала». Главный герой, рабочий Семен Кусатый, просыпается с головной болью, с запахом газа в квартире и ощущением странности происходящего. Его това-

рищ по работе произносит слово «карма», позже говорит, что ему было явление Зеленого Будды. Финал же рассказа, вероятно, свидетельствует о том, что Кусатый уже сутки как умер: «И тут будто кто-то невидимый провел по глазам Семена шершавой ладонью — тянущее противное ощущение исчезло, мир на мгновение вспыхнул и потух» [1]. И, таким образом, метафорическое замечание о «смерти» бульника в самом начале, гротескные образы распадающейся реальности, песни о смерти, вроде «Сказки» В. Р. Цоя или «Степь да степь...» на стихи И. З. Сурикова, по ходу рассказа прочитываются задним числом как приметы посмертного бытия — бардо. Но, в отличие от героев пелевинского рассказа, Кусатый воспринимает свою смерть не только как прозрение о майвичности и страдательности жизни, но и как озарение — о возможности иного, всеобъемлющего и чистого среди бытовой и заводской «дряни». Неслучайно рассказу предпослан эпиграф из песни Б. Б. Гребенщикова «Река», содержащий образ метафизической реки бытия, проходящей сквозь человека. Обратная возможная параллель — это шуточное обозначение места, где написано произведение. Роман В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» написан в за-мысленном «Кафка-юрте» [24, с. 414], находящемся, вероятно, в метафизической Внутренней Монголии, роман «Дело непогашенной луны» — в Шамбале.

Религиозная толерантность Ордуси простерлась насколько далеко, что храмы разных религий свободно появляются во всех улусах, в том числе в священных местах друг друга. Так, в Александрии Невской (она же — Санкт-Петербург), заполненной «храмами самых разных конфессий» [17, с. 43], на проспекте Всеобъемлющего Спокойствия (он же — Невский проспект) рядом с православными храмами возвышаются храм Конфуция (вместо Исаакиевского собора) [25, с. 144], на крыше которого «в затылок друг другу выстроились оскалившиеся на злых духов львята» [12, с. 10], и Храм Света Будды с мощами Бодхидхармы, в котором «гул барабана догнал низкий рев большого колокола» [12, с. 10]. Оба храма, таким образом, не скрывают своего существования в русском пространстве: и визуально, и акустически они обозначают свою духовную работу, внешне далекую от православной.

Более того, в Александрии Невской сопрягается и сакральная топонимика: к Храму Света Будды через Неву-хэ ведет мост Святой Троицы (он же — Троицкий мост). Буддийские авторские экклезионизмы, таким образом, становятся органической частью православного александрийского (петербургского) пространства. То же — в Моськэ (или Москве), где на набережной возвышается тридцатитрехъярусная пагода Храма Тысячеликой Гуаньинь (по замечанию Т. Н. Бреевой, «история которого повторяет историю храма Христа Спасителя» [3, с. 99]), с которой видны многочисленные «храмы и колокольни» [17, с. 93] города.

Буддийский монастырь Чанцзяосы в Ордуси был построен на Соловецких островах, на что дала разрешение православная соловецкая община, руководствуясь принципом «Святая земля — она для всех святая, Господь ее для сомолитвенных усилий да душеспасительного тружdenия создал, а не для кого-то одного» [13, с. 46]. Православные спокойно восприняли и переименование буддийской сангхой Секирной горы в Тибет. Буддисты попросились на Соловки из-за схожих с Тибетом ланд-

шафтных и климатических условий: «Не менее православных благоговяющие перед холодными, пронзительными красотоми возвышенно-уединенных мест земных, духовные дети Будды не могли не заметить этих удивительных северных островов и не ощутить их близости к небесам» [13, с. 45]. В суровые, горные и холодные условия устремились и другие буддийские храмы и монастыри: буддийский монастырь был основан близ Шали, также в Ордуси «была выстроена без единого гвоздя сорокапятаярусная пагода в буддийском монастыре Юаньбэй Шаолинь — “Очень северный Шаолинь”, что на Новой Земле, на мысе Возвышенных Желаний» [18, с. 25].

Главы храмов и монастырей разных конфессий не только сотрудничают в общественной сфере (вроде строящих планетарий отца Киприана, настоятеля Соловецкого монастыря, и Шанцзо Хуньдургу, настоятеля монастыря буддийского), но и совместно совершают духовные деяния (например, что-то похожее на обряд экзорцизма производят Баоши-Цзы и отец Кукша в Храме Света Будды в Александрии Невской). В целом буддизм буквально оказывается созвучен православию в Ордуси, на Соловках, где «сверкающий радужный перезвон православных колоколов» соединяется с «мерным и медлительным рычанием колоколов буддийских» [13, с. 55].

И. А. Алимов и В. М. Рыбаков в цикле обозначают, кроме того, и мистическое сближение русского православного и буддийского. Причем как в серьезном, так и в пародийном виде. В романе «Дело лис-оборотней» Святой Савватий прибывает к тудишэню, духу местности, с приказом от Небесного Владыки. И. Б. Роднянская видит в этом сюжетном повороте не меньше, чем поругание христианства: «Превращая чтимого соловецкого святого в персонажа сказки, витающего над буддийским монастырем Вечно-истинного учения, а Северную Фиваиду — в твердьню все того же “синкретизма”, авторы, конечно, не рассчитывали на умиление православных читателей, но правильно предположили, что таких — ничтожное меньшинство и потеря невелика, зато многие прочие после этих забавных экзерсисов с особенной охотой устремятся в широкие врата Ордуси. Цена пропуска — почти нечаянный, почти безболезненный отказ от Христа» [26, с. 332]. В романе «Дело о полку Игореве» Баг посещает выставку художника Гэлу Цзунова (И. С. Глазунова) и рассматривает картину «Бессмертная Ордусь» (отсылка к «Вечной России»), на которой князь Александр Невский стоит на фоне горы Сумеру (священной горы в буддийской космологии [23, с. 542]), а также картину, являющуюся отсылкой к «Великому Китаю», на которой к Будде, Лао-Цзы и Конфуцию добавлены Христос и Мухаммад, и все они пребывают на горе Синай.

Буддизм русифицируется в цикле «Евразийская симфония» также на лексическом уровне. По критическому мнению И. Б. Роднянской, «авторы как стилисты воспроизводят навыворот дело Петра, чья эпоха насытила русскую речь варваризмами с другой стороны света (впоследствии ассимилированными), а вместе с ними — и новым складом ума» [26, с. 330]. В романе «Дело лис-оборотней» появляется неологизм «кармолюбивый», который, вероятно, произведен по аналогии с эпитетом «боголюбивый». И. А. Алимов и В. М. Рыбаков переделывают русские по-

словницы и поговорки, православные обращения к божеству, оставляя их синтаксический каркас и отдельные слова, но наполняя иным, буддийским содержанием и создавая «альтернативную идиоматику» [25, с. 146]: «Если бы да кабы, так и вся карма на дыбы» [14, с. 221], «Будда надвое сказал» [14, с. 241], «хвала Будде» [16, с. 140], «видит Будда» [16, с. 72], «милосердная Гуаньинь» [16, с. 18], «что Будда пошлет» [13, с. 187], «слышали звон, а Будду — вон...» [17, с. 15], «Если будет на то воля Будды...» [17, с. 18]. Более того, в романе «Дело о полку Игореве», то ли в словах повествователя, то ли в объединенном потоке мыслей Бага и Богдана, через запятую идут восклицания: «Господи Иисусе, Гуаньинь милосердная» [16, с. 317].

Буддийские коды обнаруживаются в фамилиях персонажей. Так, Мордехай Ванюшин из романа «Дело непогашенной луны» говорит сам о себе, что его фамилия созвучна иероглифу «вань», который означает буддийскую свастику, печать сердца Будды. При этом фамилия «Ванюшин» в первую очередь расшифровывается как отыменная, вызывая в сознании мысль об одном из самых укорененных и востребованных в русской культуре имен. Фамилия одного из главных героев — Богдана Оуянцева-Сю — отсылает к имени китайского поэта, эссеиста, мыслителя и государственного деятеля XI века. Оуяна Сю. И вместе с этим офамиленным именем к образу Богдана подключается сложная — между признанием и критикой — история отношения Оуяна Сю к буддизму в Китае. Богдан как бы преодолевает исторический и государственный комплекс своего пращура.

В целом последнее относится и к одному из литературных источников «Евразийской симфонии». Известно, что в этнодетективных романах Роберта ван Гулика (его имя породило псевдоним Хольм ван Зайчик, а имя главного героя его книг дало имя коту Бага) отношение к буддизму судьи Ди также было неоднозначным: с одной стороны, он, будучи убежденным конфуцианцем, смотрит на эту религию критически, с другой — признаёт право буддизма на провозглашение истины [7; 8].

По мнению А. Валентинова, задающего вопрос, насколько история Цветущей Ордуси адекватна реальной мировой истории, буддизм вряд ли бы вообще мог в ней существовать по причине своего «неактивного и непреобразовательного» характера, либо он должен был бы существенно трансформироваться: «буддийский храм в Александрии должен был выглядеть несколько непривычно, а встреча героя романа с отцом-настоятелем мало бы отличалась от встречи сегодняшнего опера с православным священником. Дух (ментальность, характер) народа всегда оказывается сильнее любых догм, и религии, дабы выжить, вынуждены приспособливаться... Итак, лик буддизма в Ордуси должен иметь славянские скулы и татарский разрез глаз» [4]. Вместе с тем не так радикально, но, собственно, именно это и произошло в цикле «Евразийская симфония». Буддизм, его идеи, его образы, его лексика на основе конфуцианского принципа «жэнь», принципа взаимодополнительности [11, с. 51], и принципа соединения разных религий в одном сознании встроились в пространство русской культуры Александрийского улуса, буддизм у И. А. Алимова и В. М. Рыбакова отчасти русифицировался: предложил свои ответы на традиционные проблемы, поставленные русской культу-

рой, вписался в русскую сакральную географию и общественную и религиозную жизнь, сконструировал альтернативную идиоматику.

При этом русификация буддийских реалий в цикле, ее утопическая идеологическая смелость, неожиданное транскультурное взаимодействие православного русского и буддийского смягчаются иронической интонацией авторов. И. А. Алимов и В. М. Рыбаков, подобно Б. Б. Гребенщикову, различными способами встраивают буддийские реалии в пространство российской культуры и повседневности. Но в отличие от Б. Б. Гребенщикова, буддийские песни которого можно разделить на серьезные и иронические, в романах Хольма ван Зайчика серьезность и ирония присутствуют одновременно.

Список литературы

1. Алимов И. А. Карма // In Beetween : [страница И. Алимова на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: <http://www.pvost.org/alimov/pages/txt/misc/karma.html> (дата обращения: 27.01.2022).
2. Алимов И. А. Китайский культ лисы и «Удивительная встреча в Западном Шу» Ли Сянь-миня // Петербургское Востоковедение. СПб., 1993. Вып. 3. С. 228–254.
3. Бреева Т. Н. Евразийство в структуре русского историософского романа рубежа XX–XXI веков // Евразийство и проблемы современной науки. Казань, 2012. С. 99–109.
4. Валентинов А. Пекин на Неве // Плохих людей нет : [страница Хольма ван Зайчика на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: http://orduss.pvost.org/pages/press_7.html (дата обращения: 27.01.2022).
5. Васубандху. Учение о карме / предисл., пер. с санскрита и коммент. Е. П. Островской и В. И. Рудого. СПб., 2000.
6. Гориченский А. Империя наносит ответный удар. Пока — удар литературный // Плохих людей нет : [страница Хольма ван Зайчика на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: http://orduss.pvost.org/pages/press_5.html (дата обращения: 27.01.2022).
7. Гулик Р. ван. Золото Будды. М., 2009.
8. Гулик Р. ван. Поэты и убийцы. М., 2010.
9. Двинятин Ф. Н. [Выступление на «Радио Россия. Петербург» 10.11.2001] // Плохих людей нет : [страница Хольма ванн Зайчика на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: <http://orduss.pvost.org/old/pages/dvinyatin.html> (дата обращения: 27.01.2022).
10. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : роман в 4 ч. с эпилогом. М., 1981. Ч. 1–2.
11. Дубакова А. А. «Евразийская симфония» Хольма ван Зайчика как утопия панрелигиозного и пансоциального экуменизма // Альманах современной науки и образования. 2009. № 2–3. С. 50–51.
12. Зайчик Х. ван. Дело жадного варвара : [роман] М. ; СПб., 2020.
13. Зайчик Х. ван. Дело лис-оборотней : [роман]. М. ; СПб., 2020.
14. Зайчик Х. ван. Дело незалежных дервишей : [роман]. М. ; СПб., 2020.
15. Зайчик Х. ван. Дело непогашенной луны : [роман]. М. ; СПб., 2020.
16. Зайчик Х ван. Дело о полку Игорева : [роман]. СПб., 2004.
17. Зайчик Х. ван. Дело победившей обезьяны : [роман]. М. ; СПб., 2020.

18. *Зайчик Х. ван*. Дело Судьи Ди : [роман]. М. ; СПб., 2020.
19. *Звездецкая М.* Ордусская правда // Плохих людей нет : [страница Хольма ван Зайчика на сайте издательства «Петербургское востоковедение»]. URL: <http://orduss.pvost.org/pages/vz.pdf> (дата обращения: 27.01.2022).
20. *Израэль Ш.* Наше прошлое — дело нашего будущего // Новая русская книга. 2001. №3—4. С. 188—196.
21. *Кондаков Б. В., Ван Кэвэнь, Красноярова А. А.* «Китайский текст» русской литературы XXI века // Казанская наука. 2018. №10. С. 44—48.
22. *Лобин А. М.* Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века. Ульяновск, 2015.
23. *Неаполитанский С. М., Матвеев С. А.* Энциклопедия буддизма. СПб., 2007.
24. *Пелевин В. О.* Чапаев и Пустота. М., 2003.
25. *Полухина Я. П.* Авторская модель альтернативной картины мира и ее языковая реализация в произведениях Хольма ван Зайчика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. №1 (31) : в 2 ч. Ч. 1. С. 143—147.
26. *Роднянская И. Б.* Ловцы продвинутых человек / Движение литературы : в 2 т. М., 2006. Т. 2. С. 326—337.
27. *Тэнзин Гьяцо (Далай-лама XIV)*. Этика в новом тысячелетии / пер. с англ. и ред. И. Мальского, Е. Кисленковой. М., 2006.
28. *Чудинова Е. П.* Вышел зайчик клеветать // Агентство политических новостей. URL: <https://www.apn.ru/publications/article33987.htm> (дата обращения: 27.01.2022).
29. *Юрьев Д. А.* Еврабия против Ордуси // Русская Idea : сайт консервативной политической мысли. URL: <http://politconservatism.ru/experiences/evrabiya-protiv-ordusi> (дата обращения: 27.01.2022).

Об авторе

Леонид Викторович Дубаков — канд. филол. наук, доц., Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китай.

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

The author

Dr Leonid V. Dubakov, Associate Professor, Shenzhen MSU-BIT University, China.

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

И. Д. Рудинский, Н. С. Пугачева

**РЕИНЖИНИРИНГ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ**

Поступила в редакцию 22.10.2021 г.

Рецензия от 23.01.2022 г.

95

Обоснована необходимость применения методологии реинжиниринга для формирования учебно-методической документации. Дано определение понятий «реинжиниринг» и «бизнес-процесс», описаны модель реинжиниринга бизнес-процессов, его цель и задачи. Выделены предпосылки использования реинжиниринга в современных условиях. Рассмотрены специфические особенности применения реинжиниринга для модернизации образовательных процессов, проанализированы объекты реинжиниринга в образовательной организации. Доказана необходимость автоматизации процесса разработки учебно-методической документации ввиду высокой трудоемкости ее составления. Использована модель «подковы» для описания главных принципов разработки учебно-методической документации. Сформулированы принципы автоматизированной разработки учебно-методической документации.

The article considers the necessity for using the methodology of reengineering for development educational and methodological documentation. The terms «reengineering» and «business process» are defined, as well as the model of reengineering of business processes, its aims and objectives are described. The authors examine the premises of using reengineering in modern conditions. Likewise, the peculiarities of the usage of reengineering for modernization of educational processes are considered, the objects of reengineering in an educational institution are analyzed. The heavy workload we face proves the necessity for automatization of the process of development educational and methodological documentation. The “horseshoe” model which describes main principles of development of educational and methodological documentation is used. The authors also formulate the principles of automatization of development educational and methodological documentation.

Ключевые слова: учебно-методическая документация, реинжиниринг, образовательный процесс, реинжиниринг процесса составления учебно-методической документации, специализированный программный комплекс

Keywords: educational and methodological documentation, reengineering, educational process, reengineering of the process of development of educational and methodological support, specialized software package

В настоящее время высшие учебные заведения стремятся к повышению качества оказываемых образовательных услуг с целью повышения конкурентоспособности и успешного функционирования в условиях рыночной экономики [3, с. 77]. Для решения поставленных задач необходимо непрерывно расширять сферы предоставляемых услуг и открывать новые направления, что может стать возможным благодаря активному внедрению информационно-коммуникационных технологий [3, с. 77]. Возрастающее влияние этих технологий на все сферы человеческой деятельности требует поиска обновленных способов проектирования образовательной среды, а цифровая трансформация образовательного процесса позволяет повысить качество и доступность профессионального образования [1, с. 68]. Именно для этого необходимо использовать методы реинжиниринга, с помощью которых можно модернизировать образовательную деятельность с учетом спроса на рынке образовательных услуг [3, с. 77]. На современном этапе реинжиниринг является необходимым условием для успешного функционирования и развития любой организации, в том числе и образовательной [19, р. 99]. Высшие учебные заведения являются передовыми организациями по внедрению инноваций, что обуславливает необходимость проведения реинжиниринга образовательного процесса [19, р. 104].

Целью настоящей работы является теоретическое обоснование необходимости проведения реинжиниринга процесса подготовки учебно-методической документации и формулирование конструктивных предложений по реализации этого подхода.

Рассмотрим подробнее понятие «реинжиниринг». Это полное переосмысление и пересмотр бизнес-процессов для того, чтобы достичь определенные результаты, улучшить такие показатели деятельности компании, как темпы, качество, стоимость и т.д. [17, с. 151]. Согласно В. А. Шкаберину и И. Н. Максимьяк, реинжиниринг — это глобальный пересмотр и полное перепроектирование бизнес-процессов учреждения, для того чтобы усовершенствовать основные параметры их реализации [7, с. 258]. Он направлен на «радикальное переосмысление и перепроектирование» бизнес-процессов в какой-либо области для достижения результативности и решения ряда назревших проблем в образовательном процессе [5, с. 181]. Реинжиниринг относится к одному из видов «процессно-ориентированных подходов к управлению» [3, с. 76].

Существует модель «подковы» для описания сущности понятия «реинжиниринг бизнес-процессов» [6, с. 73]. Она охватывает три этапа:

— первый — создание модели «как есть» (определяются способы для изменения существующей системы и возможные ресурсы для решения поставленной задачи);

— второй — изменение модели «как есть» и ее преобразование в модель «как должно быть» (проверяется соответствие новой модели показателям качества и осуществляется проверка имеющихся ограничений);

— заключительный — разрабатывается система с учетом «желаемой архитектуры».

Главная цель реинжиниринга — максимальная адаптация бизнес-процессов к изменяющимся предпочтениям современных клиентов путем создания универсальной модели ведения бизнеса [4, с. 312].

Основные задачи реинжиниринга [4, с. 312]:

- поставить цели и определить бизнес-процессы для их достижения;
- разработать критерии, на основе которых будет оценено качество бизнес-процессов;
- проанализировать бизнес-процессы с точки зрения качества, скорости выполнения, возможных издержек и т. д.;
- найти оптимальный вариант реализации бизнес-процессов при условии его соответствия заданному качественному уровню;
- разработать план действия для каждого участника бизнес-процесса.

Бизнес-процесс является главным понятием для определения сущности реинжиниринга [3, с. 76]. Под бизнес-процессом понимается некоторая совокупность последовательных взаимосвязанных действий, которые упорядочены во времени, чтобы преобразовать входные ресурсы в конечный продукт, который ожидает клиент на выходе [3, с. 77].

Виды бизнес-процессов [4, с. 311]:

- управляющие (распределяются ресурсы компании для достижения главной цели);
- операционные (осуществление главной деятельности организации);
- поддерживающие (направлены на обслуживание производственного процесса, его дополнение).

Реинжиниринг бизнес-процессов — это полное переосмысление и поэтапное изменение бизнес-процессов для качественного улучшения таких показателей, как стоимость, темпы и обслуживание [18, с. 90]. Реинжиниринг бизнес-процессов вызывает организационные изменения, перераспределение обязанностей, а также реинжиниринг информационных систем в целом [6, с. 73].

Главная цель реинжиниринга бизнес-процессов — это быстрая адаптация к предполагаемым запросам потребителей за счет стратегических, технологических, организационных изменений производства и управления с помощью современных информационных технологий [3, с. 76]. Современные информационные технологии являются основой реинжиниринга, так как они побуждают реинжиниринг бизнес-процессов, связывает их участников «в единые технологические цепочки» [3, с. 77].

Уровни реинжиниринга бизнес-процессов в зависимости от проводимых изменений [18, с. 90]: операционный (проводятся изменения одного участка бизнес-процессов); процессный (изменяется целый процесс); системный (включает структурные изменения всей бизнес-системы).

Реинжиниринг бизнес-процессов позволяет значительно преобразовать как организационную структуру, так и информационные потоки, что вызывает необходимость поиска и внедрения новых методов сбора, хранения и обработки информации [6, с. 75].

Этапы реинжиниринга бизнес-процессов [4, с. 313–314]:

- подготовка к преобразованию (оценка уместности будущих преобразований, проверка наличия необходимых для этого ресурсов, отбор участников);
- стратегическое планирование (определение основных целей и постановка задач);
- перепроектирование (анализируются существующие бизнес-процессы, разрабатывается новая модель бизнеса);

- адаптация системы к будущим изменениям (адаптация к новой модели бизнеса);
- процесс реинжиниринга (применение разработанной модели ведения бизнеса).

Зачастую при реализации реинжиниринга используются CASE-средства, которые являются совокупностью методов и инструментов программной инженерии и позволяют решить поставленные задачи путем проведения структурного анализа предметной сферы, применения стратегического планирования и использования ресурсов компании [8, с. 368—369].

Таким образом, главным достоинством реализации реинжиниринга является [8, с. 370] возможность создать усовершенствованную бизнес-модель, снизить издержки производства, повысить конкурентоспособность, улучшить качественные показатели деятельности организации, применять современные информационно-коммуникационные технологии, создать необходимые условия для инновационной деятельности.

Обратимся к особенностям реализации реинжиниринга применительно к образовательным процессам. Реинжиниринг образования — это глобальное перепроектирование процессов для того, чтобы значительно улучшить деятельность учебного учреждения [14, с. 38—39].

В настоящее время реинжиниринг позволяет решить ряд проблем в осуществлении деятельности образовательной организации [2, с. 54]. В частности, он дает возможность быстро организовать работу в соответствии с текущими потребностями рынка образовательных услуг на основе возможностей современных информационно-коммуникационных технологий [10, с. 220].

С позиций реинжиниринга образовательный процесс — это процесс, организованный особым образом для достижения главных целей образовательной организации и включающий набор действий, связей между его подразделениями, субъектами и объектами деятельности, а также между этой организацией и внешней средой [3, с. 77]. Это главный процесс в образовательном учреждении, который должен реструктурироваться для достижения поставленных целей [10, с. 220]. Для обеспечения развития образовательной организации необходимо реструктурировать реализуемые в ней базовые процессы, прежде всего связанные с учебной деятельностью и с ее обеспечением [10, с. 219]. Каждая категория образовательных организаций характеризуется набором базовых процессов, направленных на реализацию целевой функции. Реорганизация образовательного процесса — сложная задача, для выполнения которой нужна особая методическая и инструментальная опора [11, с. 934]. Инструментом создания инновационной модели образовательного процесса и является реинжиниринг бизнес-процессов [3, с. 76].

В работе М. Д. Прасоловой и Г. В. Александровой [11] описывается процесс реинжиниринга организационного процесса в учебном заведении, который включает следующие этапы: проблемно-целевой; планирование; организационный; практический.

А. А. Демидович и И. А. Демидович описывают использование процессного подхода в образовательной организации, суть которого состоит в рассмотрении ее функционирования как совокупности взаимосвя-

занных процессов [2, с. 55]. Главное в процессном подходе — определить, классифицировать основные процессы образовательной организации, составить реестр этих процессов в виде таблицы или «обобщенной карты взаимодействия процессов», то есть в виде графического описания [2, с. 55].

Чаще всего объектами реинжиниринга в образовательной организации выступают [3; 10] организационная структура учебного заведения, организация образовательного процесса, учебная деятельность, научно-методическая деятельность, методы обучения, формы обучения, средства обучения, учебные дисциплины и т. д.

В то же время одним из перспективных объектов реинжиниринга в высшем учебном заведении является процесс разработки учебно-методической документации (УМД). Необходимость ее автоматизированного составления отмечается, в частности, в работе А. Ю. Носиковой [10, с. 220]. Она указывает, что ручная разработка УМД в силу отсутствия автоматизированной системы ее разработки ведет к ошибкам в оформлении документации, выполнению преподавателями «лишних функций», значительным временным затратам [10, с. 221]. Это доказывает необходимость создания автоматизированной системы управления образовательным процессом в учебном заведении, которая должна выполнять такие задачи, как «автоматизация делопроизводства», то есть хранение информации о студентах и преподавателях, расчет учебной нагрузки, формирование индивидуальных планов преподавателей, формирование отчетности и т. д. [10, с. 222].

Тем не менее процесс составления учебно-методической документации не рассматривается как объект реинжиниринга, хотя УМД, которая отвечает установленным требованиям и критериям, позволяет достичь поставленных целей обучения, лучше освоить содержание образовательного процесса [16, с. 307], а также совместно с правильно выбранными методами обучения гарантирует более высокие учебные достижения [9, с. 6].

Инновационная деятельность, которая ведется высшими учебными заведениями при реализации новых программ и современных образовательных проектов, направлена на улучшение учебно-методической документации системы образования [15], что обуславливает актуальность и необходимость реинжиниринга процесса составления УМД.

По нашему мнению, реинжиниринг процесса составления таких учебно-методических документов, как рабочие программы дисциплин, фонды оценочных средств, учебно-методические пособия для студентов, методические рекомендации для преподавателей и т. п., позволит решить ряд проблем формирования УМД, а именно:

- сократить трудозатраты преподавателей на составление и актуализацию этой документации;
- устранить ошибки и неточности в ее оформлении;
- упростить оформление УМД в соответствии с действующими требованиями;
- обеспечить взаимно однозначное соответствие составляемых учебно-методических документов, таких как учебный план, рабочая программа дисциплины, фонд оценочных средств и т. п.

Для описания основных принципов реинжиниринга процесса составления УМД будем использовать упомянутую выше модель «подковы». На первой стадии строится модель процесса «как есть» (англ. *as is*), то есть описывается реализуемый в настоящее время процесс составления УМД. Большую часть учебно-методической документации преподаватели высших учебных заведений вынуждены составлять вручную, в лучшем случае используя универсальные средства автоматизации обработки символьной информации, предоставляемые текстовыми редакторами. На второй стадии реинжиниринга модель «как есть» преобразуется в модель «как должно быть» (англ. *to be*).

Проведенный нами анализ показал, что на первом этапе этой стадии наиболее целесообразна автоматизация создания рабочих программ дисциплин [13, с. 60–61]. Эти документы составляются в массовом порядке, имеют фиксированную и достаточно редко изменяющуюся структуру, а процедуры формирования их разделов поддаются эффективной алгоритмизации. Для реализации этого этапа ведется разработка специализированного программного комплекса, обеспечивающего автоматическое выполнение большинства рутинных операций обработки данных (таких как выборка данных из учебного плана, размещение их в шаблоне документа и т. п.) и диалоговый режим выполнения интеллектуальных операций типа формулирования тематического плана изучения дисциплины, распределения часов по темам, определения содержания формируемых компетенций или их компонентов и т. п. Методологическую базу функционирования разрабатываемого продукта составляют следующие принципы [12, с. 14]:

— основным источником входной информации являются федеральный государственный образовательный стандарт и учебный план по соответствующему направлению подготовки;

— используются шаблоны разрабатываемых документов, структура которых может адаптироваться под требования конкретного пользователя;

— оформление и форматирование документа осуществляется автоматически на основании информации, отраженной в его шаблоне;

— пользователь имеет возможность вручную корректировать как шаблон разрабатываемого документа, так и итоговый документ;

— информационно-методическое обеспечение конструктивной деятельности пользователя за счет создания руководства по составлению рабочей программы дисциплины и реализации интерактивной поддержки этого процесса.

Схематичное представление модели автоматизированной разработки рабочей программы дисциплины представлено на рисунке.

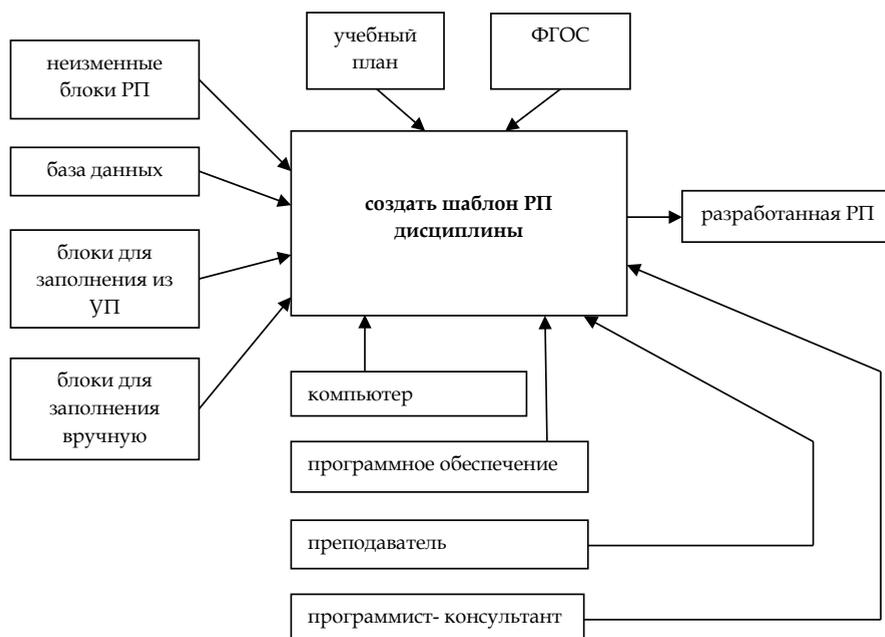
На следующем этапе реализации модели «как должно быть» предусматривается автоматизированное выполнение процедуры построения фондов оценочных средств по тем дисциплинам, рабочие программы которых составлены по предлагаемой технологии. Возможность и целесообразность автоматизации оформления других компонентов учебно-методической документации должны определяться исходя из успешности применения средств, описываемых в настоящей статье.

По предварительным оценкам, автоматизированное составление рабочих программ дисциплин и фондов оценочных средств сократит трудоемкость этих операций в 3–5 раз по сравнению с их ручным выполнением, что позволит преподавателям вузов уделять существенно больше времени продуктивному общению со студентами. Важно отметить, что в рамках реинжиниринга процесса составления учебно-методической документации не просто предусматривается автоматизация подготовки конкретных документов, а предполагается изменение технологии работы с этой документацией на всех уровнях организации, управления и осуществления образовательного процесса.

По нашему мнению, реализация концепции реинжиниринга применительно к процессу составления учебно-методической документации позволит уменьшить остроту существующих в настоящее время проблем создания и совершенствования учебно-методического обеспечения, а также сократить временные затраты преподавателей на его подготовку, что приведет к повышению эффективности функционирования образовательного учреждения в современных условиях.

101

Модель автоматизированной разработки рабочей программы дисциплины

Список литературы

1. Баранова Е. М., Куценко Е. А. Электронный учебно-методический комплекс как компонент цифровой образовательной среды колледжа // Педагогическое образование в России. 2019. №7. С. 67–75.
2. Демидович А. А., Демидович И. А. Реинжиниринг бизнес-процессов в образовательном учреждении // Проблемы и перспективы развития экономики и управления : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2018. С. 53–56.

3. *Евстигнеева О. А.* Реинжиниринг в сфере образования как необходимое условия развития национальной экономики // *Инновационные процессы в национальной экономике и социально-гуманитарной сфере* : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 2018. С. 75–78.
4. *Кольцова К. С.* Реинжиниринг бизнес-процессов // *Интеллектуальный потенциал XXI века инновационной России* : матер. Всерос. науч.-практ. конф. Мценск, 2020. С. 311–315.
5. *Лаврёнов А. Н., Клименко А. А.* Реинжиниринг образовательной робототехники в системе дополнительного образования // *Физико-математическое образование: цели, достижения и перспективы* : матер. междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2019. С. 180–182.
6. *Макарова С. С.* Реинжиниринг бизнес-процессов: взгляд с точки зрения автоматизации // *Гуманитарный научный вестник*. 2021. №3. С. 72–76.
7. *Максимьяк И. Н., Шкаберин В. А.* Реинжиниринг бизнес-процессов социальных и экономических систем на примере высшего учебного заведения // *Современное состояние, проблемы и перспективы развития отраслевой науки* : сб. матер. Всерос. конф. М., 2017. С. 257–262.
8. *Меметова Э. Э., Таймазова Э. А.* Сущность реинжиниринга бизнес-процессов // *Учетно-аналитическое обеспечение стратегий устойчивого развития предприятия* : сб. науч. тр. науч.-практ. конф. Симферополь, 2018. С. 366–370.
9. *Мирзагитова А. Л.* Структура учебно-методического обеспечения дисциплины в условиях реализации ФГОС // *Современные проблемы социально-гуманитарных наук*. 2016. №2 (4). С. 5–8.
10. *Носикова А. Ю.* Реинжиниринг процессов управления учебной деятельностью образовательной организации // *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*. 2020. Т. 3, №12. С. 219–223.
11. *Прасолова М. Д., Александрова Г. В.* Выявление процессе реинжиниринга в образовательной организации на примере отдела информатизации // *Международный студенческий научный вестник*. 2018. №4–6. С. 934–935.
12. *Рудинский И. Д., Пугачева Н. С.* Методология автоматизации учебно-методической деятельности преподавателя вуза // *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования)*. 2021. №2 (56). С. 12–15.
13. *Рудинский И. Д., Пугачева Н. С.* Автоматизация процесса разработки учебно-методической документации // *Вестник науки и образования Северо-Запада России*. 2020. №2. С. 54–63.
14. *Рыжиков С. Н.* Реинжиниринг учебного процесса посредством виртуального учебно-методического комплекса // *Современное дополнительное профессиональное педагогическое образование*. 2018. Т. 4, №1 (14). С. 38–48.
15. *Об образовании в Российской Федерации* : федер. закон №273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. с изменениями 2019 г. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru> (дата обращения: 21.08.2021).
16. *Фоминых И. В.* Роль учебно-методического комплекса в обеспечении качества образования // *Теория и практика образования в современном мире* : тез. докл. междунар. конф. СПб., 2014. С. 307–309.
17. *Хаммер М., Чампи Дж.* Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе. СПб., 1997.
18. *Чабыкина Е. А.* Реинжиниринг бизнес-процессов как инструмент проектного управления // *Менеджмент. Теория и практика*. 2020. №1–3. С. 89–93.

19. Harb H., Abazid M. An overview of the business process re-engineering in higher education // Asian Journal of Management Sciences & Education. 2018. Vol. 7, №2. P. 99–106.

Об авторах

Игорь Давидович Рудинский — д-р пед. наук, канд. техн. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта; Калининградский государственный технический университет, Россия.

Email: irudinskii@kantiana.ru

Наталья Сергеевна Пугачева — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

Email: NPugacheva@kantiana.ru

103

The authors

Prof. Igor D. Rudinskiy, Doctor of Pedagogy, Full Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad State Technical University, Russia.

E-mail: irudinskii@kantiana.ru

Natalia S.Pugacheva, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: NPugacheva@kantiana.ru

**А.О. Бударина, И.Н. Симаева,
А.С. Чуприс, В.А. Шатохина**

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ: ОПЫТ СИНГАПУРА

104

Проанализированы особенности подготовки педагогов в стране, которая имеет высокие международные оценки достижений школьников, – Сингапуре. Показан акцент целей педагогического образования на общественных ценностях и этических принципах, а технологий и методов – на педагогической рефлексии и практической подготовке студентов к различным образовательным ситуациям. Освещен отдельный аспект цифровизации педагогического образования: формат и назначение профессионального портфолио будущего учителя. Цель статьи – расширить доказательную базу исследований в сфере педагогического образования путем анализа специфики подготовки педагогов для системы образования Сингапура, которая играет определяющую роль в успехах школьного образования в этой стране.

Методологической основой исследования выступили комплексный подход с элементами социокультурного подхода к анализу специфики образовательной ситуации в Сингапуре, аксиологический подход к организации обучения будущих учителей. Главный метод – сравнительно-сопоставительный анализ количественных и качественных данных о развитии образования в Сингапуре, информации из официальных образовательных интернет-ресурсов Сингапура, Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment), материалов и дискуссии международного семинара «Педагогическое образование XXI века: новые вызовы и решения» (Беларусь, Минск, 2021). В качестве дополнительного использован междисциплинарный метод PEST-анализа.

Сравнительно-сопоставительный анализ состояния, основных идей и тенденций развития педагогического образования в Сингапуре выявил специфические особенности принципов, целей, ценностей и технологий подготовки будущих учителей. Современная модель обучения педагогов базируется на взаимосвязи рефлексивной профессиональной практики и педагогических исследований. Новизна исследования заключается в анализе особенностей педагогического образования Сингапура как страны с высокими показателями качества школьного обучения в контексте политических и экономических условий, а также социально-культурного контекста сингапурского общества в разрезе ценностей, целей, принципов педагогического образования.

The article presents an analysis of the features of teacher training in Singapore, a country that has high international acclaim for the achievements of schoolchildren. The goals of pedagogical education focus on social values and ethical principles, while technologies and methods are aimed at pedagogical reflection and practical preparation of students for various educational sit-

uations. A separate aspect of the digitalization of teacher education is highlighted, i.e., the format and purpose of the professional portfolio of the future teacher. The main goal of the article is to expand the evidence base of research in the field of teacher education by analyzing the specifics of teacher training for the education system in Singapore, which plays a decisive role promoting school education in this country.

Methodologically, the study relied on an integrated approach with elements of a socio-cultural approach while analyzing the features of the educational situation in Singapore, an axiological approach to organizing the training of future teachers. The main method is a comparative analysis of quantitative and qualitative data on the development of education in Singapore, the information from the official educational Internet resources of Singapore, the International Programme for International Student Assessment (PISA), papers and discussions of the international seminar "Pedagogical Education 21st century: new challenges and solutions" (Belarus, Minsk, 2021). The interdisciplinary method of PEST-analysis was used as an additional method.

A comparative analysis of the state, main ideas and trends in the development of teacher education in Singapore revealed specific features in the principles, goals, values and technologies of training future teachers. The modern model of teacher training is based on the relationship between reflective professional practice and pedagogical research. The novelty of the current research lies in the analysis of teacher education in Singapore, a country with high rates of school education quality, in the political, economic and socio-cultural context.

Ключевые слова: образовательная компаративистика, цели педагогической подготовки, рефлексивные технологии в обучении студентов, практическая подготовка будущих учителей, цифровое портфолио педагога.

Keywords: educational comparative studies, goals of pedagogical training, reflective technologies in teaching students, practical training of future teachers, digital portfolio of a teacher

Введение

Авторитет, достижения и опыт российского образования в последнее десятилетие находятся в эпицентре дискуссий ученых, педагогов, родительской общественности и других субъектов образовательной деятельности. Их суждения и оценки весьма противоречивы. Так, сторонники консервативных подходов призывают обратиться к достижениям советской системы образования, открыто или латентно сопротивляются инновациям, сводя их к формальным мероприятиям. Их оппоненты, напротив, стремятся реализовать идеи всеобщей стандартизации в русле глобальных реформ, инициированных Болонским процессом [2–4].

Противоречивое отношение к образовательным реформам обусловлено сложностью и инерционностью самого процесса образования, а также релевантностью его результатов в контексте социально-экономических и общественных трансформаций в России, глобальных перемен [7]. Кроме того, интеграция российского образования в обще-

европейскую и мировую образовательную практику высветила существенный факт, который стал основанием для критики общего и профессионального педагогического образования в России, — повторяющиеся из года в год невысокие результаты российских школьников по международным оценкам (PISA и др.).

В данных обстоятельствах представляется важным анализ опыта других стран, которые также прошли путь динамичного реформирования образования на всех его уровнях и имеют более высокие достижения.

Материалы и методы

106

Комплексный подход к исследованию опыта педагогического образования в Сингапуре с учетом социокультурной специфики и образовательной политики позволяет понять происхождение успехов и стремительного роста результативности сингапурского образования. Метод конфронтации при сравнении России со страной, которая разительно отличается по демографическим, этническим, социально-экономическим основаниям и культурным традициям, позволяет более ярко продемонстрировать специфику и в то же время оценить перспективы взаимообогащения национальных образовательных систем России и Сингапура, адаптации эффективных практик для обучения педагогов в российских вузах.

Анализ опыта педагогического образования опирается также на аксиологический подход в контексте ориентированности на главные ценности и смыслы, которые реализуются в процессе профессиональной подготовки и «обучения в течение всей жизни» педагогов.

Главный метод — сравнительно-сопоставительный анализ количественных и качественных данных о развитии образования в Сингапуре, информации из официальных образовательных интернет-ресурсов Сингапура, Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment), материалов и дискуссии международного семинара «Педагогическое образование XXI века: новые вызовы и решения» (Беларусь, Минск, 2021). В качестве дополнительного использован междисциплинарный метод PEST-анализа для выявления некоторых политических, экономических и социальных аспектов профессиональной подготовки педагогов, которые влияют на достижение сингапурскими школьниками стабильно высоких результатов. Политические и экономические аспекты освещаются потому, что они демонстрируют значимость образования для государства и общества, определяют материально-технические ресурсы. Социокультурный и социально-антропологический контент в эффективности сингапурских педагогических технологий представлен социальным компонентом PEST-анализа. Применение данного метода позволило выделить несколько обобщенных категорий для анализа особенностей национальной системы образования в Сингапуре: основные этапы и уровни образования, особенности образовательной ситуации, методы и формы организации обучения, содержание образования, цели и ценности обучения и развития личности педагога.

Результаты исследования

Вступление России в Болонский процесс в 2003 году, казалось бы, сблизило отечественное педагогическое образование с общеевропейской системой, изменив его структуру (в форме трехступенчатой системы высшего образования) и усилив европейское влияние на формирование оценочных критериев и методологии. Реформы 2003–2017 годов привели к переходу на двухуровневую систему педагогического образования при сохранении программ пятилетнего цикла по ряду направлений с двумя профилями подготовки [1].

Содержание образовательных программ и фонды оценочных средств разрабатываются в русле компетентного подхода ФГОС уже нескольких поколений, в частности при подготовке будущих учителей. Регулярные аккредитации, обеспечивающие контроль над содержанием образовательных программ, проводятся независимой организацией (Гильдией экспертов в сфере профессионального образования) с привлечением работодателей и самих студентов. Рособрнадзор периодически контролирует условия организации образовательного процесса в вузах.

Тем не менее образовательные реформы не дали желаемых результатов. Данные международного сопоставительного исследования качества образования в рамках Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся PISA, которое проводит в Российской Федерации ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования», не выявили положительной динамики читательской, математической и естественно-научной грамотности 15-летних учащихся школ с 2000 по 2018 год. В рейтинге читательской грамотности школьников среди 77 стран показатель некогда самой читающей страны в мире — от 28-го до 34-го места [6; 11]. При этом средний балл российских обучающихся по читательской грамотности меньше среднего стран ОЭСР на 8 баллов, уступая среднему десяти ведущих стран на 47 баллов.

Заметим, что по определению читательская грамотность — это «способность человека понимать, использовать, оценивать тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своей цели, расширять свои знания и возможности и участвовать в жизни общества» [6; 13]. Она является основой сознания, мировоззрения и развития личности нового поколения граждан, поскольку дает возможность осмысливать и анализировать читаемое, в том числе отделять факты от мнений, ложную информацию от достоверной.

Практически таков же рейтинг результатов российских школьников по математической грамотности, которая трактуется как «способность индивидуума формулировать, применять и интерпретировать математику в разнообразных контекстах. Она включает математические рассуждения, использование математических понятий, процессов, фактов и инструментов, чтобы описать, объяснить и предсказать явления. Она помогает людям понять роль математики в мире, высказывать обоснованные суждения и принимать решения, которые необходимы конструктивному, активному и размышляющему гражданину» [11].

Сопоставительная оценка естественно-научной грамотности, под которой в исследовании PISA понимается «способность использовать естественно-научные знания для постановки вопросов, освоения новых знаний, объяснения естественно-научных явлений и формулирования выводов, основанных на научных доказательствах в отношении естественно-научных проблем; понимать основные особенности естественнонаучного познания как формы человеческого познания; демонстрировать осведомленность о влиянии естественных наук и технологий на материальную, интеллектуальную и культурную сферы жизни общества; проявлять активную гражданскую позицию по вопросам, связанных с естественнонаучным» отводит России 30–35-е место среди 78 стран [12].

В то же время в 2018 году, как и в предыдущих циклах исследования, первые места стабильно принадлежат странам Юго-Восточной Азии. Указанные тенденции заставляют нас не только изучать достижения в сфере образования в западном направлении, но и анализировать опыт, в частности, Сингапура, школьники которого уверенно занимают 2-е место по всем вышеназванным показателям что указывает на высокий уровень образовательных достижений [6; 8], а следовательно – на высокую квалификацию и качественную подготовку учителей [15; 16].

Заметим, что еще в 1960-х годах Сингапур был бедной страной третьего мира, не имевшей очевидных экономических преимуществ и значительных запасов природных ресурсов. Большая часть населения была нищей и безграмотной. В стране процветали коррупция, торговля наркотиками и морское пиратство. За несколько десятков лет эта страна превратилась из нищей в одну из самых богатых в мире. Феномен Сингапура правомерно называют экономическим чудом Азии [5].

Достигнуть столь высокого уровня в короткие сроки и без изменений было бы сложно. Трансформация образования в Сингапуре началась в 2014 году на фоне экономического роста, который обеспечил достойное материально-техническое оснащение образовательных учреждений [16]. Побудители реформ в принципе не отличались от других стран: рост экономики вызвал потребность повысить качество подготовки преподавателей по таким направлениям, как углубление профессионализма, усиление практики, развитие областей педагогической науки и развитие перспектив. И хотя Сингапур – один из мировых лидеров в высокотехнологичных отраслях, таких как электроника и фармацевтика, крупнейший финансовый и нефтеперерабатывающий центр, его «экономическое чудо» зиждется не только на экономических реформах и борьбе с коррупцией, но и на социальной модернизации. Важнейшим оплотом последней является система образования.

Видный ученый и общественный деятель Тан Ун Сенг, профессор и директор Центра исследований детского развития CRCD в Национальном институте образования Сингапура (NIE, National Institute of Education Singapore), возглавил инициативу «Педагогическое образование для XXI века» (TE 21), ставшую важной вехой в развитии педагогического образования. Он также выступил одним из организаторов Международной исследовательской сети по педагогическому образованию «Всемирная ассоциация исследований в области образования» (WERA) и главой сингапурской команды Глобальной инновационной инициа-

тивы в области образования (GEP), направляемой Гарвардской высшей школой образования. Его концепция проблемно-ориентированного обучения легла в основу модели педагогического образования для XXI века, получившей название V3SK. Ее ядром стали три ценности: мышление, ориентированное на учащегося, развитие личности учителя и социальное совместное обучение. В то же время, рассматривая эволюцию и инновации педагогического образования в Сингапуре, ученый указывает на необходимость постоянного совершенствования учебных программ, которые должны соответствовать новым компетенциям [16; 17].

Реформы привели к переосмыслению понятий профессионализма и призвания учителя. Изменения в педагогическом образовании перенесли акцент на самостоятельное исследование и обучение с помощью современных технологий, укрепление связей между теорией и практикой посредством школьного партнерства и наставничества, а также эффективные исследования в таких областях, как оценка и развитие педагогических компетенций, практики и наставничества.

Результатами стало повышение качества педагогического образования, включая обновление учебных программ для повышения имиджа и профессионализма учителей, усовершенствование программ последипломного образования для начинающих учителей, расширение практики преподавания за счет междисциплинарных программ, возможности международной практики для преподающих в школах студентов NIE, технологическое обучение и инфраструктурные улучшения на основе дизайн-мышления. Профессор Тан отстаивал идею о том, что преподаватели в Сингапуре должны обладать высокой исследовательской грамотностью и иметь возможности совершенствования педагогической практики посредством научно обоснованных исследований. Его идеи получили поддержку правительства: финансирование исследований в области образования в течение 2018–2022 годов увеличилось на 25% и составило 127 млн сингапурских долларов [18].

Значительное внимание в процессе реформирования уделялось развитию и обновлению лидерства в научных кругах и системе образования в целом: в ключевых образовательных агентствах, включая Сингапурский совет по экзаменам и оценке (SEAB), Сингапурский центр китайского языка (SCCL), Национальный институт развития детей младшего возраста (NIEC) и др. [18]. По убеждению профессора Тана, «образование заключается в том, чтобы предоставить свободу, дать веру и надежду каждому учащемуся и помочь всем реализовать свой жизненный потенциал, независимо от их положения в жизни... Сталкиваясь с неопределенностями XXI века, учителя и ученики должны обладать упорством и стойкостью, чтобы справиться со многими проблемами и развиваться целостно», – писал он [17]. Поэтому педагоги и руководители школ должны мыслить нестандартно и всегда стремиться видеть более широкую картину, чтобы учить детей, подготавливая их к будущему.

Иными словами, цели педагога изменились: вместо ориентации на оценку теперь во главе угла персонализированное развитие обучающегося, стимулирование положительного эмоционального настроения к об-

учению с учетом социальных и культурных аспектов образовательной среды. Обучение теперь включает в себя как познание, так и формирование мировоззрения.

Интериоризации ценностей в процессе обучения будущих учителей способствуют специальные программы – такие, как проект «Меранти», направленный на разъяснение этических норм и понимание ценностей; проект «Понимание сообщества: коллективные усилия в сервисном обслуживании» (обучение служению и служение с целью обучения, получение разнообразного опыта через взаимодействие); проект «Сингапурский калейдоскоп» и др. Участие в этих программах позволяет студенту лучше понять самого себя, других, нужды общества. Идея проектного обучения и преподавания заключается еще и в том, что невозможно «на сто процентов» подготовить учащегося независимо от насыщенности подготовки учебных программ, но реально дать ему навыки, которые он может использовать в процессе дальнейшего обучения [8].

Участвуя в дискуссии о высоких достижениях сингапурских школьников в PISA, Лю Вун Chia, декан педагогического факультета, профессор академической группы по психологии и человеческому развитию Национального института образования Сингапура, основатель Лаборатории исследований мотивации в образовании, также отмечала, что достигнуть изменения профиля учащегося стало возможным вследствие соответствующего изменения педагога [8]. Из вышеприведенных целей и принципов очевидно, что к будущему педагогу предъявляются довольно высокие требования: помимо технического знания дисциплины, он должен обладать способностями «создавать личность», концентрироваться на целях обучения и выступать его фасилитатором, архитектором и лидером, проявлять гибкость, расставлять приоритеты при трансляции знаний учащимся, быть своего рода «хранителем общественных ценностей». Важнейшим условием для обучения и совершенствования такого педагога, согласно Л.В. Chia, становится организация коллаборации, при которой педагоги вовлекают в учебный процесс учащихся, и он приобретает совместный характер.

Обзор публикаций позволяет отметить, что системообразующим принципом планирования содержания и этапов обучения будущих учителей является взаимосвязь рефлексивной профессиональной практики и педагогических исследований [9; 10]. Данный принцип положен в основу рефлексивной модели обучения и развития педагога в процессе систематического целенаправленного изучения собственной профессиональной деятельности [14; 17]. С одной стороны, педагогические исследования предполагают преднамеренное спланированное осмысление, повышенное внимание к постановке задачи, они более систематичны в учебном плане, то есть включают в себя рефлексивную практику как составляющую. С другой – рефлексивная практика как важная часть педагогического исследования может выступать как в явных (к примеру, ведение дневника), так и в неявных формах (целенаправленные беседы и обсуждения в рамках расширенного учебного практикума) [20].

Метакурс по профессиональной практике и исследованиям для педагогов охватывает несколько семестров, чтобы обеспечить непрерывное обучение на протяжении всей программы подготовки будущих

учителей. Его цели-результаты существенно отличаются от российских компетенций и заключаются в следующем: 1) студент должен уметь сформулировать и изложить свою *личную философию обучения*; 2) уметь рефлексировать и делиться *своей концепцией преподавания и обучения*; 3) уметь *интегрировать и агрегировать* свое обучение по различным курсам и практическим занятиям, а также свое отношение к компетенциям выпускников и преподавателей Национального института образования; 4) уметь четко формулировать связь между теорией и практикой; 5) уметь презентовать свое преподавание и обучение, используя *личное цифровое портфолио*; 6) осознавать важность осмысления и исследования в своей профессиональной практике [8; 19].

История курса «Профессиональная практика и исследования» в педагогическом образовании Сингапура берет начало в 2010 году как инициатива ePortfolio группы студентов и преподавателей. Тогда была обоснована необходимость целенаправленных бесед-дискуссий как систематизированной платформы для профессионального общения и наставничества во время учебной практики, а также создания цифрового портфолио как инструмента для исследований и рефлексии. В 2014 году она оформлена в как самостоятельный метакурс, а к 2015 году распространена на всех студентов всех программ начальной подготовки учителей [8–10].

Ключевой задачей педагогического образования была признана подготовка учителей, которые могут «учиться для преподавания» и «учиться путем преподавания», то есть автономно мыслящих рефлексивных практиков-исследователей [20]. Она отражена в учебном плане и графике: 4 дня студенты практикуют в школе в качестве ассистента учителя, 1 день в институте выделен для метакурса по профессиональной практике и исследованиям, а также учебных дисциплин

Цифровое «Портфолио обучения и преподавания» стало мощным инструментом для решения поставленных задач — создания графика обучения и личностного роста, всей схемы учебного пути студента-педагога, самоуправления, рефлексивной практики и исследований, установления связей в профессиональном сообществе и непрерывного обучения. Методически портфолио используется как инструмент для построения концептуальной карты преподавания и обучения, включая формирование связей между различными модулями и практикующим, а формально содержит электронную коллекцию аутентичных и разнообразных свидетельств обучения и достижений, артефактов, достижений начинающего учителя, отражает рефлексию о преподавании и убеждениях, о личности преподавателя и т.п. Интерфейс e-Портфолио — сайт, структура которого построена на вышеупомянутой модели рефлексивной практики (целенаправленные вопросы для презентации, беседы-дискуссии о возникающих проблемах на уроках, мотивационных и учебных стратегиях, педагогических компетенциях и т.д.) [8; 14; 19]. Студенты учатся не только рефлексировать, но и тщательно отбирать артефакты из цифрового портфолио во время презентации своего опыта преподавания. Работа с данными для портфолио позволяет им составить график личностного и профессионального роста, способствует развитию рефлексивных практик, а также является доказательством достижения ценностей и компетенций. Подобная нацеленность на ка-

чественную сторону образовательного процесса и подготовку инициативных и ответственных преподавателей позволяет студентам понять факторы, способствующие развитию общества и культуры [9].

Выводы

Несмотря на активное участие в глобальных инновациях, отличительная черта субъектов современного сингапурского педагогического образования состоит в нацеленности не только на компетенции как обретение различных знаний и качеств, но и на приоритетные ценности, ориентированные на: а) ученика (сочувствие, вера в успешность, потенциал ребенка, ценность разнообразия); б) личность учителя (нацеленность на высокие стандарты, пытливый характер, стремление к обучению и совершенствованию, устойчивость и адаптивность, этичность, профессионализм); в) служение профессии и обществу (совместное обучение и практика, развитие ученичества и наставничества, социальная ответственность и вовлеченность, планирование и управление).

Таким образом, основная специфика педагогического образования, которая экстраполируется затем на всю профессиональную деятельность учителя, состоит в ориентации не на оценку, а на персонализированное развитие обучающегося, стимулирование положительного эмоционального отношения к обучению с учетом возможных изменений социальных и культурных аспектов образовательной среды.

Сильные и эффективные программы обучения будущих учителей в Сингапуре базируются на принципе тесной взаимосвязи рефлексивной профессиональной практики и педагогических исследований, которые обеспечены метакурсом по профессиональной практике и исследованиям и отражены в цифровом «Портфолио обучения и преподавания» – мощном инструменте обучения и профессионального развития педагога с самого начала его становления.

Педагогическое образование в Сингапуре направлено на подготовку профессиональных лидеров в области образования, которые способны активно исследовать и решать проблемы в сфере образования. Это влечет за собой долгосрочное видение перспектив образования и инновационный подход к развитию учителей с дизайнерскими навыками и пытливым мышлением, способных понимать учащихся в быстроменяющемся цифровом и мобильном мире.

Список литературы

1. *Болонский процесс: история и современность* / Национальный офис ERASMUS+ в России. URL: http://erasmusplusinrussia.ru/PDF/BolonProcess/Bolon_Process.pdf (дата обращения: 10.02.2022).

2. *Вульфсон Б.Л.* Сравнительная педагогика: история и современные проблемы. М., 2003.

3. *Джуринский А.Н.* Развитие образования в современном мире. М., 2004.

4. *Сергеева О.Н.* Учение на протяжении всей жизни как один из трендов в системе высшего образования // Педагогический профессионализм в образовании : сб. науч. тр. XI Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 18 – 19 февраля 2015 г.) / под ред. Е. В. Андриенко. Новосибирск, 2015. Ч. 1. С. 75 – 82.

5. *Сингапур* — экономическое чудо в пределах одного города // Бюджет. 2018. 21 дек. URL: <https://bujet.ru/article/362223.php> (дата обращения: 10.03.2022).
6. *Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся PISA* (Programme for International Student Assessment). URL: <https://fioco.ru/PISA> (дата обращения: 21.01.2022).
7. *Darling-Hammond L. Constructing 21st Century Teacher Education* // Journal of Teacher Education. 2006. Vol. 57, №3. P. 300–314.
8. *Chia L.W. Preparing Teachers for the Unknown Future: The Singapore's Perspective* / Международный онлайн-семинар «Педагогическое образование XXI века: новые вызовы и решения», 11 ноября 2021 г.; образовательная платформа SCLAD. URL: https://drive.google.com/drive/folders/1-DGsPf1G_IX8YZKCTP8e8Bca_whinhi5?usp=sharing (дата обращения: 03.02.2022).
9. *Practices of inquiry: Through the Lens of the Student Teachers* / ed. by C. B. Leng. Singapore, 2017. URL: <https://ebook.ntu.edu.sg/20190313-practices-of-inquiry/full-view.html> (дата обращения: 11.02.2022).
10. *Project Work-Exploring Processes, Practices and Strategies* / ed. by A. D. Pillai, M. Ellis, O. S. Tan. Singapore, 2009.
11. *PISA 2015 Assessment and Analytical Framework: Science, Reading, Mathematics and Financial Literacy*. URL: <https://fioco.ru/PISA> (дата обращения: 05.02.2022).
12. *PISA 2015 Results. Vol. 1 : Excellence and Equity in Education*. URL: <https://fioco.ru/PISA> (дата обращения: 01.02.2022).
13. *PISA 2018 Assessment and Analytical Framework*. URL: <https://fioco.ru/PISA> (дата обращения: 01.02.2022).
14. *Seet Shuen Ai Jo-An. Becoming a Teacher: reflection, inquiry and identity*. 2021. URL: <http://www.nie.edu.sg/ppi> (дата обращения: 08.02.2022).
15. *Tan O.S., Low E.L. et al. Singapore Math and Science Education Innovation: Beyond PISA* (Empowering Teaching and Learning through Policies and Practice: Singapore and International Perspectives. Springer, 2021. Book 1. Format: Kindle Edition.
16. *Tan O.S., Chia L.W. et al. Teacher Education in the 21st Century: Singapore's Evolution and Innovation*. Springer, 2017. Format: Kindle Edition.
17. *Tan O.S. Learning for life*. URL: <https://blogs.ntu.edu.sg/ntu-research-hub/2017/12/18/learning-for-life-prof-tan-oon-seng> (дата обращения: 01.02.2022).
18. *The Singapore Teaching Practice* A Singapore Government Agency Website / The Ministry of Education Singapore. URL: <https://www.moe.gov.sg/about/singapore-teaching-practice> (дата обращения: 15.01.2022).
19. *Yew J. e-Portfolio in Teacher Education: our journey* / PGDE Junior College, 2015. URL: <http://www.nie.edu.sg/ppi> (дата обращения: 20.01.2022).
20. *Zhang N. Inquiring into practice: learning for teaching, learning from teaching*. URL: <http://www.nie.edu.sg/ppi> (дата обращения: 12.01.2022).

Об авторах

Анна Олеговна Бударина — д-р пед. наук, проф., директор института образования, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ABudarina@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/000-0001-8878-7183>

Scopus Author ID: 57208750476

Ирина Николаевна Симаева – д-р психол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9491-1099>

Scopus Author ID: 57209421397

Алина Сергеевна Чуприс – канд. пед. наук, Федеральный институт цифровой трансформации в сфере образования, Россия.

E-mail: alina.chupris@gmail.com

Вероника Александровна Шатохина – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: virineya.psy@mail.ru

114

The authors

Prof. Anna O. Budarina, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ABudarina@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/000-0001-8878-7183>

Scopus Author ID: 57208750476

Prof. Irina N. Simaeva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ISimaeva@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9491-1099>

Scopus Author ID: 57209421397

Dr Alina S. Chupris, Federal Institute of Digital Transformation in Education, Russia.

E-mail: alina.chupris@gmail.com

Veronika A. Shatohina, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: virineya.psy@mail.ru

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ВЕСТНИКЕ БФУ ИМ. И. КАНТА

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи для докторантов и докторов наук – 20–30 тыс. знаков с пробелами, для доцентов, преподавателей и аспирантов – не более 20 тыс. знаков.

4. Список литературы должен составлять от 15 до 30 источников, не менее 50 % которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации в изданиях, рецензируемых ВАК и (или) международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора – не выше 10 % от списка использованных источников.

5. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

6. Статья на рассмотрение редакционной коллегией направляется ответственному редактору по e-mail. Контакты ответственных редакторов: http://journals.kantiana.ru/vestnik/contact_editorial/

7. Статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта http://journals.kantiana.ru/submit_an_article и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

9. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

10. Автор имеет право публиковаться в одном выпуске «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» один раз; второй раз в соавторстве – в исключительном случае, только по решению редакционной коллегии.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК – должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи строчными буквами на русском и английском языках (до 12 слов);

3) аннотацию на русском и английском языках (150 – 250 слов, то есть 500 печатных знаков). Располагается перед ключевыми словами после заглавия;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4 – 8 слов). Располагаются перед текстом после аннотации;

5) список литературы (примерно 25 источников) оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008;

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф.И.О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы, e-mail, контактный телефон);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

2. Ссылки на литературу в тексте статей даются только в квадратных скобках с указанием номера источника из списка литературы, приведенного в конце статьи: первая цифра – номер источника, вторая – номер страницы (например: [12, с. 4]).

3. Рукописи, не отвечающие требованиям, изложенным в пункте 1, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная *информация о правилах оформления текста*, в том числе *таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы*, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/vestnik/monograph/>

Рекомендуем авторам ознакомиться с информационно-методическим комплексом «Как написать научную статью»: <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/>

Порядок рецензирования рукописей статей

116

1. Все научные статьи, поступившие в редколлегию Вестника БФУ им. И. Канта, подлежат обязательному рецензированию. Отзыв научного руководителя или консультанта не может заменить рецензии.

2. Ответственный редактор серии определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором серии с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии освещаются следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале, входящем в Перечень ведущих периодических изданий ВАК.

5. Рецензирование проводится конфиденциально. Автор рецензируемой статьи может ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение конфиденциальности допускается только в случае заявления рецензента о недостоверности или фальсификации материалов, изложенных в статье.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный редактор серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией серии.

9. После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Текст рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычным почтовым отправлением.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии и редакции «Вестника Балтийского федерального университета им. И. Канта» в течение пяти лет.

Научное издание

ВЕСТНИК
БАЛТИЙСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. И. КАНТА

Серия

Филология, педагогика, психология

2022

№ 1

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Е. В. Денисенко*

Подписано в печать 15.04.2022 г.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,2

Тираж 300 экз. (1-й завод 44 экз.). Цена свободная. Заказ 44

Подписной индекс 20098

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236001, г. Калининград, ул. Гайдара, 6